

№ 4 (33)
2015

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:
Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;
И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;
Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;
В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;
Л.Н. Древаль,
д-р юрид. наук, профессор;
Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);
М.Н. Зинятова,
канд. филос. наук, доцент;
В.В. Кулыгин,
д-р юрид. наук, профессор;
В.Ф. Лигута,
канд. пед. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Конституционное право. Муниципальное право

Никитина А.В. Концепции правового спора: преломление в категории «конституционно-правовой спор» / 5

Уголовный процесс

Мамошин М.А. Возрождение института дополнительного расследования в российском уголовном судопроизводстве: проблемы и пути их решения / 15

Воробей С.Н., Воробей Д.А. Проблемы теории и практики, связанные с осуществлением мер безопасности в отношении свидетеля в уголовном процессе Российской Федерации / 20

Стельмах В.Ю. Предмет наложения ареста на почтово-телеграфные отправления / 27

Якубина Ю.П. Защита прав и интересов потерпевшего – обязанность государства и необходимое условие справедливого правосудия / 33

Артёмов С.В. О нормативной основе обеспечения прав несовершеннолетнего потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела / 39

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Кулыгин В.В. Современные тенденции уголовно-правовой охраны культурного наследия в Российской Федерации и Китайской Народной Республике / 45

Тулиглович М.А. Имплементация методологии синергетики в уголовное право (статья первая) / 51

Антонов И.М. Криминализация и пенализация общественно опасных деяний: соотношение понятий / 57

Семикина М.С. Участковый уполномоченный полиции как субъект профилактики и предупреждения преступлений, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних / 64

Попова А.С. Криминологическая характеристика лица, совершающего преступления в сфере здравоохранения / 68

Административное право. Административный процесс

Желонкина Е.А. Административная ответственность за нарушение законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: проблемы правоприменительной практики / 76

Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
С.В. Супрун,
канд. юрид. наук, доцент;
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 25.12.2015.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04.
Тираж 300 экз. Заказ № 125.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2015

**Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность.
Оперативно-розыскная деятельность**

Чурилов С.Н. В каких границах быть предмету криминалистики? / 82

Оболкина А.Л. Значение метода моделирования при организации расследования дорожно-транспортных преступлений / 87

Колотушкин С.М., Забавина А.Ю. Использование возможностей навигационного позиционирования объектов по некоторым направлениям отраслевого законодательства в целях раскрытия и расследования преступлений / 93

Жердев П.А. Тактические особенности изъятия электронных носителей информации / 97

Прокопцева Н.В., Карева А.А. Свойства характера личности вероятного преступника как элемент криминалистической характеристики умышленного причинения вреда здоровью / 102

Ярошенко С.А. Понятие и содержание элементов комплексной характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых в системе здравоохранения / 109

Митьков В.Н. Тенденции развития этнической преступности и преступности иностранных граждан в новых политических и социально-экономических условиях / 115

Гражданское право. Предпринимательское право. Семейное право

Болдырев В.А. Внутренние нормативные документы юридического лица: проблемы принятия и оспаривания / 119

Древаль Л.Н., Гордиевская М.Н. Институт усыновления: некоторые вопросы правоприменения / 126

Международное право. Европейское право

Рыбак А.А. Международно-правовые основы миграции и миграционной политики Российской Федерации / 132

Информация для авторов / 138

№ 4 (33)
2015

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief

A.S. Bakhta,

Doctor of Law, professor

Deputy Editor-in-Chief

A. N. Deryuga,

Doctor of Law, associate professor

Executive Secretary

A.A. Osadchy

Editorial staff:

E.U. Antonova,

Doctor of Law, associate professor;

I.M. Antonov,

*Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;*

D.A. Barinov,

*Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;*

V.N. Boiko,

Doctor of Law, professor;

N.N. Deryuga,

Doctor of Law, professor;

L.N. Dreval,

Doctor of Law, professor;

N.N. Egorov,

Doctor of Law, professor

(Moscow);

M.N. Zinyatova,

*Kandidat nauk degree in Philosophy,
associate professor;*

V.V. Kuligin,

Doctor of Law, professor;

V.F. Liguta,

*Kandidat nauk degree in Pedagogy,
professor;*

CONTENTS

Constitutional law. Municipal law

Nikitina A.V. The concepts of a legal dispute: the refraction in the category of "constitutional legal dispute" / 5

Criminal procedure

Mamoshin M.A. The revival of the institute of further investigation in the Russian criminal procedure: problems and ways of their solution / 15

Vorobei S.N., Vorobei D.A. Problems of the theory and practice related the implementation of security measures for witnesses in a criminal trial of the Russian Federation / 20

Stelmakh V.Y. The subject of the seizure of postal and telegraph / 27

Yakubina Y.P. Protecting the rights and interests of victims – responsibilities state and necessary conditions of fair justice / 33

Artemov S.V. About the standard basis of ensuring the rights of the juvenile victim at the stage of bringing the criminal case / 39

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Kulygin V.V. Modern tendencies of criminal legal protection of cultural heritage in Russian Federation and People's Republic of China / 45

Tuliglovich M.A. Implementation of methodology of synergetics in criminal law (*the first article*) / 51

Antonov I.M. The criminalization and penalization of socially dangerous acts: correlation of concepts / 57

Semikina M.S. The district commissioner of police as the subject of the prevention of crimes involving the exploitation of minors / 64

Popova A.S. Criminological characteristics of an offender, committing crimes in the sphere of public / 68

Administrative law. Administrative procedure

Zhelonkina E.A. Administrative responsibility for breaking law in the sphere of citizens' health protection from the influence of inhaling smoke and consequences of smoking: problems of law enforcement practice / 76

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, professor;
S.V. Suprun,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;
M.A. Tuliglovich,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;
S.U. Udartsev,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor
(Krasnodar);
N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, professor
(Vladivostok)

Managing editor
E.U. Kolobanova
Proofreader
N.B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 25.12.2015.
Format 60x84 1/8. Size 16,04 printer sheets. Circulation 300 copies. Order № 125.
Free price.
Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. Editorial office. Printing House.
15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 2015

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Churilov S.N. In what limits to be the subject of criminalistics? / **82**

Obolkina A.L. The value of the method of simulation in the organization of investigation road traffic offences / **87**

Kolotushkin S.M., Zabavina A.Y. Using the navigation position objects in some areas of sectoral legislation for the purposes of disclosing and investigation of crimes / **93**

Zherdev P.A. Tactical features of the seizures of electronic media / **97**

Prokoptseva N.V., Kareva A.A. Properties of the person character of the likely culprit as an element of criminalistic characteristic of intentional injury health / **102**

Yaroshenko S.A. The concept and content of the elements of the complex characteristics of economic crimes in the health system / **109**

Mitkov V.N. Trends in the development of ethnic crime and crime of foreign citizens in the new political and socio-economic conditions / **115**

Civil law. Business law. Family law

Boldyrev V.A. Internal normative documents of the legal entity: problems of acceptance and impugment / **119**

Dreval L.N., Gordievskaya M.N. The institute of adoption: some issues of law enforcement / **126**

International law. European law

Rybak A.A. The international legal framework of migration and migration policy of the Russian Federation / **132**

Information for authors / 138

УДК 342

**КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО СПОРА: ПРЕЛОМЛЕНИЕ
В КАТЕГОРИИ «КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СПОР»**

Анна Васильевна Никитина, доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук, доцент

E-mail: A_Nikitina@inbox.ru

В статье анализируются различные концепции правового спора для выяснения того, какая из них в большей степени подходит для определения сущности конституционно-правового спора. Используя сравнительный и системный методы, автор рассматривает концепции спора как правонарушения, как результат правонарушения, как особого состояния субъективного права или правоотношения, возникшего в результате нарушения или оспаривания права. Анализируются также распространенные в юридической науке концепции спора как разногласия, правоотношения и юридического конфликта, которые, по мнению автора, в большей степени подходят для описания такого явления, как конституционно-правовой спор.

Ключевые слова: правовой спор; юридический конфликт; разногласия; правонарушение; правовое отношение; конституционно-правовой спор.

**THE CONCEPTS OF A LEGAL DISPUTE: THE REFRACTION IN THE
CATEGORY OF «CONSTITUTIONAL LEGAL DISPUTE»**

Anna Vasilyevna Nikitina, chair associate professor of the Khabarovsk State University of Economics and Law *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article analyzes the various concepts of a legal dispute to determine which of them is more suitable to define the essence of the constitutional legal dispute. Using comparative method and method of system analysis, the author examines the concept of legal dispute as offence, as a result of offence, as a specific state of a subjective right or a legal relationship arising out of a violation or contesting the right. The article also discusses common in legal science the concept of dispute as disagreement, legal relationship and legal conflict, which, in the author's opinion, more appropriate to describe the phenomenon of constitutional legal dispute.

Keywords: legal dispute; legal conflict; disagreement; offence; legal relationship; constitutional legal dispute.

Изучение малоработанной в конституционном праве категории «конституционно-правовой спор» неизбежно требует обращения к другим отраслевым юридическим наукам, для которых категория правового спора, или спора о праве, является более традиционной. Юридическая природа, понятие, содержание, форма, виды и способы разрешения правовых споров изучаются в отечественном правоведении достаточно давно в рамках многих отраслей российского права. Трудовому праву известна категория «трудовой спор», семейному праву – «семейно-правовой спор», земельному и экологическому праву – соответственно «земельный спор» и «экологический спор». Для гражданского процессуального права категория «спор о праве» является предопределяющей содержание и движение гражданского процесса. В административном праве

последние два десятилетия активно ведется разработка категорий «административно-правовой спор», «управленческий спор». Международное право оперирует категориями «международный спор», «спор, угрожающий международному миру и безопасности».

Для науки конституционного права категория «конституционно-правовой спор» не является традиционной, хотя имеются отдельные научные работы, посвященные данному виду споров [2; 7; 19]. В рамках учебной дисциплины «Конституционное право» (в отличие от иных юридических дисциплин) конституционно-правовые споры не изучаются отдельно, что актуализирует необходимость теоретического осмысления понятия и сущности данного явления. К сожалению, без обращения к достижениям иных отраслевых наук это сделать невозможно. Однако следует признать, что специфика предмета конституционного права, его норм, правоотношений, источников, субъектов и объектов требует осторожного, избирательного подхода к понятию и сущности правового спора (спора о праве), выработанного в гражданском, земельном, трудовом, семейном, экологическом и иных отраслях российского права.

В силу этого в настоящей статье будут рассмотрены основные концепции правового спора (спора о праве) для выработки понимания того, какая из них более подходит для характеристики спора как явления конституционно-правового характера.

В течение длительного времени концепции правового спора развивались специалистами гражданского процессуального права исключительно в свете характеристики спора о праве (вначале – спора о праве гражданском, а затем – и административном). При этом наиболее распространенными были концепции спора как правонарушения, спора как результата нарушения права и спора как особого состояния права, возникшего в результате нарушения. При определенном внешнем сходстве эти концепции характеризуются определенными отличиями.

Понимание *спора как нарушения права, как правонарушения* было характерно не только для гражданского процессуального права советского периода, но и для многих других отраслей советского права. В трудах Н.А. Чечиной спор отождествлялся с правонарушением, вследствие которого один из субъектов спора добивается от суда защиты своих прав путем устранения нарушения и приведения правоотношения в бесспорное состояние [39, с. 144]. В свою очередь, А.П. Петухов, рассматривая административный спор в качестве разновидности административного правонарушения, полагал, что последнее проявляется в двух видах: 1) в «чистом» правонарушении, то есть деянии, представляющем состав определенного деликта; 2) в правовом споре, то есть определенном состоянии общественного отношения, когда один из субъектов полагает, что его права нарушаются противоправным поведением другого субъекта [34, с. 8-9].

Однако такая концепция справедливо критиковалась в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, само по себе нарушение еще не является спором, поскольку сторона, чье право нарушено, может не знать о нарушении или мириться с ним, а нарушитель, в свою очередь, может добровольно удовлетворить претензии потерпевшего. Во-вторых, сам по себе факт нарушения также является спорным, то есть до разрешения спора судом является предположительным обстоятельством.

Следует признать, что в указанной концепции происходит смешение двух разных по природе юридических явлений, и отличие между ними проявляется прежде всего в субъектном составе. Если правонарушение проявляется в деянии (действии или бездействии) конкретного лица, то для спора характерна конфликтная, противоборствующая взаимосвязь, как минимум, между двумя лицами.

Нарушение права или охраняемого законом интереса может являться лишь предпосылкой спора, основанием для обращения за судебной защитой, на что и указывают последователи *концепции «спор как результат правонарушения»*. В свое время Н.А. Земченко писала о том, что «спор может возникнуть в результате совершенного гражданского правонарушения» [22, с. 5-6].

Недостатки и этой концепции очевидны: во-первых, указанная концепция объясняет лишь причину возникновения спора, однако, сама по себе не объясняет, что есть спор, в чем его сущность; во-вторых, спор может возникнуть не только из нарушения права, но и из оспаривания права или правоотношения (сомнению может подвергаться существование не только субъективного права, но и самого правоотношения между сторонами).

В силу этого в процессуальном праве получила широкое распространение концепция спора как *определенного состояния субъективного права (или правоотношения)*, вызванного нарушением (или правонарушением), неисполнением обязанности, оспариванием права или другими действиями, перенесшая центр тяжести с причины спора на его сущность.

Определяя спор как «помеху, сопротивление, препятствие осуществлению права», выражающийся в действиях, создающих «неизвестность и сомнение в существовании права или обязанности», М.А. Гурвич указывал на то, что «спорное право до его подтверждения судом находится в неопределенном состоянии» [10, с. 68-71]. Спор, по его мнению, это такое состояние права (правоотношения), в котором для осуществления права требуется, согласно закону, решение суда [10, с. 69]. Еще далее в данном вопросе идет П.Ф. Елисейкин, прямо утверждая, что «спор о праве гражданском означает особое состояние гражданского субъективного права, наступившее в силу определенных причин: его нарушения или оспаривания» [12, с. 74]. Л.А. Ванеева рассматривает спор о праве как особое состояние регулятивного материального правоотношения, которое оно приобретает в результате нарушения [6, с. 11].

Таким образом, ученые определяют спор о праве как особое (спорное, неопределенное) состояние субъективного права или самого правоотношения, возникшее в результате неисполнения обязанностей, нарушения или оспаривания субъективных прав одной из сторон правоотношения, иными действиями, создающими помехи в осуществлении права. В определенной мере все эти стороны спора описал И.М. Зайцев. Любой спор о праве, по его мнению, возникает в гражданском обороте из-за действительного или предполагаемого посягательства одного лица на права и охраняемые интересы другого лица. Юридический спор может касаться нарушения субъективных прав или их оспаривания. При нарушении умаляются определенные имущественные блага в результате действий или бездействия нарушителя. В случае оспаривания, в правоотношениях возникают неясности и неопределенности. Любой спор создает помехи в правоотношении и затрудняет нормальное осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей [17, с. 88].

Обобщая данные концепции применительно к конституционно-правовому спору, следует отметить, что при определенных условиях конституционно-правовой спор можно рассматривать как результат нарушения или оспаривания конституционных (основных) прав и свобод, конституционно установленных или разграниченных предметов ведения и полномочий, конституционно охраняемых публичных (или общественных) интересов. Тем не менее, концепция спора как результата нарушения права или особого состояния субъективного права (правоотношения) не может быть распространена на все конституционно-правовые споры, поскольку сущность спора, в соответствии с этими концепциями, связана с определенным состоянием субъективного права как элемента правоотношения.

В отраслевых научных исследованиях термин «спор о праве», по общему правилу, трактуется как спор между субъектами конкретного правоотношения, связанными друг с другом через взаимные права и обязанности [20, с. 18]. Так, С.А. Голощапов отмечает, что любой спор имеет свое материальное содержание, заключающееся в разногласиях между субъектами конкретного правоотношения [8, с. 7]. Специалисты в области трудового права указывают, что трудовой спор «существует между субъектами материального трудового правоотношения...» [36, с. 295].

Между тем для многих конституционно-правовых споров характерно то, что стороны такого конфликта до обращения в суд не связаны конкретным материальным конституционным правоотношением, в рамках которого реализуются субъективные права и юридические обязанности. Даже в тех случаях, когда заявителями являются граждане и их объединения, утверждающие о нарушении своих конституционных прав и свобод, на рассмотрение судебного органа конституционного контроля передается не спорное материальное правоотношение (оно было предметом разбирательства в суде общей юрисдикции или арбитражном суде), а вопрос о конституционности оспариваемого закона. Противоположной стороной в таком споре выступают органы и (или) должностные лица, чей акт оспаривается (например, Государственная Дума, Совет Федерации, Президент РФ, принявшие и подписавшие оспариваемый федеральный закон), с которыми гражданин или объединение граждан не состояли в спорном материальном правоотношении.

Большинство конституционно-правовых споров возникают не как споры о праве (хотя и такие имеют место, например, избирательные споры [24, с. 12-13]), а как споры о конституционности (законности) нормативных правовых актов.

Очень близка к предыдущей концепция *«правового спора как правоотношения»*. Эта идея также появилась в трудах специалистов в области гражданского процессуального права, в частности, П.Ф. Елисейкина [14], В.В. Бутнева [5], И.М. Зайцева [16; 18] и других. Объединяя имеющиеся точки зрения, Н.Н. Тарусина указывала: «Если отбросить все частные, юридико-специальные различия в суждениях ученых о конструкции спора о праве и, напротив, выявить момент общности между ними, то получим следующий результат: через какое бы родовое понятие ни определялся спор о праве – состояние субъективного права, помехи к его осуществлению, разногласия, конфликт и т.д., суть его сводится в конечном счете к определенному виду общественного отношения» [37, с. 50-58]. Итогом длительных исследований И.М. Зайцева стало следующее определение: «Спор – это регламентированное нормами соответствующего материального права общественное отношение конфликтующих участников, каждый из которых может иметь обязанности и притязания по отношению к другой стороне» [17, с. 88-90].

Развитие этой концепции прослеживается и в современных исследованиях, посвященных спорам, в том числе публично-правового характера. Для налогового и административного права характерно определение спора через категорию «правоотношение». Например, понятие налогового спора как налогово-правового отношения, отражающего противоречия между государством и налогоплательщиком, сформулировано С.М. Мироновой [29, с. 9]. Е.Б. Лупарев понимает под спором такой тип правоотношений, который характеризуется наличием противоречий сторон, вызванных конфликтом интересов или несовпадением взглядов [27, с. 134]. Похожее определение дает А.А. Павлушина: «Спор – это правоотношение с участием сторон, основанное на разногласии их по поводу применения нормы права, которое разрешается третьей – незаинтересованной стороной» [33, с. 3].

Указанная концепция спора, в отличие от предыдущей, переносит акцент с субъективного восприятия сторонами спора своих прав и обязанностей на поведенческий аспект – на действия сторон, направленные на защиту нарушенных или оспоренных прав. Содержание такого правоотношения – уже не оспоренные (ущемленные или нарушенные) права и обязанности, а новые – направленные на урегулирование спора между сторонами. Характеризуя содержание такого правоотношения, В.В. Бутнев пишет: «Содержанием спора о праве являются взаимные права и обязанности спорящих сторон по убеждению друг друга в своей правоте, выражающиеся в закреплённых в законе правах и обязанностях сформулировать, обосновать и доказать свои требования и возражения» [5, с. 43-50].

В рамках данной концепции спор рассматривается как явление реальной действительности, проявляющееся в определенных действиях (бездействии) сторон спора, направленных друг против друга. При этом связь сторон спора имеет конфликтный характер, основана на противоречиях сторон, обусловленных противоположными интересами.

Характеристика спора как общественного отношения, безусловно, имеет ряд преимуществ: 1) может быть применена не только к спорам о праве, в которых стороны изначально были связаны конкретным общественным отношением, но и к иным разновидностям споров, поскольку возникновение спора неизбежно влечет возникновение связей – отношений между его участниками; 2) позволяет определить место правового спора в механизме правового регулирования как особого вида правоотношения; 3) позволяет построить конструкцию правового спора – выделить в структуре правового спора субъекты, объект, содержание.

В связи с этим имеются реальные перспективы распространения указанной концепции на категорию «конституционно-правовой спор». Между тем трудности применения этой концепции к конституционно-правовым спорам связаны с тем, что данная концепция не до конца проработана.

Во-первых, не ясно, какие юридические факты порождают спорное (конфликтное) правоотношение. Так, например, М.А. Рожкова, рассматривая спор о праве, отмечает, что помимо нарушения или оспаривания субъективных прав одной стороны гражданского правоотношения другой стороной возникновение спора обусловлено такими юридическими фактами, как предъявление субъектом защиты требования к нарушителю об определенном поведении и неисполнение нарушителем требования субъекта защиты [35, с. 98-102]. Другие же ученые отмечают, что требования и возражения на них являются не основанием возникновения спора, а его структурными элементами [21, с. 432-436].

Во-вторых, противоречивыми являются мнения ученых относительно предмета, объекта и содержания конфликтного правоотношения. Одни и те же явления ученые называют то предметом, то объектом спора. Например, нарушенные или оспоренные субъективные права и законные интересы, по мнению одних ученых, являются объектом спора [40, с. 17-18; 15, с. 55], а по мнению других, – предметом [20, с. 281-300]. Что касается содержания конфликтного правоотношения, то его составляют взаимные права и обязанности сторон спора. Однако, что это за права и обязанности? Попытку перечисления этих прав и обязанностей сделал И.М. Зайцев применительно к хозяйственным спорам, описав, по существу, через совокупность прав и обязанностей претензионный порядок урегулирования хозяйственного спора.

В-третьих, не ясно, как спор, будучи правоотношением, соотносится с тем материальным правоотношением, в котором стороны состояли и по поводу которого возник спор. Например, П.Ф. Елисейкин различал две категории спора о праве: материально-правовую – состояние регулятивного правоотношения, возникающее в результате правонарушения, существующее до и вне процесса, и процессуальную – охранительное отношение, находящееся на рассмотрении суда в связи с обращением заинтересованного лица [11, с. 89-90]. В.В. Бутнев, напротив, разделял понятия «спор о праве» и «спорное правоотношение». По его мнению, спорное правоотношение – это те права и обязанности, то правовое отношение, по поводу которого идет спор; это предмет спора. Однако, спор о праве не тождествен тому регулятивному правоотношению, из которого он возник, поскольку спор – правоотношение охранительного характера [5, с. 45, 48, 49]. Нечто подобное можно найти у И.М. Зайцева, который указывал на то, что «спор возникает из правоотношения, которое определяет его» и что сам «спор о праве является определенной связью его участников, регулируемой правом, то есть представляющей собой правоотношение» [18, с. 36, 83].

Проблема анализа спора как правоотношения осложняется и тем, что между учеными не достигнуто согласия в вопросе о том, к какому виду относится спор как правоотношение, называя его и охранительным [18, с. 50-58; 20, с. 99], и организационно-охранительным [5, с. 43-50], и охранительно-процессуальным [13, с. 13-15], и процессуальным, и материально-процессуальным [33, с. 4].

Ответы на эти вопросы – лишь перспектива дальнейших научных исследований, но они позволили бы вполне успешно применить концепцию спора как правоотношения к анализу конституционно-правовых споров.

Концепция «спора как разногласия», хотя и уходит своими корнями также в гражданское процессуальное право, на сегодня получила широкое распространение практически во всех отраслях российского права. При этом термин «разногласия» часто используется наряду с термином «спор» в отраслевом законодательстве как взаимозаменяемые категории. Так, А.М. Нехороших пишет: «Сущность спора как раз и выражается наличием разногласий у противоположных его сторон, что позволяет быстро и однозначно определить, есть спор о праве либо его нет» [30, с. 28].

Многие ученые, анализируя понятие правового спора с позиций правонарушения, общественного отношения, особого правоотношения или состояния субъективного права, также в той или иной степени обращали внимание на внешний аспект спора, отражающий психологическое отношение субъектов к своим правам и обязанностям, актам или поведению противоположной стороны в споре. По мнению Р.Е. Гукасяна, спор о праве свидетельствует о том, что между сторонами нет согласия: одна сторона считает, что у нее есть субъективное материальное право, другая оспаривает ее существование [9, с. 83]. М.Д. Матиевский, отстаивающий исключительно процессуальную природу спора о праве, также определял сущность и содержание спора через категорию, сходную с термином «разногласия» [28, с. 32]. По его мнению, сущность спора о праве заключена «в различии тех выводов, которые делают по поводу своих прав и обязанностей сами стороны материально-правового отношения или уполномоченные на то законом лица и которые выражены вовне тем или иным способом, доступным для восприятия» [28, с. 32].

Следует признать, что концепция спора как разногласия является наиболее универсальной и приемлемой для характеристики правового спора любой отраслевой принадлежности, в том числе и конституционно-правового спора. Отдельные ученые даже утверждают, что из всех существующих концепций эта «представляется наиболее убедительной» [4, с. 50]. Вместе с тем, с момента своего появления она подвергалась критике за то, что была основана исключительно на этимологическом толковании слова «спор». Так, например, И.М. Зайцев указывал на то, что сторонники концепции «спор – это разногласие» говорят не о природе спора, а об одной из форм его объективизации – через несовпадение позиций участников. «Разногласия, – пишет он, – есть один из возможных вариантов поведения спорящих сторон. Однако форма явления, причем не единственная, еще не его сущность» [16, с. 21]. Профессор М.А. Гурвич, отмечая, что спор в значении «пререкания с противником о существовании права» является нормальным, обычным в судебных делах, указывает и на то, что такой спор не является «необходимым, обязательным условием искового производства», добавляя, что «между юридико-техническим и общеупотребительным значением слова «спор» имеется немаловажное различие, в котором процессуалист обязан отдавать себе отчет» [10, с. 69].

Вместе с тем, при анализе категории «разногласия» следует учитывать, что, как и «спор», термин «разногласия» с течением времени приобрел в юриспруденции особый смысл, юридическое значение. Термин «разногласия» является частью юридической терминологии в различных отраслях российского права. Он используется в Конституции РФ (ст. 85), Гражданском кодексе РФ (например, ст. 466, 507, 528), Трудовом кодексе РФ (ст. 381, 389), Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» при определении индивидуального служебного спора (ст. 69),

Семейном кодексе РФ (ст. 58, 62, 65, 78), конституциях (уставах) субъектов РФ, многочисленных подзаконных актах.

Сегодня разногласия в юридическом понимании представляют не просто «отсутствие согласия из-за несходства во мнениях», «противоречие, несогласованность» [32, с. 650] или «словесное (устное или письменное) состязание», а являются внешней формой выражения противоречия между субъектами права, которая представляет собой не только различную оценку ими прав и обязанностей, юридически значимых действий (бездействия), сформулированную в виде взаимоисключающих суждений и выводов, имеющих юридические последствия, но и проявляется в определенных действиях субъектов, направленных друг против друга. Чтобы взаимоисключающие выводы и суждения стали разногласием или правовым спором, нужна еще их объективизация в виде определенных действий или бездействия сторон. Характер таких действий (бездействия) значения не имеет, важно лишь, чтобы «внутреннее возникшее несогласие у одной стороны с поведением другой стороны» нашло свое выражение «способом, доступным для восприятия» [28, с. 32].

Аналогичная мысль прослеживается в определении правового спора, данного А.Н. Кожухарем: «Правовой спор – внешнее проявление несовпадения в правовых убеждениях сторон относительно существования субъективного права или обязанности или по поводу наличия или отсутствия правоотношения, его объема и содержания и вызванное этим несовпадением противоположное их поведение, что создает помехи в осуществлении управомоченным лицом предполагаемого права или неопределенность во взаимоотношениях сторон» [25, с. 81]. Таким образом, наряду с объективированными вовне разногласиями авторы указывают и на такой признак правового спора, как противоположное поведение спорящих сторон.

Понимание правового спора как разногласия в целом характерно и для конституционного права. В одном из энциклопедических словарей по конституционному праву России дано следующее понятие: «Конституционный спор – разногласия (конфликт), возникшие между участниками конституционно-правовых отношений в процессе осуществления ими своих прав и обязанностей и разрешаемые в установленном порядке» [23, с. 150]. Е.К. Замотаева определяет конституционно-правовой спор в общем виде как «разногласия, противоречия между участниками конституционно-правовых отношений» [19, с. 2]. О.В. Брежнев под конституционно-правовым спором понимает «разногласие, возникшее между субъектами конституционно-правовых отношений в процессе реализации норм конституционного права и подлежащее разрешению в особом порядке, установленном законом, в том числе путем использования государственными органами юрисдикционных полномочий» [3, с. 36].

Концепция *правового спора как юридического конфликта* является на сегодняшний день не менее распространенной, чем концепция спора как разногласия или спора как правоотношения. Степень ее универсальности и применимости для анализа любого правового спора подтверждается современными исследованиями, в основе которых лежит понимание спора как одной из форм проявления общественных противоречий.

Несмотря на то, что понимание юридического конфликта не является однозначным в научных исследованиях, при всей разности определений общим является то, что юридический конфликт рассматривается как внешняя форма проявления социального противоречия, которое выражается в противоборстве (противодействии) сторон – субъектов права (правоотношения), характеризуя определенный тип взаимодействия между ними. Ученые указывают также на такие признаки юридического конфликта, как противоречивость правовых интересов сторон юридического конфликта [1, с. 24; 38, с. 14]; возникновение конфликта в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права [26, с. 126; 31, с. 432]; существование юридической процедуры его завершения, то есть возможность завершения (приостановления, прекращения, разрешения) юридического конфликта юридическим способом

[31, с. 432; 38, с. 14] или посредством юридических средств и методов [1, с. 24]. Безусловно, все эти качества присущи конституционно-правовому спору.

Исходя из конфликтологического подхода, конституционно-правовой спор в самом общем виде можно определить как разновидность конституционно-правового конфликта, выражающегося в противоборстве сторон – субъектов конституционного права с противоположными интересами, который завершается (или имеет возможность завершиться) посредством конституционно-правовых процедур.

Достоинства использования этой концепции при анализе конституционно-правовых споров состоят в том, что, во-первых, спор как конфликт не требует от сторон «связанности» конкретным материальным правоотношением до возникновения спора, однако, наличие конфликтной ситуации свидетельствует о взаимодействии, противоборстве сторон, обладающих противоположными интересами. Противоборствующие типы поведения отражают наличие конфликтного правоотношения между сторонами, которое выступает в качестве объективной стороны правового конфликта. Во-вторых, у юридического конфликта имеется и субъективная сторона – оценка конфликтной ситуации участниками этого правоотношения, внешней стороной которой выступают разногласия, отражающие противоречия правовых интересов сторон. И, в-третьих, конфликтологический подход позволяет увидеть предпосылки правового спора не только в нарушениях субъективного права или помехах, создаваемых для его осуществления, но в любых действиях по созданию, реализации, применению, изменению, нарушению, толкованию права, приведших к противоречиям между сторонами.

Таким образом, конфликтологический подход позволяет в определенной степени «примирить» все иные концепции правового спора, найти в них точки соприкосновения. Действительно, понятие правового спора многогранно. Его содержание может быть предопределено тем, что стороны оспаривают существование материального правоотношения между ними или, не отрицая связанности правоотношением, оспаривают те или иные элементы его содержания – субъективные права или обязанности, что приводит к их неопределенности. Спор может быть вызван нарушением или оспариванием. Однако во всех этих случаях спор представляет собой юридический конфликт – противодействие (столкновение) субъектов права, вызванное противоречиями между ними, имеющими объективное и субъективное проявление.

Таким образом, исследование правового спора в юридической литературе идет по нескольким направлениям, ни одно из которых не может быть отвергнуто полностью при анализе конституционно-правового спора, поскольку отдельные выводы и идеи каждой из предложенных концепций могут быть использованы при описании предпосылок, природы и сущности конституционно-правового спора.

Литература

1. Астахов П.А. Юридические конфликты и современные формы их разрешения (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
2. Брежнев О.В. Конституционно-правовые споры как явления современной действительности (генезис, содержание, порядок разрешения) // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 4.
3. Брежнев О.В. Судебный конституционный контроль в России: проблемы методологии, теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Бутнев В.В. Правовой спор и новое процессуальное законодательство // Проблемы защиты субъективных гражданских прав: сб. науч. тр. / под ред. В.В. Бутнева. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2003. Вып. 4.
5. Бутнев В.В. Спор о праве – организационно-охранительное правоотношение // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1981.
6. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском праве: учеб. пособие. Владивосток, 1972.

7. Власова К.Б. Конституционные споры как предмет судебного разрешения (по страницам одной диссертации) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10.
8. Голощапов С.А. Понятие, виды, причины, подведомственность трудовых споров. М., 1984.
9. Гукасян Р.Е. Проблемы интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970.
10. Гурвич М.А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950.
11. Елисейкин П.Ф. Гражданские процессуальные правоотношения: учеб. пособие. Ярославль, 1975.
12. Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе. Владивосток, 1969.
13. Елисейкин П.Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974.
14. Елисейкин П.Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978.
15. Емалтынов А.Р. Процессуальные особенности рассмотрения земельных споров: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.
16. Зайцев И.М. Сущность хозяйственных споров. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.
17. Зайцев И.М. Функции иска в судопроизводстве // Государство и право. 1996. № 7.
18. Зайцев И.М. Хозяйственный спор как охранительное правоотношение // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1981.
19. Замотаева Е.К. Конституционно-правовые споры // Конституционное и муниципальное право. 2004. № 5.
20. Зеленцов А.Б. Теоретические основы правового спора: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
21. Зеленцов А.Б. Юридическая конструкция административно-правового спора (проблемы построения) // Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.
22. Земченко Н.А. Деятельность суда первой инстанции по предупреждению гражданско-правовых споров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1970.
23. Иванец Г.И., Калинин И.В., Червонюк В.И. Конституционное право России: энциклопедический словарь / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002.
24. Князев С.Д., Охотников Р.А. Избирательные споры: юридическая природа и порядок рассмотрения: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005.
25. Кожухарь А.Н. Предварительное внесудебное рассмотрение спора как предпосылка права на предъявление иска: дис. ... канд. юрид. наук. Кишинев, 1971.
26. Кудрявцев В.Н. Юридическая конфликтология // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 2.
27. Лупарев Е.Б. Общая теория административно-правового спора. Воронеж, 2003.
28. Матиевский М.Д. Спор о праве в советском гражданском процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978.
29. Миронова С.М. Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации: финансово-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
30. Нехороших А.М. Претензионное производство как институт предварительного досудебного урегулирования споров, возникающих из правоотношений по железнодорожной перевозке грузов: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
31. Общая теория государства и права: акад. курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М.: Зерцало-М, 2001.
32. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
33. Павлушина А.А. Спор как базовая категория теории юрисдикционного процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 7.
34. Петухов А.П. Административный процесс в юрисдикционной деятельности органов советского государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1981.
35. Рожкова М.А. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. № 4.

36. Скобелкин В.Н. и др. Трудовое процедурно-процессуальное право: учеб. пособие / под ред. В.Н. Скобелкина. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2002.
37. Тарусина Н.Н. О теоретических предпосылках исследования понятия «спор о праве» // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1981.
38. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
39. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965.
40. Шольгина О.И. Интересы ребенка как объект семейно-правового спора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.98

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Максим Анатольевич Мамошин, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: mistermaxim@yandex.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы возрождения института дополнительного расследования по действующему УПК РФ. Автор рассматривает положительные и отрицательные стороны наделения судебных органов полномочиями по возвращению уголовного дела прокурору для его переквалификации на более тяжкое преступление. Также вносятся предложения по совершенствованию института дополнительного расследования с учетом современных реалий уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: дополнительное расследование; суд; следователь; прокурор; обвинительная функция.

THE REVIVAL OF THE INSTITUTE OF FURTHER INVESTIGATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: PROBLEMS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

Maxim Anatolyvich Mamoshin, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

This article covers the current issues of the Renaissance Institute of further investigation under the current criminal procedure code of the Russian Federation. The author examines the positive and negative sides of the vesting of the judicial authorities the authority to return the criminal case to the Prosecutor for his transition to a more serious crime. Also, suggestions for improvement of the Institute of further investigation taking into account modern realities of the criminal justice process.

Keywords: further investigation; judgment; investigator; prosecutor; the accusatory function.

Проблемы института дополнительного расследования в российском уголовном судопроизводстве начали набирать обороты с появлением Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 269, который дал пищу для размышления как сторонникам восстановления данного института, так и его ярким противникам. Речь идет о наделении суда полномочием возвращать уголовное дело прокурору для организации дополнительного расследования, связанного с переквалификацией предъявленного обвинения на более тяжкое, что, на наш взгляд, несовместимо с истинным предназначением этого государственного органа и противоречит принципу состязательности сторон.

Действительно, смотреть на суд как на карательный орган во времена полной ликвидации розыскного уголовного процесса уже не принято. Но происходящие в последнее время события и движения законодателя навеивают мысль о том, что недолгая эпоха существования состязательного уголовного процесса в Российской Федерации начинает подходить к концу и возврат в прошлое так близок.

В данной статье мы попытались разобраться, чем грозит усиление роли суда в контроле над органами предварительного расследования через возвращение материалов уголовного дела на дополнительное расследование, его ли это дело?

Вообще надо понимать, что отношение к институту возвращения уголовного дела на дополнительное расследование неоднозначное и противоречивое. Всем известно, что современная государственная власть делится на законодательную, исполнительную и судебную ветви, что подчеркивает их независимость, самостоятельность и обособленность. Это вполне закономерная демократическая идея, которая очень долгое время не могла никак прижиться в Российском государстве. Тем не менее, идея разделения властей – не отечественный, а западный «продукт», но в настоящее время вряд ли найдется много желающих от него отказаться. Судебная власть в России играет главнейшую роль, никак не сравнимую с той, что ей отводилась еще в недалеком прошлом. Несмотря на всю широту судебных полномочий, которые ей предоставила Конституция РФ и ряд других федеральных конституционных и федеральных законов, возникает вопрос: насколько эти полномочия безграничны и где их пределы? В рамках настоящей статьи речь будет идти об уголовном судопроизводстве, в котором суду отведено ключевое место.

Суд является самостоятельным участником уголовного процесса наряду со сторонами обвинения, защиты, иными участниками. Известно, что недопустимо возложение нескольких функций (обвинение, защита) на одно и то же лицо или один и тот же орган. Так, исходя из буквального толкования норм УПК РФ, следователь как сторона обвинения обязан принять все законные меры для изобличения лица в совершении преступления, и, следовательно, вся всесторонность, объективность и полнота расследования волей-неволей будет им подгоняться под установленное законом требование к данному участнику - обвинять, обвинять и еще раз обвинять. Действительно, суд не может вмешиваться в расследование, проводимое следователем, дознавателем, а тем более самостоятельно осуществлять функцию уголовного преследования. Но теперь законодатель поставил под сомнение абсолютную несовместимость возложения нескольких функций на одного и того же участника уголовного процесса.

В соответствии со ст. 237 УПК РФ на предварительном слушании суд решает вопрос о возможности возвращения уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения по нескольким основаниям:

1) обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, акта или постановления;

2) копия обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления не была вручена обвиняемому, за исключением случаев, если суд признает законным и обоснованным решение прокурора, принятое им в порядке ч. 4 ст. 122 или ч. 3 ст. 226 УПК РФ;

3) есть необходимость составления обвинительного заключения или обвинительного акта по уголовному делу, направленному в суд, с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера;

4) имеются предусмотренные ст. 153 УПК РФ основания для соединения уголовных дел;

5) при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

И, наконец, ключевая законодательная новелла:

б) фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии основания для квалификации действий обвиняемого, лица, в от-

ношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния, либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния.

Таким образом, помимо обозначенных в п. 1-5 ст. 237 УПК РФ «огрех» предварительного расследования, которые по каким-то причинам не были устранены правоприменителем своевременно и препятствуют судебному разбирательству уголовного дела, к ним добавляется норма, которая может поставить крест на «вымученной» и внедренной в российский уголовный процесс идее состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Суду предоставлено право испытать на себе роль государственного обвинителя и, следуя принципу: «маловато будет», вернуть уголовное дело органам предварительного расследования для исполнения своей воли. При этом, как отмечено в еще одной нововведенной законодателем ч. 1.3 ст. 237 УПК РФ, при возвращении уголовного дела прокурору по основанию, предусмотренному п. 6 ч.1 настоящей статьи, суд не вправе указать статью Особенной части Уголовного кодекса России, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого. Следователю (дознавателю) придется самому домысливать, что конкретно имел в виду судья, принимая решение о возвращении уголовного дела прокурору по шестому основанию.

На наш субъективный взгляд, редакция ст. 237 УПК РФ должна касаться только процедурных нарушений, допущенных органами предварительного расследования в досудебном производстве. Что же касается фактических обстоятельств, а также вопросов квалификации действий обвиняемого, – это целиком и полностью прерогатива стороны обвинения в лице прокурора. Думается, что суд этим заниматься не должен. Но недавние изменения, внесенные в ст. 237 УПК РФ, показывают, что в деятельности судебной власти начинает проследиваться обвинительный уклон. Что дальше? Наверное, пока еще неуместно говорить о начале консервативной, антилиберальной контрреформы в сфере уголовного судопроизводства. Но, безусловно, то, что уже произошло, – это тревожный звонок, требующий четкого научного осмысления сложившейся ситуации.

А.С. Александров, видимо, предвидя грядущие изменения в УПК РФ, определил, что нормативная конструкция института возвращения уголовного дела прокурору состоит в следующем:

- правомочие суда по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору;
- неограниченный перечень оснований для возвращения уголовного дела;
- уголовное дело может быть возвращено судом самостоятельно в тех случаях, когда имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении;
- отсутствие в законе прямого указания на обязанность органов уголовного преследования вновь направить дело в суд после устранения нарушений [1, с. 9].

Подобные варианты развития события ставят большие вопросы в четком понимании механизма реализации института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, особенно в том контексте, что суд может непосредственно являться инициатором продолжения обвинительной деятельности в отношении подсудимого, а это противоречит смыслу принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве. Нам думается, что сам институт возвращения уголовного дела на доследование нельзя признать однозначно негативным для современного российского уголовного процесса в том случае, если его механизм будет работать в соответствии с конституционно защищаемыми ценностями, не нарушая права и законные интересы как потерпевших, так и подсудимых. В настоящее время такого механизма не существует, и даже Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П не смог адекватно ответить на новый вызов, требующий усо-

вершенствования российского уголовного судопроизводства в части рассматриваемого вопроса.

Мы полагаем, что механизм возвращения уголовного дела прокурору судом для устранения выявленных недостатков должен быть законодательно усовершенствован, особенно это касается случая возвращения уголовного дела для предъявления обвиняемому более тяжкого обвинения. Можно только приветствовать признание ч. 2 ст. 252 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ, в которой речь шла о невозможности изменения обвинения в судебном разбирательстве в сторону ухудшения положения подсудимого. Теперь же, если в суде выяснятся обстоятельства о возможности переквалификации обвинения на более тяжкое, такое решение будет считаться правомерным. Но опять же, в рамках состязательности сторон и учитывая невозможность возложения нескольких функций на один и тот же государственный орган или одно и то же должностное лицо, следует определиться с механизмом обеспечения подобного вида решений. В настоящее время активно обсуждается идея введения в уголовный процесс объективной истины как цели доказывания и необходимости для органов следствия и суда проводить всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств дела. Мы, безусловно, поддерживаем эту идею, но думается, что она в какой-то момент может пойти вразрез с принципом состязательности сторон. Так, если исходить из постулата всесторонности, полноты и объективности расследования дела, у суда появляется железное обоснование в иницировании возвращения уголовного дела прокурору для необходимости предъявления обвиняемому более тяжкого обвинения на стадии судебного разбирательства, даже без учета мнения состязующихся сторон. Но в таком случае суд как государственный орган, реализующий функцию разрешения уголовного дела, волей-неволей принимает черты обвинительной деятельности, что противоречит смыслу современной российской судебной системы. И здесь, не имея четкого регулирования соответствующих норм уголовно-процессуального законодательства, мы можем получить очень серьезную проблему, которая будет препятствовать эффективному отправлению правосудия.

Итак, что же необходимо предпринять в сложившейся ситуации ввиду, на наш взгляд, не очень удачно восстановленного института возвращения судом уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования?

Главная проблема института возвращения уголовного дела прокурору для нас видится в том, что отсутствие четкого механизма и правовая несогласованность отдельных норм УПК РФ подталкивают суд осуществлять полномочия, которые, по определению, на этот орган государственной власти возлагаться не должны. В частности, мы в корне не согласны с тем, что суду может быть предоставлена инициатива в решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору как на предварительном слушании, так и в судебном разбирательстве по причине необходимости изменить обвиняемому обвинение на более тяжкое. К сожалению, законодатель уже внес соответствующие поправки в УПК РФ, давая возможность суду расширять свои полномочия в данном направлении.

Мы предлагаем расставить все точки над «и», внося в отдельные нормы УПК РФ ряд существенных поправок в целях пресечения порочной практики возложения на судебные органы обвинительной функции.

Во-первых, необходимо скорректировать пункт 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ и ко всему изложенному в ней добавить следующее: *«Данные нарушения не могут касаться фактических обстоятельств, вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не должно быть связано с дополнением ранее предъявленного обвинения»*. Таким образом, будет подчеркнута, что данная норма затрагивает только процедурные нарушения, на которые суд обязан обратить внимание, возвращая уголовное дело прокурору для их устранения.

Далее потребуется уточнить ст. 37 УПК РФ, регламентирующую процессуальное положение прокурора. Прокурор является стороной обвинения, которому предоставлена активная роль в судебном производстве в качестве государственного обвинителя. Думается, что если в суде возникнут вопросы о необходимости изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого в сторону ухудшения его положения, то они должны инициироваться именно государственным обвинителем и никем иным. Часть 3 ст. 37 УПК РФ устанавливает возможность прокурора в ходе судебного производства по уголовному делу поддерживать государственное обвинение. Полагаем, что в рамках рассматриваемой проблемы необходимо усилить данное направление деятельности прокурора, дополнив ст. 37 УПК РФ частью 3.1 следующего содержания: *«Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к выводу о невозможности его дальнейшего продолжения ввиду необходимости изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого в сторону ухудшения его положения, с учетом наступления новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, то он заявляет перед судом мотивированное ходатайство, согласованное с надзирающим прокурором»*. Подобная норма, по нашему мнению, внесет конкретику в вопросы разделения полномочий участников судебного производства, выводя суд за рамки обвинительной деятельности. Суду в данной ситуации необходимо будет принять решение об отложении судебного разбирательства для возможности государственному обвинителю согласовать ходатайство с надзирающим прокурором и для подготовки стороны защиты к участию в судебном разбирательстве ввиду заявленного ходатайства. После согласования ходатайства и при отсутствии возражений со стороны надзирающего прокурора разбирательство дела должно быть судом возобновлено и принято решение либо об удовлетворении поступившего ходатайства, либо об его отклонении. Таким образом, если суд примет решение о возвращении уголовного дела прокурору на доследование, в целях проведения полного, всестороннего и объективного расследования обстоятельств дела, путем пере-квалификации деяния на более тяжкое по инициативе государственного обвинителя, это не даст повода усомниться в приверженности именно к демократическому, либерально-правовому уклону ведения судебного процесса, а не к инквизиционному.

Признание Конституционным Судом РФ ч. 2 ст. 252 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ позволило нам, учитывая вышеизложенное, внести предложение о необходимости новой редакции данной нормы: *«В судебном разбирательстве допускается изменение обвинения, если этим не нарушается право подсудимого на защиту. В случае необходимости изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого в сторону ухудшения его положения, с учетом наступления новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления, государственный обвинитель вправе заявить перед судом мотивированное ходатайство, согласованное с надзирающим прокурором. В случае удовлетворения данного ходатайства и при невозможности его разрешения в судебном порядке суд возвращает уголовное дело прокурору для производства дополнительного расследования»*.

Итак, подводя итоги нашего исследования, мы считаем, что с учетом современных реалий и потребностей российского уголовного судопроизводства институту дополнительного расследования – быть! Но законодателю необходимо решить, каким он будет, какие задачи должны перед ним стоять, каков механизм их достижения.

Литература

1. Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд // Уголовное судопроизводство. 2013. № 4.

УДК 343.13

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ, СВЯЗАННЫЕ
С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ
СВИДЕТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Светлана Николаевна Воробей, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент;
Денис Александрович Воробей, начальник кафедры Дальневосточного института повышения квалификации ФСКН России

E-mail: s.d.vorobej@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы законодательного регулирования института защиты свидетеля в уголовном судопроизводстве. Анализируется правоприменительная практика, выделяются проблемные вопросы и перспективы развития мер безопасности в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: орган государственной защиты; применение мер безопасности; отмена мер безопасности; защита свидетеля.

**PROBLEMS OF THE THEORY AND PRACTICE RELATED
THE IMPLEMENTATION OF SECURITY MEASURES FOR
WITNESSES IN A CRIMINAL TRIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Svetlana Nikolaevna Vorobei, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;

Denis Aleksandrovich Vorobei, chair head of the Far Eastern Institute for the Continuing Education of the Federal Narcotic Oversight Agency

The article deals with the legal regulation of the institute of witness protection in criminal proceedings. We analyze the legal practice, highlighted the problematic issues and prospects of security in criminal proceedings.

Keywords: organ of state protection; the use of security measures; the abolition of security measures; to protect the witness.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и других нормативных правовых актов Российской Федерации обуславливает исследование теоретических и правовых основ обеспечения безопасности свидетеля, а также практики их применения.

Анализ правоприменительной практики показывает, что незаконное воздействие на свидетелей имеет масштабный характер. Особенно это проявляется по уголовным делам, возбужденным по факту совершения тяжких и особо тяжких преступлений организованными преступными группами или преступными сообществами. При этом в настоящее время существует высокая латентность наличия реальных угроз убийства свидетеля, а также уничтожения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

Итогом перечисленных обстоятельств являются в большинстве случаев отказ от дачи показаний или их изменения в пользу подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, неявка по вызову к следователю или в суд, что нередко приводит к затягиванию уголовного судопроизводства, переквалификации составов преступлений на менее

тяжкие или к оправдательным приговорам. Таким образом, процесс уголовного судопроизводства нарушается и становится неэффективным, а преступники нередко уходят от уголовной ответственности [7, с. 181].

В юридической литературе прошлых лет неоднократно приводилась различными авторами классификация мер, направленных на обеспечение безопасности. Так, отдельными авторами меры, направленные на защиту лиц, содействующих уголовному судопроизводству, подразделяются на две группы: процессуальные и иные меры. Например, С.Л. Марченко к первым относит: а) невнесение в материалы дела анкетно-биографических данных, места проживания или нахождения, места работы участников уголовного процесса; б) внесение в государственный орган, общественную организацию и (или) должностному лицу представления с указанием на необходимость запрета выдачи информации о месте жительства, семейном положении лица, являющегося потерпевшим, свидетелем или иным участником уголовного процесса; в) целесообразность применения меры пресечения – заключение под стражу; г) специфику и целесообразность проведения отдельных следственных действий (опознание, очная ставка, освидетельствование, производство экспертизы, выемка, обыск и др.); д) закрытое судебное заседание; е) допрос защищаемых лиц вне визуального наблюдения другими участвующими в судебном разбирательстве лицами; ж) допрос защищаемого лица специально назначенным судьей с последующим выступлением перед судом [12, с. 38].

Другие авторы высказывают мнение о том, что защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству, должна включать в себя комплекс таких мер, как: а) меры организационного характера (например, личная охрана); б) усиление уголовно-правовой защиты; в) меры уголовно-процессуального характера, предполагающие неразглашение сведений о личности участников процесса в ходе дознания, предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела [9, с. 57-59].

Как представляется, при некотором различии, представленные мнения имеют существенное сходство, выражающееся в том, что разработка вышеуказанных, а также дополнительных мер уголовно-процессуального характера, направленных на обеспечение безопасности лиц, и их внедрение в уголовно-процессуальное законодательство являются одним из приоритетных направлений в сфере обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству [5, с. 15].

Применительно к изложенному нами проанализированы отдельные нормы УПК РФ и других нормативных правовых актов Российской Федерации, которые непосредственно затрагивают порядок осуществления мер безопасности в отношении свидетеля.

Законодатель в ст. 6 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства») [13] перечислил следующие меры государственной защиты: охрана жилища и имущества; личная охрана; замена документов; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; переселение на другое место жительства; изменение внешности и иные меры.

Основное назначение мер безопасности – пресечение преступного воздействия со стороны заинтересованных лиц и причинение минимального вреда свидетелю и интересам правосудия, а также экономия сил и средств правоохранительных органов.

Однако, если меры безопасности не будут соответствовать опасности противозаконного посягательства, то это может повлечь серьезные последствия как для защищаемого лица, так и для интересов правосудия [6, с. 259].

В соответствии со ст. 18 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства» выбор мер осуществления безопасности и способов их применения возложено на орган, осуществляющий меры государственной защиты. Безусловно, это неоспоримое положение. Тем не менее, среди ученых-процессуалистов бытует мнение о целесообразности включения в компетенцию инициатора (например, руководителя следственного ор-

гана) возможность определять защитные меры, обязательные для органа, обеспечивающего безопасность [11].

В то же время необходимо согласиться с точкой зрения Е.И. Замылина, что данная позиция на практике будет неуместной, так как нецелесообразно ставить орган, осуществляющий меры государственной защиты, в жесткие рамки, поскольку только силовая структура, обеспечивающая безопасность лица, должна иметь право принимать окончательное решение [7, с. 187-189].

Далее, согласно ст. 16 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства», данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве являются основаниями применения мер безопасности. При этом необходимо отметить, что законодатель не предусмотрел, насколько неустойчиво может быть положение свидетеля относительно его безопасности в дальнейшем, которому в соответствии с п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ разъясняется право не свидетельствовать против себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, и при согласии в даче показаний он предупреждается, что эти показания в дальнейшем могут использоваться в качестве доказательств по уголовному делу. На наш взгляд, законодателю следовало бы более детально закрепить за свидетелем право воспользоваться свидетельским иммунитетом посредством определения особой категории свидетелей, которым угрожают убийством или иными опасными противоправными деяниями. Так, например, в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ следовало бы внести дополнение следующего содержания: *свидетель, которому угрожают убийством или иными опасными противоправными деяниями с целью изменения им своих показаний или отказа от них, вправе воспользоваться свидетельским иммунитетом на стадии производства по уголовному делу, вследствие этого его показания, данные им ранее, не могут использоваться в качестве доказательств по уголовному делу* [4, с. 31]. Такое положение, как нам представляется, снимет со свидетеля тяжесть нравственного выбора и послужит обеспечению его безопасности.

Отдельные авторы указывают на то, что свидетель может и не знать своевременно о тех обстоятельствах в уголовном деле, которые могут создать угрозу его безопасности [8, с. 35-36]. Так, например, статья 110 УПК РФ, регламентирующая отмену или изменение меры пресечения, не содержит предписания, которое обязывало бы следователя (судью) при отмене или изменении меры пресечения сообщать об этом лицу, в отношении которого применены меры безопасности, в частности свидетеля. В связи с этим представляется, что право свидетеля, указанное выше, вызывает противоречие, которое становится препятствием для обеспечения его безопасности. На наш взгляд, законодатель мог бы внести в ст. 110 УПК РФ пункт примерно следующего содержания: *уведомлять потерпевшего, свидетеля и иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, в отношении которых применены меры безопасности в соответствии с частью 3 статьи 11 УПК РФ* [5, с. 16]. Такое правовое положение свидетеля, по нашему мнению, будет способствовать эффективности всех принимаемых в отношении его мер безопасности.

Существует ряд проблемных вопросов, возникающих и при отмене мер государственной защиты свидетелей, предусмотренных ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства». Так, в уголовно-процессуальном законодательстве не закреплен порядок принятия решения об отмене мер безопасности в отношении указанных лиц.

Согласно ст. 20 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства», орган, в производстве которого находится уголовное дело либо который принял решение об осуществлении мер безопасности, обязан отменить меры государственной защиты в случае, если необходимость в них отпала. В связи с тем, что эта норма не противоречит нормам УПК РФ, то, по нашему мнению, соответствующие должностные лица обязаны

незамедлительно принимать решение об отмене мер безопасности, так как промедление в данном случае ведет к неэффективному использованию бюджетных средств в ходе применения отдельных мер безопасности.

Согласно п. 24.5 приказа МВД России от 21 марта 2007 г. № 281 «Административный регламент МВД РФ по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством РФ государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» (далее – Административный регламент МВД РФ) [1], меры государственной защиты могут отменяться только по постановлению органа, вынесшего решение о применении мер защиты, либо по постановлению органа, в производстве которого находится уголовное дело с неотменным постановлением (определением) об осуществлении государственной защиты.

Поводом к принятию решения об отмене мер безопасности свидетеля в первую очередь должно являться мотивированное ходатайство об отмене мер безопасности органа, осуществляющего меры государственной защиты, в котором установлены основания к отмене мер безопасности либо другие обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 20 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства».

Порядок рассмотрения ходатайства об отмене мер безопасности в отношении защищаемых лиц не предусмотрен ни в ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства», ни в Постановлении Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставлении таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице» [16], ни в Административном регламенте МВД РФ.

В связи с этим предлагаем при определении порядка рассмотрения ходатайства об отмене государственной защиты использовать алгоритм, который содержался в п. 36, 37, 38 приказа ФСБ РФ от 3 февраля 2009 г. № 39 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких» [14], где указывалось, что *ходатайство* об отмене мер безопасности должно незамедлительно направляться в суд, начальнику органа дознания или следователю, принявшему решение о применении мер безопасности.

Как представляется, должностные лица, принявшие решение о применении мер безопасности в отношении свидетеля, получив ходатайство об отмене мер государственной защиты, в течение трех суток должны принять решение об отмене данных мер либо об отказе в этом. При принятии решения об отказе в отмене мер безопасности обязательно в письменном виде должно уведомляться подразделение защиты, при этом указываются основания такого отказа.

Раскрывая **основания** отмены мер безопасности, отметим, что устранению обстоятельств для осуществления мер государственной защиты может способствовать проведение с положительным результатом мероприятий по обеспечению безопасности, предусмотренных ст. 6 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства». Кроме того, отмене постановления о применении мер государственной защиты могут способствовать и такие причины, как направление лица, от которого исходила угроза, в места лишения свободы для отбывания наказания по приговору суда, призыв на службу в Вооруженные Силы и т.д.

Ненадлежащее исполнение договора, заключенного в порядке ч. 6 ст. 18 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства», может выражаться в игнорировании защищаемым лицом условий применения мер безопасности. Так, свидетель, к которому применяются меры государственной защиты, оставляет место нахождения, определенное ему для ограждения его от противоправных посягательств, или рассекречивает свое место нахождения, разглашает сведения о применении к нему мер государ-

ственной защиты. На основании этого применение мер безопасности может быть прекращено, а договор расторгнут.

На наш взгляд, процессуальная форма постановления (определения) об отмене мер безопасности свидетеля должна быть точно такой же, как и об их применении, за исключением вопросов в сфере восстановления имущественных и личных неимущественных прав защищаемого лица: уничтожение, повреждение имущества, причинение вреда здоровью и т.д. В постановлении (определении) об отмене мер безопасности должно быть точно указано, каким образом эти права должны быть восстановлены [3, с. 10]. В связи с этим статья 15 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства» и Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 «Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты» [15] предусматривают меры социальной поддержки. Не исключено также для решения вопроса о восстановлении прав защищаемого свидетеля применение норм гражданского, уголовного и административного права (ст. 15, 16, 150, 151 ГК РФ; ст. 105, 111, 167 УК РФ и т.д.). Кроме того, в постановлении об отмене мер безопасности должны быть урегулированы вопросы восстановления тех прав и интересов защищаемого лица, которые были «принесены в жертву» его безопасности (трудовые, жилищные, пенсионные и т.д.).

После вынесения постановления об отмене мер государственной защиты следователю, в рамках созданной следственно-оперативной группы или осуществления взаимодействия с целью защиты свидетеля, целесообразно уведомлять подразделение государственной защиты о движении уголовного дела, по которому осуществляются меры безопасности (приостановление, прекращение, направление в суд).

В частности, при направлении дела в суд орган, принявший решение о применении мер безопасности к свидетелю, информирует (с соблюдением конфиденциальности сведений о защищаемом лице) суд (судью), в производстве которого находится уголовное дело, путем уведомления [2, с. 48-50]. При этом, если в уголовном деле будут отсутствовать материалы, связанные с обеспечением безопасности свидетеля, то суд (судья) не сможет принять указанное решение. Поэтому следователю для сохранения конфиденциальности сведений, связанных с обеспечением безопасности свидетеля, необходимо подобные материалы передавать *непосредственно* в суд (судье), рассматривающему уголовное дело, путем приобщения их к уголовному делу (в конверте), включающего ознакомление с ними обвиняемых и других лиц.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что постановление об отмене мер безопасности к свидетелю должно составляться в четырёх экземплярах. Первый экземпляр постановления направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, второй экземпляр – свидетелю, в отношении которого принято решение об отмене мер безопасности, третий экземпляр подшивается в номенклатурное дело, четвертый экземпляр направляется в суд.

Свидетель, в отношении которого осуществлялись меры безопасности, может и не согласиться с постановлением (определением) органа, принявшего решение о прекращении осуществления мер безопасности. В связи с этим ему дано право на обжалование данного постановления в вышестоящий орган, прокурору или в суд. Указанное постановление (определение) не предусмотрено УПК РФ, а содержится в ч. 4 ст. 20 ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства», однако, оно является уголовно-процессуальным (так как выносится лицом, осуществляющим уголовное судопроизводство), следовательно, обжалуется в порядке, предусмотренном УПК РФ. Поданная жалоба подлежит рассмотрению в порядке, предусмотренном ст. 124, 125 УПК РФ. Однако, в отличие от ст. 124 и 125 УПК РФ, которые позволяют прокурору рассматривать жалобу в течение трех, а в исключительных случаях – 10 суток, а суду – не позднее

5 суток, статья 20 ФЗ «О защите прав участников уголовного судопроизводства» устанавливает срок обжалования решения об отмене мер безопасности – 24 часа с момента подачи жалобы.

На основании изложенного необходимо внести в гл. 16 УПК РФ изменения, касающиеся срока обжалования принятого решения об отмене государственной защиты, так как в соответствии со ст. 7 УПК РФ не может быть применен федеральный закон, противоречащий УПК РФ.

В части 6 ст. 20 ФЗ «О защите прав участников уголовного судопроизводства» говорится, что после вынесения постановления (определения) об отмене мер безопасности к свидетелю, государственная защита в отношении защищаемого лица прекращается *независимо* от того, обжаловано указанное постановление в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 20 ФЗ «О защите прав участников уголовного судопроизводства», или нет. Значит, отмена вышестоящим органом, прокурором или судом *постановления об отмене мер безопасности в отношении свидетеля* влечет необходимость в возобновлении применения ранее отмененных мер безопасности.

Очевидно, что решение о применении мер безопасности к свидетелю либо об отмене этих мер является процессуальным решением, и это должно быть урегулировано нормами УПК РФ в соответствующем объеме.

Говоря о процессуальном порядке отмены мер государственной защиты в досудебном производстве, нельзя не сказать о судьбе мер безопасности *после вынесения приговора* лицу, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование, вследствие чего возникла необходимость применения мер государственной защиты.

В ФЗ «О защите участников уголовного судопроизводства» закреплена норма о необходимости принятия судом при постановлении приговора решения о прекращении либо продлении применения мер государственной защиты. При этом в УПК РФ данная норма не существует, что приводит к применению мер безопасности без дальнейшей надобности и после рассмотрения судом соответствующего уголовного дела.

Согласно ст. 313 УПК РФ, суд при постановлении обвинительного приговора может одновременно вынести постановление (определение) о принятии мер по охране имущества осужденного, о передаче детей, иждивенцев на попечение близких родственников. Представляется, что при вынесении приговора суд одновременно с данными положениями должен решить вопрос о мерах государственной защиты по отношению к защищаемым лицам.

В зависимости от ситуации данные меры могут быть *отменены* по постановлению суда в случае устранения опасности для лица, в отношении которого осуществляется государственная защита. Может сложиться и ситуация, когда при отбывании осужденным наказания возникнет угроза воздействия на него со стороны оставшихся на свободе соучастников (убийство как лишнего свидетеля), применение мер обеспечения безопасности в отношении свидетеля должно быть *продолжено*, при необходимости устанавливаются иные или дополнительные виды защиты [10].

В связи с вышеизложенным, необходимо рассмотреть вопрос о внесении изменения в УПК РФ, устанавливающего *обязанность суда* принимать решение о продлении или отмене применяемых мер безопасности к свидетелю при постановке приговора и по завершении рассмотрения дела по ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности.

Литература

1. Административный регламент МВД РФ по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством РФ государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, безопасности участников уго-

ловного судопроизводства и их близких: приказ МВД России от 21 марта 2007 г. № 281. Доступ из СПС «Гарант».

2. Брусницин Л.В. Комментарий законодательства об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства. Доступ из СПС «Гарант».

3. Воробей Д.А., Воробей С.Н. Актуальные вопросы применения (отмены) мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Совершенствование взаимодействия правоохранительных органов, общественных, религиозных организаций и средств массовой информации в сфере противодействия незаконному обороту и потреблению наркотических средств и психотропных веществ: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 29 мая 2014 г.). Хабаровск: ДВИПК ФСКН России, 2014.

4. Воробей Д.А. О некоторых аспектах процессуальной безопасности свидетеля в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Деятельность правоохранительных органов и спецслужб в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: вопросы организации, координации, взаимодействия и международного сотрудничества: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 15-16 декабря 2010 г.). СПб.: СЗИПК ФСКН России, 2011.

5. Воробей Д.А. Проблемы процессуальной безопасности свидетеля // Российский следователь. 2011. № 14.

6. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. URL: https://dvs.rsl.ru/inet/Virt/SelectedDocs?docid=%2Frsl_01002000000%2Frsl01002454000%2Frsl01002454895%2Frsl01002454895.pdf (дата обращения: 09.06.2015).

7. Замылин Е.И. О государственной защите добросовестных участников уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2.

8. Канафин Д.К. О процессуальных средствах обеспечения безопасности участников уголовного процесса, служащих интересам доказывания по делам об организованных преступлениях // Правовые и криминалистические проблемы раскрытия и расследования преступлений. Труды Академии управления. М., 1998.

9. Карнеева Л.М. Проблемы свидетельского иммунитета // Советское государство и право. 1989. № 6.

10. Кобцова Т.С. Комментарий к Федеральному закону от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Доступ из СПС «Гарант».

11. Макеев А.В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2004.

12. Марченко С.Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994.

13. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из СПС «Гарант».

14. Об утверждении Административного регламента Федеральной службы безопасности Российской Федерации по исполнению государственной функции по обеспечению государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких: приказ ФСБ России от 3 февраля 2009 г. № 39 (утратил силу в соответствии с приказом ФСБ России от 5 февраля 2013 г. № 64 «О признании утратившими силу приказов ФСБ России»). Доступ из СПС «Гарант».

15. Об утверждении Правил выплаты единовременных пособий потерпевшим, свидетелям и иным участникам уголовного судопроизводства, в отношении которых в установленном порядке принято решение об осуществлении государственной защиты: постановление Правительства РФ от 11 ноября 2006 г. № 664 (ред. от 14.07.2015). Доступ из СПС «Гарант».

16. О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставлении таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице: постановление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705. Доступ из СПС «Гарант».

УДК 343.132.3

ПРЕДМЕТ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ

Владимир Юрьевич Стельмах, доцент кафедры Уральского
юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: vlstelmah@mail.ru

Целью статьи является раскрытие предмета такого следственного действия, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления. Проведен системный анализ положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и нормативных актов в области связи, выявлены несоответствия и пробелы. Сформулированы требования к объектам, на которые может быть наложен арест, аргументирована возможность включения в предмет рассматриваемого следственного действия почтовых переводов денежных средств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное расследование; следственные действия; арест на почтово-телеграфные отправления.

THE SUBJECT OF THE SEIZURE OF POSTAL AND TELEGRAPH

Vladimir Yuryevich Stelmakh, chair associate professor of the Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The purpose of the article is the subject of the disclosure of such investigative actions – seizure of postal and telegraph. A systematic analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and regulations in the field of communication, revealed inconsistencies and gaps. The requirements to the objects, which may be seized, arguing the possibility of including the subject of consideration of the investigative action by postal remittance.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; investigation; arrest on postal and telegraph.

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации предусматривает такое следственное действие, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст. 185 УПК РФ). В качестве самостоятельного оно появилось в УПК РФ, вступившем в законную силу в 2002 г. В УПК РСФСР следственного действия с соответствующим наименованием не имелось, однако был предусмотрен особый вид выемки – выемка почтово-телеграфной корреспонденции. По своему предназначению и содержанию старое следственное действие практически полностью совпадает с наложением ареста на почтово-телеграфные отправления, однако, новая конструкция является более совершенной, поскольку детально регламентирует сам процесс задержания почтово-телеграфных отправлений, остающийся за пределами собственно выемки. Это представляется несомненным преимуществом и свидетельствует о прогрессе нормативной регламентации системы следственных действий. Соответственно, выглядит оправданным и новое название следственного действия, охватывающее не только непосредственно изъятие почтовых отправлений, но и деятельность по их задержанию оператором почтовой связи.

Предмет рассматриваемого следственного действия жестко ограничен. Оно направлено исключительно на получение сведений, содержащихся в почтово-телеграфных отправлениях, которые, в свою очередь, доставляются только через систему почтовых учреждений.

В статье 9 Федерального закона «О почтовой связи» [9] выделено 4 вида почтовой связи:

1. Почтовая связь общего пользования, осуществляемая государственными унитарными предприятиями, государственными учреждениями почтовой связи, а также иными операторами почтовой связи.

2. Специальная связь федерального органа исполнительной власти, осуществляющего управление деятельностью в области связи. В настоящий момент таким органом выступает Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, специальную связь в его структуре осуществляет Федеральное государственное унитарное предприятие «Главный центр специальной связи» (ФГУП «ГЦСС»).

3. Федеральная фельдъегерская связь. Органом, осуществляющим федеральную фельдъегерскую связь, является Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации (ГФС России [12]). Основными задачами органов федеральной фельдъегерской связи является доставка: а) служебных отправок органов государственной власти и местного самоуправления; б) за пределы территории Российской Федерации корреспонденции, технической документации и образцов промышленных изделий по решениям Президента и Правительства Российской Федерации; в) корреспонденции глав государств и глав правительств, органов государственной власти государств – участников Соглашения о межправительственной фельдъегерской связи; г) корреспонденции рабочих органов СНГ, расположенных на территории Российской Федерации (ст. 2 Федерального закона «О федеральной фельдъегерской связи» [11]).

4. Фельдъегерско-почтовая связь федерального органа исполнительной власти в области обороны. В настоящее время в Главном управлении связи Вооруженных Сил Российской Федерации создано Управление фельдъегерско-почтовой связи (ФПС ВС РФ). Сеть ФПС ВС РФ включает 23 узла ФПС (штабов военных округов, флотов, объединений) и 117 станций фельдъегерско-почтовой связи (соединений и гарнизонов [16]).

Кроме того, осуществлением специальной связи занимается и Федеральная служба охраны Российской Федерации (ФСО России), которая обеспечивает специальной связью Президента Российской Федерации, а также объекты государственной охраны и других лиц (п. 5 ст. 4 Федерального закона «О государственной охране» [8], пп. 3, 9 п. 12 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации [13]). Применительно к деятельности ФСО специальная связь понимается как предназначенная исключительно для выделенной группы должностных лиц система управления государством с использованием гарантированных мер обеспечения информационной безопасности. Данная специальная связь обладает базовыми специфическими параметрами, к которым относятся: а) государственный статус систем специальной связи и информации, действующих согласно правовым актам высших органов власти; б) нахождение в ведении федерального органа, входящего в структуру сил обеспечения безопасности государства (ФСО России); в) конфиденциальность передаваемой, принимаемой, обрабатываемой и хранимой информации, обеспечиваемая с использованием отечественных криптографических методов и средств, а также комплекса организационных мер защиты информации; г) организационная и технологическая обособленность (отсутствие сопряжения с сетями связи общего пользования, другими выделенными сетями) [5].

Для граждан и юридических лиц доступна почтовая связь общего пользования, поскольку три остальных вида связи имеют ограниченный доступ и используются специальными государственными органами при осуществлении деятельности, связанной с управлением государством. Граждане также могут частично пользоваться услугами ФГУП «ГЦСС», однако в этом случае указанная организация, по сути, осуществляет не фельдъегерскую связь, а почтовую связь общего пользования.

Таким образом, системный анализ УПК РФ и законодательства о связи позволяет сделать вывод о том, что наложение ареста в порядке ст. 185 УПК РФ возможно лишь

на почтово-телеграфные отправления, передаваемые почтовой связью общего пользования, а также международной почтовой связью, которая с точки зрения регулирования правоотношений в области связи не является почтовой связью общего пользования, однако используется физическими и юридическими лицами, действующими открыто и на основании публичного договора. Сообщения, передаваемые по специальной или фельдъегерской связи, аресту в порядке ст. 185 УПК РФ не подлежат.

В части 1 ст. 185 УПК РФ указаны виды почтово-телеграфных отправок, на которые распространяется рассматриваемое следственное действие: бандероли, посылки, другие почтово-телеграфные отправления, телеграммы и радиограммы. В то же время в федеральных законах «О связи» и «О почтовой связи» употреблен иной термин – «почтовое отправление». Кроме того, в абз. 18 и 19 ст. 2 Федерального закона «О почтовой связи» содержится несколько иной перечень почтовых отправок: адресованная письменная корреспонденция (простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли, мелкие пакеты), посылки, прямые почтовые контейнеры.

Однако, несмотря на некоторые терминологические отличия, существенных противоречий между УПК РФ и Федеральным законом «О почтовой связи» не имеется. Помимо этого, приведенный в ч. 1 ст. 185 УПК РФ перечень видов почтово-телеграфных отправок не является исчерпывающим. В силу этого предметом анализируемого следственного действия являются все виды почтовых отправок, предусмотренные законодательством о связи. Кроме того, законодательством о связи предусмотрен «почтовый перевод денежных средств», не являющийся почтовым отправлением, однако осуществляемый по системе почтовой связи. В статье 185 УПК РФ почтовые переводы денежных средств в качестве предмета следственного действия не указаны, в связи с этим не до конца ясно, возможен ли их арест в порядке ст. 185 УПК РФ. Думается, что это допустимо, поскольку почтово-телеграфные отправления и почтовые переводы денежных средств различаются исключительно по своему непосредственному предмету. Они представляют собой почтовые услуги, имеют одинаковый способ отправки (через почтовые учреждения), регламентируются законодательством о почтовой связи, на них в равной мере распространяются гарантии неприкосновенности тайны переписки. Если законодатель допускает принципиальную возможность задержания и изъятия объектов, направляемых с помощью почтовой связи, то эта возможность должна распространяться на все виды этих объектов.

С позиций юридической техники перечисление в УПК РФ видов почтово-телеграфных отправок нецелесообразно. В статье 185 УПК РФ правильнее было бы предусмотреть возможность наложения ареста на любые почтово-телеграфные отправления. Указанную уголовно-процессуальную норму необходимо в части предмета следственного действия расценивать как бланкетную, согласованную с нормативными актами, регламентирующими правоотношения в области связи. Кроме того, в ст. 185 УПК РФ целесообразнее использовать соотношенный с законодательством о связи и имеющий более общий характер термин «почтовые отправления».

В предмет следственного действия, предусмотренного ст. 185 УПК РФ, не могут входить объекты, формально или фактически сходные с почтовыми отправлениями:

1. Черновики или проекты почтово-телеграфных отправок, готовящиеся к отправке, однако еще не направленные в почтовое учреждение.
2. Письменные послания, направляемые адресату помимо почтовых учреждений (например, с помощью личного или служебного факса или телекса).

Названные объекты изымаются в результате производства таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка.

3. Почтово-телеграфные отправления, подвергаемые цензуре, перлюстрации и т.п. В Российской Федерации такие меры, по общему правилу, запрещены и применяются в порядке исключения к определенным категориям граждан (в частности, к подозреваемым

мым и обвиняемым, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, а также к отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы). Подобные лица в силу их пребывания в специальных учреждениях вправе направлять и получать почтовые отправления, а также отправлять телеграммы путем заполнения бланка установленной формы, получаемого у администрации учреждения, исполняющего наказание (п. 8 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [10], ст. 90, 91 УИК РФ [18], п. 52 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [15], п. 116 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы [14]). Все направляемые спецконтингентом почтово-телеграфные отправления подлежат контролю со стороны администрации соответствующих учреждений и направляются адресатам только после проверки. Аналогичным образом осуществляется прием почтовых отправлений. При этом в соответствии с ч. 3 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» письма, содержащие сведения, которые могут помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, адресату не отправляются, подозреваемым и обвиняемым не вручаются и передаются лицу или органу, в производстве которых находится уголовное дело. УИК РФ таких правил не содержит, однако очевидно, что цензура подразумевает ознакомление с содержанием исходящих и входящих почтовых отправлений и, безусловно, что в случае наличия в этих отправлениях информации о преступлениях, данные отправления должны быть задержаны, а содержащиеся в них сведения проверены, в том числе и процессуальными способами. Поэтому для изъятия почтовых отправлений лиц, содержащихся в местах лишения свободы, не требуется производить следственное действие, предусмотренное ст. 185 УПК РФ. Следовательно для ознакомления с содержанием этих отправлений достаточно направить в администрацию учреждения соответствующий запрос. Такой же подход выдерживается правоприменительной практикой [1].

4. Нелегальные отправления, направляемые лицами, содержащимися в местах лишения свободы. Для официального изъятия таких объектов и использования их в доказывании также требуется проведение режимных мероприятий, связанных с перлюстрацией корреспонденции.

По смыслу закона, в рамках следственного действия, закрепленного в ст. 185 УПК РФ, могут быть задержаны и изъяты любые почтово-телеграфные отправления. Это обоснованно, поскольку при назначении наложения ареста нельзя хотя бы предположительно знать, кому лицо направит или от кого получит почтово-телеграфные отправления и каковым будет их содержание. Право на тайну корреспонденции в случае назначения данного следственного действия преодолевается соответствующим судебным разрешением. Однако из этого общего правила есть примечательное исключение: не должны осматриваться и изыматься почтово-телеграфные отправления, направляемые или получаемые от защитника подозреваемого или обвиняемого по данному уголовному делу. Такой точки зрения придерживается и правоприменительная практика [2]. В указанной ситуации помимо права на тайну переписки, которое в уголовном судопроизводстве может быть ограничено в определенных случаях на основании судебного решения, затрагивается и другое право – на тайну юридической помощи, которое никаких ограничений не предусматривает.

Арест налагается на почтово-телеграфное отправление в целом, поскольку в момент принятия соответствующего решения невозможно знать, какие конкретно сведения окажутся важными для доказывания. Так, представители Некоммерческого партнерства «Центр управления деятельностью по распространению дианетики и саентологии», обжалуя решение Щелковского городского суда Московской области, отметили, что оно не содержит никаких указаний на то, что именно из почтово-телеграфных от-

правлений подлежит аресту и изъятию. Отклоняя жалобу, Московский областной суд указал, что в УПК РФ требований о выделении соответствующей части не имеется [3].

Таким образом, предмет следственного действия, регламентированного ст. 185 УПК РФ, обладает следующими чертами:

1. К нему относятся почтово-телеграфные отправления, предусмотренные законодательством о связи, поскольку только такие объекты могут быть приняты в почтовые учреждения.

2. Почтово-телеграфные отправления должны в обязательном порядке поступить в почтовое учреждение для отправки или получения. Не имеет значения правильность оформления почтово-телеграфного отправления. Даже при наличии существенных ошибок, исключающих возможность направления адресату, после поступления в почтовое учреждение почтово-телеграфное отправление является предметом рассматриваемого следственного действия.

По поводу лиц, почтово-телеграфные отправления которых могут задерживаться в рамках рассматриваемого следственного действия, в науке уголовного процесса высказаны различные мнения. Так, А.В. Коваль полагает, что арест может быть наложен на почтово-телеграфные отправления любых лиц, независимо от их процессуального статуса [4, с. 110]. Однако имеется и иной подход, в соответствии с которым рассматриваемое следственное действие назначается только в отношении обвиняемого, подозреваемого и «связанных с ними лиц», почтово-телеграфные отправления иных участников уголовного судопроизводства должны изыматься в рамках выемки или обыска [6, с. 341; 17, с. 58].

Правильной представляется первая точка зрения.

Во-первых, в УПК РФ соответствующие ограничения отсутствуют. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации состоит в том, что отсутствие в ст. 185 УПК РФ перечня лиц, на почтово-телеграфные отправления которых может быть наложен арест, не представляет нарушения, поскольку следственное действие может быть назначено только при наличии фактических оснований [7].

Во-вторых, многообразие следственных ситуаций не позволяет утверждать, что доказательственное значение могут иметь почтово-телеграфные отправления только подозреваемого и обвиняемого. Более того, придать соответствующим лицам указанный процессуальный статус оказывается возможным лишь после сбора определенных доказательств, в числе которых могут выступать и сведения или предметы, содержащиеся в почтово-телеграфных отправлениях.

В-третьих, употребленное оппонентами понятие «связанные с подозреваемым и обвиняемым лица» по своему объему таково, что позволяет включать в их число любых лиц, в том числе и тех, кому на момент назначения следственного действия не придан статус участников уголовного судопроизводства. Таким образом, предлагая ограничить круг лиц, почтово-телеграфные отправления которых могут задерживаться в рамках следственного действия, предусмотренного ст. 185 УПК РФ, сторонники второй точки зрения фактически признают правоту первой, поскольку соглашались с тем, что данное следственное действие может быть назначено не только в отношении подозреваемого и обвиняемого.

В-четвертых, вывод о необходимости изъятия путем проведения обыска или выемки почтово-телеграфных отправлений, направляемых или получаемых по заданию подозреваемого и обвиняемого иными лицами, не основан на законе. В УПК РФ предусмотрено конкретное следственное действие, предназначенное для задержания и изъятия почтово-телеграфных отправлений. Подобные объекты действительно в ряде случаев могут быть изъяты в рамках иных следственных действий (осмотр, обыск, выемка), но данные ситуации имеют место тогда, когда почтово-телеграфные отправления еще не поступили на почту или уже выданы отправителю, либо когда поступили точные сведения об их нахождении на почте, в связи с чем предварительное задержание

почтово-телеграфных отправок не требуется. Обстоятельства же, связанные с субъектом направления или получения соответствующих отправок, принципиального значения в данном аспекте не имеют.

В рамках следственного действия, предусмотренного ст. 185 УПК РФ, могут задерживаться отправления конкретного физического или юридического лица (либо отправителя, либо адресата). Необходимо учитывать, что направление почтово-телеграфных отправок на определенный адрес допускается не только в отношении лиц, официально зарегистрированных в указанном месте. Документы отправителя (в отличие от получателя) работникам почты не предъявляются и ими не проверяются, поэтому вполне возможно указание отправителем вымышленных анкетных данных.

Теоретически возможен и такой вариант производства рассматриваемого следственного действия, когда ставится вопрос о задержании почтово-телеграфных отправок, исходящих или поступающих на определенный адрес, без указания конкретного лица (то есть на всех лиц, проживающих в данной квартире), поскольку прямого запрета на это в УПК РФ не содержится, а ограничение права на тайну переписки при таком варианте происходит не в большем объеме, чем в случаях, когда арест налагается на почтово-телеграфные отправления конкретного лица. Вместе с тем в практической деятельности крайне сложно отследить почтово-телеграфные отправления по адресу, поскольку их прием и вручение в почтовых организациях ведется по данным о личности отправителя и получателя.

Литература

1. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Карелия от 2 июля 2012 г. по делу № 22к-1343/12 // Архив Верховного суда Республики Карелия.
2. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 7 июня 2011 г. по делу № 22К-3727 // Архив Московского областного суда.
3. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 28 июня 2011 г. по делу № 22 К-4262 // Архив Московского областного суда.
4. Коваль А.В. Процессуальные и тактические аспекты наложения ареста на почтово-телеграфные отправления // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 4.
5. Муров Е.А. О роли специальной связи и информации в решении задач государственного управления. URL: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%205/I/Murov.pdf> (дата обращения: 11.03.2015).
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР (постатейный) / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2002.
7. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Мачалабы Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 125, 165, 182, 185, 186, 404, 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 5, 9, 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision15612.pdf> (дата обращения: 12.07.2015).
8. О государственной охране: федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 22. Ст. 2594.
9. О почтовой связи: федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.
10. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.
11. О федеральной фельдъегерской связи: федеральный закон от 17 декабря 1994 г. № 67-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 34. Ст. 3547.
12. Положение о государственной фельдъегерской службе Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 7 апреля 2014 г. № 213 (ред. от 20.01.2015) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1726.

13. Положение о Федеральной службе охраны Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 7 августа 2004 г. № 1013 (ред. от 20.01.2015) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3314.

14. Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы: утв. приказом Министерства юстиции РФ от 6 октября 2006 г. № 311 (ред. от 23.08.2012) // Российская газета. 2006. 18 октября.

15. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений: утв. приказом Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 (ред. от 02.02.2009) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

16. Семенченко Л.А. История развития фельдъегерско-почтовой связи. URL: http://vk.sibsubis.ru/articles/2013_32-33.pdf (дата обращения: 12.07.2015).

17. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2004.

18. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 20.04.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

УДК 343.123.1

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО – ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА И НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ

Юлия Павловна Якубина, доцент кафедры Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: up_ulia@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые проблемы процессуального статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве, основания признания лица потерпевшим. Сделан вывод о том, что участие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении и разрешении судами вопросов, связанных с исполнением приговоров, служит гарантией осуществления правосудия на основе состязательности и равноправия сторон.

Ключевые слова: потерпевший; стадия исполнения приговора; квалифицированная юридическая помощь.

PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF VICTIMS – RESPONSIBILITIES STATE AND NECESSARY CONDITIONS OF FAIR JUSTICE

Yuliya Pawlowna Yakubina, chair associate professor of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.V. Lukanov
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article discusses some problems of the procedural status of victims in criminal proceedings, the grounds of recognition of a person as a victim. Formed conclusion, the participation of victims in judicial session by consideration and resolution by the courts of issues related to the enforcement of sentences is a guarantee of implementation of justice on the basis of competitiveness and equality of the parties.

Keywords: the victim; the stage of enforcement; qualified legal aid.

В докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2014 г. обращается внимание на то, что права потерпевших от преступлений нуждаются в дополнительной защите со стороны государства [5].

В 2014 г. к Уполномоченному по правам человека в РФ за защитой своих прав обратились 656 граждан, пострадавших от преступлений, при этом каждое четвертое обращение было, по мнению Уполномоченного, обоснованным. По результатам рассмотрения обращений восстановлены нарушенные права граждан, при содействии Уполномоченного возбуждено 13 уголовных дел [5].

Проблемы процессуального статуса потерпевшего не являются сиюминутными или доктринально надуманными для Российского государства и общества [6]. Это подтверждают многие научные публикации, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Обратимся к действующему уголовно-процессуальному законодательству для рассмотрения процессуального статуса потерпевшего.

Одним из назначений уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ).

По уголовно-процессуальному законодательству, потерпевший – это лицо, которое пострадало от преступления. Потерпевшим может быть как физическое, так и юридическое лицо. Физическое лицо должно быть признано потерпевшим независимо от принадлежности к гражданству того или иного государства, возраста, состояния здоровья. При признании лица потерпевшим учитывается: для физических лиц – физический, имущественный, моральный вред; для юридических лиц – вред имуществу или деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно по уголовному делу с момента получения сведений о лице, которому преступлением причинен вред. Оформляется решение постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда (ст. 42 УПК РФ). Следовательно, в стадии возбуждения уголовного дела еще нет потерпевшего, присутствует только пострадавший от преступления. На стадии предварительного расследования появляется потерпевший, процессуальный статус которого незамедлительно должен быть процессуально оформлен. Таким образом, законодатель сократил временные границы принятия процессуального решения о признании лица потерпевшим, но не установил срок, в течение которого лицо должно быть признано потерпевшим.

Для признания лица пострадавшим от преступления должны быть основания у дознавателя, следователя, судьи (суда).

А.М. Ларин указывает, что основанием для признания лица потерпевшим должны служить сведения, с достаточной вероятностью указывающие на вред, причиненный ему преступлением [7].

С.А. Синенко отмечает, что формирование процессуального статуса потерпевшего объективно происходит на этапах: 1) фактического претерпевания лицом вреда как следствия совершенного уголовно наказуемого деяния; 2) обращения этого лица с заявлением о преступлении в правоохранительные органы либо вовлечения его в деятельность по проверке первоначальной информации о преступлении дознавателем, следователем; 3) признания лица потерпевшим, оформленного соответствующим постановлением дознавателя, следователя, судьи. Нахождение лица в положении потерпевшего предусматривает приобретение им полного процессуального статуса только на третьем этапе, что является серьезным законодательным пробелом [11].

По мнению Т.Н. Бородкиной, для признания физического лица потерпевшим необходимы фактическое и юридическое основания: 1) установление факта причиненного вреда, которое может быть подтверждено различными документами; 2) вынесенное следователем, дознавателем, судьей постановление о признании потерпевшим [1].

Лицо, которому преступным деянием причинен вред, приобретает процессуальные права и обязанности с момента вынесения постановления о признании его потер-

певшим. В процессуальном документе указываются действия, которыми причинен вред потерпевшему, а также отражается конкретно причиненный вид вреда.

Как показывает следственная и судебная практика, чаще всего по заявлению пострадавшего от преступления лицо признается потерпевшим. Суд, орган предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, по своей инициативе вправе признать лицо, которому преступным деянием причинен вред, потерпевшим.

Лицо, пострадавшее от преступления, должно быть признано потерпевшим независимо от того, установлены или нет подозреваемые, обвиняемые по уголовному делу. Близкие родственники пострадавшего, на чьи права и законные интересы преступление не было непосредственно направлено, по общему правилу, процессуальными возможностями по их защите не наделяются. Защита прав и законных интересов таких лиц осуществляется в результате восстановления прав лица, пострадавшего от преступного деяния. Такой вывод следует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17.

Безусловно, чем раньше лицо сможет принять участие в производстве по уголовному делу в качестве потерпевшего, тем больше возможностей для реализации им процессуальных прав. Согласимся с мнением ученых о том, что существенно нарушает права и законные интересы лиц, пострадавших от преступления, отсутствие четкого определения момента, когда пострадавшее от преступления лицо должно быть признано потерпевшим [4].

Гарантом защиты процессуальных прав потерпевшего на стадии досудебного производства должен выступать прокурорский надзор. Совершенно справедливо указывает Н.Н. Неретин, что в УПК РФ необходимо предусмотреть обязанность направления прокурору должностным лицом, которое осуществляет предварительное расследование, копии постановления о признании лица потерпевшим. Прокурор, осуществляя прокурорский надзор, всегда сможет оценить своевременность признания лица потерпевшим [9].

Среди участников уголовного судопроизводства потерпевший отнесен к стороне обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ). И, как сторона обвинения, он вправе участвовать в уголовном преследовании подозреваемого, обвиняемого; выдвигать и поддерживать обвинение по делам частного обвинения в суде (ст. 22 УПК РФ). Обвинительная функция потерпевшего реализуется через процессуальные права, которые направлены на охрану его прав и законных интересов, изобличение виновных лиц и обеспечение применения к виновным лицам обоснованного уголовного наказания. Потерпевший имеет право на участие в судебном процессе на любой стадии уголовного судопроизводства.

Анализ норм УПК РФ, регламентирующих процессуальный статус потерпевшего, показывает, что перечень его прав довольно значительный. Так, потерпевший по уголовному делу вправе знать о принятии важных решений и выполнении значимых процессуальных действий по уголовному делу, например, знать о предъявленном обвинении обвиняемому, знакомиться на заключительном этапе предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и т.д.

Потерпевший вправе по своему ходатайству получать копии процессуальных документов, которые затрагивают его интересы (копии постановлений о возбуждении уголовного дела, о признании его потерпевшим, об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о прекращении производства по уголовному делу, о приостановлении предварительного расследования и др.).

На судебном этапе за потерпевшим закреплено право участвовать в разбирательстве уголовного дела в судебных инстанциях; высказывать свою позицию о вынесении приговора по уголовному делу в порядке гл. 40 УПК РФ; знакомиться с протоколом судебного заседания; обжаловать итоговые решения суда; знать о принесенных по делу

обращениях; ходатайствовать о применении мер безопасности; участвовать в производстве при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора.

По своевременному обращению-ходатайству потерпевший может получить информацию о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, о переводе осужденного из одного исправительного учреждения в другое, об окончании срока отбывания осужденным наказания. Потерпевший может быть уведомлен о рассмотрении судом связанных с исполнением приговора вопросов об освобождении осужденного от наказания, об отсрочке исполнения приговора, о замене осужденному неотбытой части наказания более мягким видом наказания. Следует отметить, что законодатель указал, что ходатайство о получении информации, указанной в п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, подается потерпевшим до окончания прений сторон в письменной форме. В ходатайстве приводится перечень информации, которую желает получать потерпевший, а также указываются сведения, которые могут обеспечить своевременное получение потерпевшим информации.

Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, морального вреда, причиненного преступлением; расходов, понесенных в связи с его участием в ходе досудебного и судебного производства, включая расходы на представителя (ст. 131 УПК РФ).

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» обращено внимание судов на то, что, исходя из принципа равенства прав сторон, потерпевший пользуется равными со стороной защиты правами на рассмотрение вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства. На любом этапе уголовного судопроизводства потерпевшему должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда позицию потерпевшего по существу уголовного дела, доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования. Потерпевший вправе принимать участие во всех судебных заседаниях по рассматриваемому делу для защиты своих прав и законных интересов.

По уголовно-процессуальному законодательству, потерпевший не вправе отказываться от выполнения процессуальных обязанностей. Обеспечение органами предварительного расследования исполнения потерпевшим процессуальных обязанностей способствует разумному сроку расследования уголовного дела, установлению объективной картины преступления, вынесению итогового досудебного решения. Обеспечение судом исполнения потерпевшим процессуальных обязанностей способствует всестороннему и полному установлению обстоятельств по уголовному делу, вынесению законного, обоснованного и справедливого итогового судебного решения. Если потерпевший не выполняет своих процессуальных обязанностей, то он несет ответственность в соответствии с нормами ст. 307, 308, 310 УК РФ (за дачу заведомо ложных показаний; за отказ от дачи показаний; за уклонение от прохождения освидетельствования, производства в отношении его судебной экспертизы, от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования; за разглашение данных предварительного расследования). При наличии на то оснований, потерпевший может быть подвергнут приводу.

Однако, по мнению В.М. Быкова, такое отношение законодателя к потерпевшему является негуманным. К потерпевшему, как считает В.М. Быков, в указанном случае должны быть применены не уголовные, а процессуальные санкции [3].

В судебных стадиях уголовного судопроизводства роль потерпевшего достаточно активна. Судебное разбирательство происходит при его участии; ему принадлежит право на примирение с подсудимым в случаях, предусмотренных ст. 25 УПК РФ; он вправе давать показания в любой момент судебного следствия, может пользоваться письменными заметками. Потерпевшему разрешается прочтение имеющихся у него документов, относящихся к его показаниям. Эти документы могут быть приобщены к мате-

риалам уголовного дела. Потерпевший вправе в судебном заседании согласовать свою позицию с государственным обвинителем через ходатайство к суду.

В случае неявки потерпевшего в суд его показания, ранее данные по уголовному делу на досудебном и судебном производстве, с согласия сторон подлежат оглашению.

Предусмотрена в УПК РФ и законодательная мера безопасности и защиты потерпевшего. Одна из мер защиты потерпевшего – это присвоение ему псевдонима. Так, если в ходе судебного разбирательства данные о личности потерпевшего не раскрывались, суд в приговоре ссылается на псевдонимы потерпевшего (с указанием этого факта) (ст. 303 УПК РФ). При размещении судебных решений в сети Интернет персональные данные потерпевшего подлежат исключению из текста судебного решения.

В последнее время на законодательном уровне и в практической деятельности значительное внимание уделяется процессуальным правам потерпевшего на стадии исполнения приговора. В рамках названной стадии Федеральный закон от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ существенно расширил процессуальные права потерпевшего. Так, потерпевший вправе знакомиться со всеми дополнительными материалами, которые были предоставлены сторонами в суд, самостоятельно представлять дополнительные или новые материалы, давать объяснения. Он может участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференцсвязи.

Потерпевший вправе участвовать в судебном производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, а именно: об условно-досрочном освобождении, о замене неотбытой части наказания, об освобождении от наказания в виде ограничения по военной службе военнослужащего, уволенного с военной службы, об отсрочке исполнения приговора.

На судебный орган возлагается обязанность известить потерпевшего о возможности его участия в судебном заседании лично либо путем использования систем видеоконференцсвязи. Вопрос о форме участия потерпевшего в судебном заседании решается судом при наличии ходатайства потерпевшего. Неявка потерпевшего не является препятствием для проведения судебного заседания. На наш взгляд, следует согласиться с суждением о том, что в любом случае, независимо от того, участвовал потерпевший в судебном заседании или нет, его отношение к заявленному ходатайству должно быть установлено и отражено соответствующим образом в материалах уголовного дела [8].

Л. Брусницын предлагает наряду с законодательными новеллами о правах потерпевшего в стадии исполнения приговора предусмотреть правило конфиденциальности запроса мнения потерпевшего по поводу условно-досрочного освобождения, что исключает угрозу виктимизации либо предельно минимизирует ее [2].

Безусловно, новелла законодателя объективна и своевременна, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 указывается, что рассмотрение и разрешение судами вопросов, связанных с исполнением приговоров, осуществляется в форме правосудия в открытом судебном заседании [10]. Положения Конституции РФ гарантируют лицу (потерпевшему) право ставить вопрос о защите своих прав. Следовательно, потерпевший должен иметь право участвовать в судебном заседании независимо от стадии уголовного судопроизводства. От участия потерпевшего зависит соблюдение весьма важного принципа судопроизводства – принципа обеспечения доступа к правосудию.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указывается, что при реализации права на защиту каждого, кто подвергся уголовному преследованию, должны применяться и учитываться правовые позиции Конституционного Суда РФ и практика Европейского суда по правам человека. Обеспечение права на защиту является обязанностью государства и необходимым условием справедливого правосудия. Реализация данного права должно

осуществляться во всех стадиях уголовного судопроизводства. Отметим, что в данном постановлении не рассмотрены вопросы защиты прав и законных интересов потерпевшего.

Анализируя теоретические вопросы и актуальные проблемы правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве России, нельзя не заметить, что потерпевший, имея процессуальный ассортимент прав, не всегда может правильно и своевременно реализовать их в силу отсутствия правовых знаний. В определенных случаях ему требуется квалифицированная юридическая помощь адвоката. Следует согласиться с В.М. Быковым, который считает, что адвокаты – представители потерпевшего должны привлекаться к участию в уголовном деле в случаях, предусмотренных ст. 51 УПК РФ. Все расходы на адвоката в этих случаях государство должно взять на себя [3].

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» обращено внимание судов на то, что потерпевшему должно быть разъяснено и обеспечено право бесплатно пользоваться помощью переводчика. Отметим, что в данном постановлении не рассмотрены вопросы права потерпевшего на стадии исполнения приговора. Хотя на практике таких вопросов много.

На наш взгляд, международный принцип поддержки потерпевших от преступлений должен активно декларироваться законодателем в УПК РФ и осуществляться в правоприменительной деятельности. Реализовать свои права и законные интересы потерпевший может только после получения соответствующего процессуального статуса. Правовой статус потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения и процессуального оформления постановления. Потерпевший может эффективно отстаивать свои права и законные интересы, если наделен достаточными процессуальными правами на стадиях досудебного и судебного судопроизводства – в некоторых случаях после получения квалифицированной юридической помощи адвоката. При этом помощь должна быть бесплатной. Закрепление на законодательном уровне привлечения адвоката, в определенных случаях, для оказания квалифицированной юридической помощи будет дополнительной защитой прав потерпевшего со стороны государства.

Литература

1. Бородкина Т.Н. Процессуальный статус потерпевшего и обеспечение его прав в ходе производства следственных действий по уголовным делам: проблемы правоприменения по УПК РФ. 2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Брусницын Л. О правах потерпевшего в стадии исполнения приговора // Уголовное право. 2013. № 6.
3. Быков В.М. Права потерпевшего в уголовном судопроизводстве России // Российская юстиция. 2015. № 7.
4. Величко И.В. Понятие потерпевшего и его процессуально-правовой статус по действующему уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации // Общество и право. 2011. № 4.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2014> (дата обращения: 02.10.2015).
6. Ковтун Н.Н. Обеспечение прав потерпевшего в уголовном процессе (комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17) // Российский судья. 2010. № 11.
7. Ларин А.М. Конституция и Уголовно-процессуальный кодекс // Государство и право. 1993. № 10.
8. Муллахметова Н. Причины и правовые последствия неявки потерпевшего в судебное заседание по уголовному делу // Уголовное право. 2014. № 4.
9. Неретин Н.Н. К вопросу защиты прав и интересов потерпевших на досудебном производстве по уголовным делам // Российская юстиция. 2015. № 9.

10. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

УДК 343.13

О НОРМАТИВНОЙ ОСНОВЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Сергей Викторович Артёмов, адъюнкт Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

E-mail: sergei577@mail.ru

В статье предпринята попытка отыскать в законодательстве и иных нормативных актах предписания, регламентирующие особенности участия на первоначальном этапе уголовного судопроизводства несовершеннолетнего лица, пострадавшего от преступления.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; права потерпевшего; заявитель; несовершеннолетний; стадия возбуждения уголовного дела.

ABOUT THE STANDARD BASIS OF ENSURING THE RIGHTS OF THE JUVENILE VICTIM AT THE STAGE OF BRINGING THE CRIMINAL CASE

Sergey Victorovich Artemov, post graduate of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.V. Lukyanov

In the given article the attempt is made to find in the laws and other legal acts the instructions regulating the peculiarities of the participation of a juvenile person suffered from the crime in the first stage of criminal justice process.

Keywords: criminal justice process; the rights of the victim; a claimant; a juvenile; the stage of bringing the criminal case.

Прежде считаем необходимым сделать оговорку. Словосочетание «несовершеннолетний потерпевший», используемое в наименовании данной статьи, носит некоторый условный характер. Статья 42 УПК РФ не предполагает участия такого субъекта на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Однако в тексте закона существование этого участника на указанном этапе не исключается (например, в ч. 2 ст. 20, п. 5 ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 318 УПК РФ), на что обращалось внимание исследователями [12, с. 46]. Кроме того, оправданно вести речь о фактическом и юридическом аспектах понимания потерпевшего в уголовном судопроизводстве [3, с. 43-47]. При таких объяснениях условностей в этом вопросе становится меньше.

Н.А. Кирянина, исследуя проблематику обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела, отмечает, что УПК РФ не содержит норм, специально регламентирующих не только отношения, участником которых является несовершеннолетний пострадавший, но и вообще

не учитывает специфики отношений, связанных с несовершеннолетними, в каком бы то ни было качестве вовлеченными в этот этап уголовного судопроизводства [2, с. 85]. К сожалению, с этим мнением следует согласиться.

Правда, некоторые, пусть даже незначительные, исключения нами обнаружены. Так, в ч. 2 и 3 ст. 20 УПК РФ говорится о том, что дела частного и частно-публичного обвинения возбуждаются по заявлению потерпевшего или его законного представителя. Если учесть, что законные представители – это родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый либо потерпевший, органы опеки и попечительства (п. 12 ст. 5 УПК РФ), то следует констатировать, что хотя бы в этой части специфика уголовно-процессуальных отношений, связанных с подростками, законодателем учтена. Подобная формулировка использована законодателем в ч. 1 ст. 318 УПК РФ, где регламентируется процедура возбуждения дел частного обвинения.

Следуя логике, указанное выше словосочетание, должно было найти место в п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, из которой следует, что уголовные дела частного и частно-публичного обвинения не могут быть возбуждены при отсутствии заявления потерпевшего. Однако фраза «или его законного представителя» в этой норме не используется.

Выше мы обратили внимание на то, что использование термина «потерпевший» применительно к первоначальному этапу уголовного судопроизводства – скорее, исключение (а может быть, и технико-юридическая погрешность), допущенное законодателем. Лицо, фактически являющееся потерпевшим от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела чаще занимает статус заявителя либо лица, от которого получают объяснение, а может вообще не участвовать на этом отрезке судопроизводства [2, с. 35-36; 3, с. 30-32]. Это побудило рассмотреть вопрос о том, учел ли законодатель специфику отношений с данными участниками, если они не достигли совершеннолетия. И здесь положительных результатов получено не было.

Заявитель, как участник стадии возбуждения уголовного дела, имеет весьма ограниченный объем прав, явно не достаточный для отстаивания своих интересов. На это указывают практически все исследователи первоначального этапа уголовного судопроизводства.

С учетом направленности нашего изыскания считаем необходимым в первую очередь констатировать, что законодатель не предусмотрел для заявителя возможности пользоваться помощью представителя, в том числе и законного. При участии в данной стадии лица, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, это существенным образом сказывается на этапе приема заявления о преступлении, осуществления проверочных действий, информирования о принятом решении и возможности его обжалования. В юридической литературе отмечается, что в этих сферах имеют место существенные проблемы и затруднения, связанные с реальным обеспечением прав и интересов потерпевшего. Разобраться с ними не всегда под силу даже взрослому участнику судопроизводства [1, с. 10-14].

Статус лица, от которого получают объяснение, УПК РФ не определяет вообще, не говоря о специфике процессуального положения такого лица, обусловленной его возрастными особенностями. И даже дополнения, появившиеся в ст. 144 УПК РФ в связи с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, существенно не изменили такую ситуацию [4, с. 4-5].

Исходя из этого, можно констатировать, что уголовно-процессуальный закон не регламентирует особенности участия несовершеннолетнего потерпевшего на первоначальном этапе уголовного судопроизводства.

Осознавая, что такие отношения могут быть предметом регулирования иных законов или нормативных актов, мы обратились к их исследованию.

В первую очередь нами осуществлен анализ тех нормативных актов, которые регулируют отношения, связанные с приемом, регистрацией и проверкой сообщений о преступлениях.

Отношения в этой сфере регламентируются базовым документом – межведомственным приказом «О едином учете преступлений», которым с 1 января 2006 г. введено в действие Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях [8] (далее – Типовое положение), и рядом ведомственных нормативных актов.

В Типовом положении несколько раз используется термин «несовершеннолетние». Но ни одного предписания, которое было бы направлено на обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего, в тексте этого документа нами не выявлено.

На основе Типового положения, с учетом специфики и особенностей своей деятельности, ряд федеральных органов издали свои нормативные акты. К ним, в частности, относятся: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212 «О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях» [9]; Инструкция об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в следственных органах системы Следственного комитета Российской Федерации [5]; Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях [6]; Инструкция по организации в органах Федеральной службы безопасности РФ приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности [7], и ряд других ведомственных нормативных актов.

Изучение этих документов показало, что ни в одном из них не учитываются возрастные особенности лиц, пострадавших от преступления. Более того, отдельные положения этих документов, на наш взгляд, могут препятствовать приему, регистрации и проверке первичной информации о преступлениях, поступающей от несовершеннолетних.

Так, пункт 9 Инструкции об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях в следственных органах системы Следственного комитета Российской Федерации содержит следующее предписание: «Заявителю, обратившемуся в следственный орган с устным заявлением о преступлении, в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 11 УПК РФ должно быть разъяснено право, предусмотренное ч. 1 ст. 141 УПК РФ, на подачу письменного заявления о преступлении». Но статья 141 УПК РФ не содержит таких указаний. В ней говорится о том, что заявления о преступлениях могут быть сделаны в устном или письменном виде. При поступлении устного заявления законодатель не предполагает альтернативы – предложения заявителю письменно оформить свое обращение в правоохранительный орган. Он в императивной форме указывает на то, что такое заявление должно быть занесено должностным лицом в протокол. Таким образом, составители рассматриваемой инструкции исказили смысл предписаний, содержащихся в УПК РФ. А если учесть, что данное положение инструкции может весьма произвольно толковаться на практике, то применительно к нашему вопросу это приведет к возложению на несовершеннолетнего обязанности по написанию заявления о преступлении. Не каждый несовершеннолетний с этим справится.

Не вполне корректным представляется содержание и п. 20 указанной инструкции. В нем, в частности, говорится: «Заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге и не требуют процессуальной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ». Такое требование представляется избыточным. Лица, не сведущие в юриспруденции, а к их числу относятся и несовершеннолетние, не всегда способны

описать обстоятельства конкретного противоправного деяния таким образом, чтобы были изложены все юридически значимые признаки. То есть потенциально существует возможность отказать в регистрации такого заявления.

Теперь, если одновременно учесть негативные последствия использования п. 9 и 20 рассматриваемой инструкции, можно констатировать, что они явно не способствуют обеспечению прав и законных интересов заявителя, в том числе несовершеннолетнего.

И, напротив, правильными видятся положения п. 8 Инструкции, действующей в системе МВД России, редакция которого выглядит следующим образом: «Заявления и сообщения о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях вне зависимости от места и времени совершения преступления, административного правонарушения либо возникновения происшествия, а также полноты содержащихся в них сведений и формы представления подлежат обязательному приему во всех территориальных органах МВД России».

Аналізу были подвергнуты и те законы, которые, хотя и косвенно, но могли бы касаться исследуемых нами отношений.

В их число вошли федеральные законы «О полиции», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

Интерес к Федеральному закону «О полиции» был вызван тем, что работники этой структуры, как правило, одними из первых соприкасаются с противоправными, в том числе уголовно наказуемыми деяниями, а следовательно, и с лицами, пострадавшими от этих действий. Кроме того, при проверке первоначальной информации о преступлении нередко используются средства (методы), предусмотренные данным законом.

Термин «несовершеннолетний» в Федеральном законе «О полиции» использован неоднократно. Так, в ст. 12 Закона сформулированы ряд обязанностей полиции: участвовать в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; осуществлять розыск несовершеннолетних, самовольно ушедших из семей или специализированных учреждений; доставлять несовершеннолетних, совершивших правонарушения или антиобщественные действия. В статье 17 Закона «О полиции» термин «несовершеннолетние» употребляется в связи с формированием и ведением банков данных о гражданах, в ст. 23 – в связи с регламентированием правил применения оружия. Имеют место и иные ситуации. Однако в исследуемом нами контексте ни одного предписания в этом законе мы не обнаружили.

Такие же результаты были получены при анализе Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). Статья 2 данного закона определяет задачи оперативно-розыскной деятельности, которыми являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации. Это предполагает и общение с лицами, пострадавшими от преступлений.

Статья 5 Закона об ОРД регламентирует вопросы соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, в ст. 6 определен перечень оперативно-розыскных мероприятий и регламентированы общие правила их осуществления, а в ст. 8 – условия проведения оперативно-розыскных мероприятий.

В то же время, Закон об ОРД не обозначает особенностей применения этих предписаний в отношении лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, включая несовершеннолетних потерпевших.

В Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» содержится ряд понятий («несовершеннолетний», «антиобщественные действия», «профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и др.), которые используются в анализируемой нами сфере (ч. 1 Закона). С учетом своей направленности этот закон регулирует широкий круг вопросов, включая прием, регистрацию и разрешение сообщений о преступлениях, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних.

В статье 8 Закона указано, что «несовершеннолетним, их родителям или иным законным представителям, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, обеспечиваются права и свободы, гарантированные Конституцией Российской Федерации, Конвенцией ООН о правах ребенка, международными договорами Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации». Определены права субъектов правоотношений, устанавливаемых данным нормативным актом, в том числе право на обжалование решений, принятых работниками органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в вышестоящие органы указанной системы, органы прокуратуры и суд; гуманное, не унижающее человеческого достоинства обращение; обеспечение бесплатной юридической помощью с участием адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание юридической помощи в соответствии с законом. Возможность реализации данных прав предусмотрена для широкого круга отношений, они приемлемы и при осуществлении деятельности на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Но такие предписания имеют слишком общий характер, и мы не можем признать их нормами, специально регламентирующими отношения с несовершеннолетними, возникающие в стадии возбуждения уголовного дела.

Кроме того, мы вынуждены констатировать, что и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, специально посвященных судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [11] и вопросам участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» [10], также не нашлось места положениям, касающимся участия несовершеннолетнего потерпевшего в стадии возбуждения уголовного дела. Хотя в первом из указанных документов содержится значительное число весьма важных предписаний, имеющих отношение к защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Но сформулированы они применительно к подозреваемому и обвиняемому, а не потерпевшему.

Таким образом, анализ законодательных и иных нормативных актов позволяет сформулировать вывод о том, что они не содержат норм, отражающих особенности участия несовершеннолетнего при приеме, проверке первоначальной информации о преступлении и ее разрешении.

Литература

1. Калиновский К.Б., Чечетин А.Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9.
2. Кирянина Н.А. Обеспечение прав несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010.

3. Марфицин П.Г., Синенко С.А., Филиппов Д.В. Обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2013.

4. Николюк В.В., Марфицин П.Г. Участие адвоката на первоначальной стадии уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9.

5. Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета России от 11 октября 2012 г. № 72 // Российская газета. 2013. 6 марта.

6. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Российская газета. 2014. 14 ноября.

7. Об утверждении Инструкции по организации в органах Федеральной службы безопасности приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях и иной информации о преступлениях и событиях, угрожающих личной и общественной безопасности: приказ ФСБ России от 16 мая 2006 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 42.

8. О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

9. О порядке учета и рассмотрения в органах прокуратуры Российской Федерации сообщений о преступлениях: приказ Генпрокуратуры РФ от 27 декабря 2007 г. № 212 // Законность. 2008. № 3.

10. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.

11. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3, от 02.04.2013 № 6) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

12. Синенко С.А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.2/.7

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Владимир Владимирович Кулыгин, директор Дальневосточного филиала Российской правовой академии Минюста России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: valandil@mail.ru

В статье рассматривается ситуация, складывающаяся в сфере уголовно-правовой охраны памятников истории и культуры в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Проанализирован правовой режим памятников истории и культуры, выделен ряд факторов, приводящих к снижению надлежащего уровня защиты объектов культурного наследия. Отмечается необходимость совершенствования законодательной базы, препятствующей эффективной борьбе с различными видами посягательств на культурные ценности, в том числе путем ужесточения санкций за преступления данной категории.

Ключевые слова: Россия; Китай; уголовное право; культурные ценности; уголовно-правовая охрана; памятники истории и культуры; археологические предметы.

MODERN TENDENCIES OF CRIMINAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE IN RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Vladimir Vladimirovich Kulygin, head of the Far Eastern Branch
of the Russia Law Academy of Justice of Russia Doctor of Law, professor

The situation in the field of criminal legal protection of cultural and historical monuments in Russian Federation and People's Republic of China is analyzed in the article. The legal order of the cultural and historical monuments is studied, a number of factors, which cause the decrease of the level of criminal legal protection of the objects of cultural heritage. The necessity to improve the legislative fundamentals, that negatively influence the effectiveness of fight against different types of encroachments upon cultural values, including the means of punitive sanctions for the crimes of this category.

Keywords: Russia; China; criminal law; cultural values; criminal legal protection; cultural and historical monuments; archaeological items.

С культурологических позиций, получивших в последние десятилетия широкое распространение в отечественной юриспруденции, право вообще и уголовное право как часть его является неотъемлемым компонентом правовой культуры. Однако, занимая свое место в ряду культурных феноменов, уголовное право, в силу специфики предмета и метода правового регулирования, может и должно быть тем инструментом, который, по принципу обратной связи, способен обеспечить охрану культуры как духовно-исторического наследия, как коллективной «памяти» этноса.

Если охрана «метакультуры», то есть всей культуры общества на данном этапе его исторического развития, осуществляется как бы автоматически в процессе реализации уголовно-правовых норм, установления запретов, отделяющих «зло» от минимума «добра» (В.С. Соловьев), справедливое от несправедливого, то охране культурного достояния народов России, в котором материальное неразрывно связано с духовным, действующий Уголовный кодекс уделял до недавнего времени непозволительно мало внимания. Некоторые позитивные тенденции в данном направлении в последние годы все же проявились. В данном случае мы имеем в виду известные дополнения в Уголовный кодекс России, внесенные Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [4], о которых будет сказано ниже. Тем не менее, завершеного решения вопрос об уголовно-правовой охране культурного достояния народов Российской Федерации все же не получил. Это проявляется как в отсутствии законодательной фиксации видового объекта преступлений против культурного достояния народов России в отдельной главе УК РФ, так и в несоответствии наказуемости отдельных видов указанных преступлений характеру и степени их общественной опасности. В результате, преступления, предметом которых являются культурные ценности, «разбросаны» по разным разделам и главам Уголовного кодекса; криминализованы далеко не все формы общественно опасного поведения в отношении культурных ценностей; санкции за некоторые преступления этой категории явно занижены и взаимно не уравновешены. Например, за хищение из музея предметов, представляющих особую культурную и (или) историческую ценность, повлекшее их уничтожение (п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ), виновное лицо может понести наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет, в то время как за уничтожение или повреждение особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, согласно санкции ч. 2 ст. 243 УК РФ, максимальное наказание (да и то с 2013 г.) – не свыше шести лет лишения свободы.

Более чем очевидно, что реальная опасность таких актов никак не соответствует мягкости санкций за их совершение. Между тем недооценивать вероятность учинения подобных деяний не следует. Обострение конфессионально-этнических конфликтов в мире, происшедшее в конце XX – начале XXI в., продемонстрировало, что культурно-исторические памятники все чаще становятся объектами агрессии экстремистов. Массовое разрушение православных соборов албанскими сепаратистами в Косово, уничтожение талибами гигантских статуй Будды в Афганистане, разрушение боевиками «Исламского государства» в 2014-2015 гг. исторических памятников, мечетей и церквей на территории Сирии и Ирака – наглядный тому пример. И далеко не случайно, что в международном уголовном праве преступления против культурных ценностей относятся к числу конвенциональных.

В Российской Федерации правовой режим памятников истории и культуры до настоящего времени регламентируется несколькими нормативными актами: Федеральным законом от 24 мая 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Указом Президента РФ от 30 ноября 1992 г. «Об особо ценных объектах культурного наследия народов Российской Федерации», Законом РФ от 15 апреля 1993 г. «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Постановлением Правительства РФ от 17 июля 1995 г. «Вопросы деятельности особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации» и другими. Отсутствие единого соответствующего закона негативным образом сказывается на уголовном законодательстве, порождая проблемы, о которых было сказано выше.

Слабость законодательной базы является одним из факторов, препятствующих эффективной борьбе с различными видами посягательств на культурные ценности. Необходимость принятия Федерального закона «Об охране культурных ценностей» диктуется резким ростом числа хищений и вывоза за границу предметов и изделий, яв-

ляющихся культурным достоянием народов России. По некоторым данным, начиная с 1989 г., количество таких преступлений увеличилось в шестнадцать раз, а из частных коллекций – более чем в 22 раза*. Кроме того, латентность этих преступлений очень высока, и реальное их число значительно превышает данные официальной статистики.

Отсутствие единого, общепринятого понятия «культурная ценность» приводит к разнобою в определении предмета преступления в разных статьях Уголовного кодекса РФ. Так, в статье 164 УК РФ законодатель говорит о предметах или документах, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность; в ст. 190 и 226.1 УК РФ в числе предметов преступления называются культурные ценности. Наконец, в ст. 243 УК РФ к предметам посягательства относятся объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации. В квалифицированном составе (ч. 2 ст. 243 УК РФ) добавляются историко-культурные заповедники, музеи-заповедники и объекты археологического наследия. Как видно из приведенного перечисления, о какой-либо унифицированности терминологии говорить сложно. Помимо этого, если в ст. 243 УК РФ объективная сторона преступления выражается в деянии в виде уничтожения или повреждения указанных предметов, то в п. «в» ч. 3 ст. 164 УК РФ деяние описано как уничтожение, порча или разрушение аналогичных предметов и документов. Представляется, что термин «разрушение» как синоним слова «уничтожение» как раз более адекватен для описания деяния, предусмотренного ст. 243 УК РФ. В таком же соотношении находятся слова «повреждение» и «порча»: последняя представляет собой частный случай повреждения. Таким образом, очевидно, что в описании вышеназванных составов преступлений нарушено одно из правил использования языка в законодательной технике, гласящее, что для выражения тождественных явлений необходимо использовать тождественные термины.

Тем не менее, отмеченные недочеты в законодательной технике или недостаточность санкций не воздвигали каких-то непреодолимых препятствий для реального применения указанных норм уголовного закона. Гораздо опаснее в этом плане была и остается недопустимо либеральная государственная политика, в том числе и уголовная, в области охраны культурного достояния народов России, позволяющая беспрепятственно под видом реставрации и архитектурной перепланировки фактически уничтожать исторические памятники и вывозить за границу культурные ценности [5]. Кроме того, до недавнего времени в российском законодательстве, включая и уголовное, имелся «зияющий» пробел, фактически легализующий деятельность так называемых «черных» археологов, запрещенную во многих странах. Вполне очевидно, что такое положение дел приводило к невосполнимым потерям культурного достояния. Например, по сообщениям средств массовой информации, недавно «черные археологи» уничтожили памятник федерального значения – городище Коложо (XIV-XVII вв.) в Псковской области. Жемчужине археологии нанесен непоправимый ущерб: уничтожен участок городища с наиболее мощными и информативными напластованиями. Из культурного слоя изъяты все находки, имеющие коммерческую ценность, разрушены средневековые постройки. «Деятельность «черных копателей» на городище Коложо не похожа на обычные «закопушки» от металлодетекторов. Грабители вторглись в культурный слой на глубину до 1,5 м. Насчитано около десятка грабительских шурфов от 1,5х2 метра до траншей 3х6 метров», – сообщают в Институте археологии РАН. «Несколько лет назад на продажу в сети Интернет было выставлено ведро монет. Особым спросом на рынке пользуются и предметы военного назначения: шлемы, панцири, мечи, наконечники стрел и копий. Многие «бесперспективные» для наживы находки выбрасываются на месте. Часто при поиске металлических изделий полностью уничтожаются жилища. Керамика (обломки бытовой посуды, кирпичи, черепица) – основная категория находок на средневековых объектах – идет в отвалы без атрибуции сотнями фрагментов [3].

* URL: <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/19553>

Этот пробел был во многом ликвидирован Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии». Даже поверхностный анализ норм этого закона позволяет охарактеризовать его как комплексный нормативно-правовой акт, вносящий изменения в Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», Гражданский кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Кроме того, Закон в ст. 8 отдельно регулирует вопросы владения и распоряжения археологическими предметами.

Очень важно, что данным законом введен в юридический оборот ряд новых терминов и определений, позволяющих конкретизировать в Уголовном кодексе признаки составов соответствующих административных и уголовных деликтов: объект археологического наследия, археологические предметы, культурный слой и другие. Следует сказать, что анализируемый закон включен в систему российского законодательства в результате ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренная) (Валлетта, 16 января 1992 г.) ETS № 143, однако далеко не все положения этой конвенции были имплементированы в наше национальное законодательство. Отдельные же термины были заимствованы из других международных правовых актов, но, к сожалению, неадекватно. Например, в Европейской конвенции об охране археологического наследия (Лондон, 6 мая 1969 г.) понятие археологического объекта сформулировано следующим образом: «Археологическими объектами считаются все остатки и предметы или любые другие следы существования человека, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, основным или одним из основных источников информации о которых являются раскопки или открытия». В нашем же Федеральном законе «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» понятие археологического предмета сконструировано иначе: «Археологические предметы – движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок». Однако археологические предметы как следы существования человека – это далеко не только движимые вещи, которые можно обнаружить в культурном слое, поэтому определение Европейской конвенции 1969 г. является более удачным. Еще больше вопросов вызывает определение в Законе понятия «культурный слой», а следовательно, (судьба всех бланкетных норм!) и эффективность уголовного закона.

Как уже было отмечено выше, принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» является, несомненно, шагом в правильном направлении, однако не решает всех проблем уголовно-правовой охраны культурного достояния народов России. Поэтому полагаем до настоящего времени актуальной авторскую модель *de lege ferenda* гл. 25.1 Уголовного кодекса РФ, предложенную в 2006 г. [2]. Отрадно, конечно, что некоторые авторские предложения были реализованы законодателем спустя семь лет, но нельзя не сказать, что подобная идея не является исключительно оригинальной. Ряд государств, реформировавших, как и Россия, уголовное законодательство в 90-х гг. XX в., избрали такой путь. Так, в Уголовном кодексе Испании глава о преступлениях, касающихся исторического наследия, насчитывает четыре статьи (321-324).

Более детально регламентирована ответственность за преступления против управления культурными ценностями в Уголовном кодексе КНР. Для Китая, страны с

древней самобытной культурой, охрана уникальных исторических памятников является одной из актуальных задач государства, поэтому в Уголовном кодексе КНР выделен самостоятельный § 4 «Преступления против управления культурными ценностями» (ст. 324-329). Диспозиция ст. 324 УК КНР предполагает ответственность за умышленное разрушение охраняемых государством редких культурных ценностей или культурных ценностей, являющихся особо охраняемыми объектами культуры всекитайского или провинциального значения. Наказываются такие деяния лишением свободы до трех лет, а при отягчающих обстоятельствах – от трех до десяти лет [1, с. 365]. Для сравнения заметим, что в новой редакции ст. 243 УК РФ за умышленное уничтожение или повреждение памятников истории и культуры предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, а за те же деяния в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения – до 6 лет. Совершенно очевидно, что уголовное законодательство КНР более адекватно оценивает общественную опасность преступлений, предметом которых являются памятники истории и культуры.

Сходное положение наблюдается и в отношении ответственности за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую или культурную ценность, повлекшее их уничтожение, порчу или разрушение. Согласно ч. 2 ст. 164 УК РФ, данное деяние наказуемо лишением свободы на срок до 15 лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. Наказание, безусловно, не мягкое, но в КНР за кражу редких культурных ценностей при отягчающих обстоятельствах установлено наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни с конфискацией имущества (п. 2 ст. 264 УК КНР).

Разумеется, арифметическое сопоставление размеров санкций вне контекста всей уголовной политики наших государств не имеет особого смысла, но и реальная судебная практика КНР в сфере охраны культурных ценностей иллюстрирует жесткость уголовно-правового реагирования на преступления данной категории. Так, в январе 1999 г. был казнен Гао Юньпяо – руководитель преступной группы, совершившей кражу каменной статуи Будды периода династии Тан (618-907 гг. н.э.). В ходе похищения статуя разбилась на три части, что было квалифицировано судом как кража редких культурных ценностей при отягчающих обстоятельствах. Соучастники Гао были приговорены к различным срокам лишения свободы [1, с. 174-175].

В 1998 г. четыре человека были приговорены к смертной казни и девять – к лишению свободы на большие сроки за кражу и сбыт древних фресок эпохи династии Тан из гробницы в провинции Шэньси.

Обращает внимание и наличие в уголовном законодательстве КНР нормы об ответственности за тайные раскопки памятников древней культуры, древних погребений, имеющих историческую, художественную и научную ценность. В УК КНР 1979 г. такой нормы не было вообще, но в середине 80-х гг. XX в. уголовная политика государства в этой части претерпела существенные изменения, результатом которых явились Установления о наказании за тайные раскопки памятников древней культуры и древних погребений, принятые в 1991 г. и составившие впоследствии основное содержание ст. 328 УК КНР. Данная норма имеет довольно сложную структуру, объединяя в одной статье основной, привилегированный и квалифицированный составы. Соответственно наказание за данное преступление, совершенное при смягчающих обстоятельствах, предполагает арест, надзор либо лишение свободы до трех лет, за неквалифицированное деяние – лишение свободы от трех до десяти лет, а в случае совершения этого же преступления при наличии любого из четырех отягчающих обстоятельств, санкция статьи предусматривает наказание в виде лишения свободы либо смертной казни.

По мнению экспертов, именно жесткость санкций за преступления против культурных ценностей вкупе с последовательным проведением в жизнь принципа неотвратимости ответственности за данные преступления позволили на практике существенно

сократить всего за несколько лет преступность, в том числе организованную, против культурного достояния народов КНР [1, с. 177]. Думается, опыт Китая в этой части вполне может быть востребован Российской Федерацией. Возможность оптимизации уголовно-правовой охраны культурных ценностей в России может быть проиллюстрирована следующей таблицей.

УК РФ	Санкция в виде л/св.	УК КНР	Санкция в виде л/св. и строже л/св.	Примечание
<u>Ст.164.</u> Хищение предметов, имеющих особую ценность	Ч.1 – до 10 лет Ч. 2 – до 15 лет	<u>Ст. 264.</u> Кража редких культурных ценностей при отягчающих обстоятельствах	Пожизненное лишение свободы либо смертная казнь	
<u>Ст.226.1.</u> Контрабанда... в отношении культурных ценностей	Ч.1 – от 3 до 7 лет Ч. 2 – от 5 до 10 лет Ч.3 – от 7 до 12 лет	<u>Ст.151.</u> Контрабанда культурных ценностей; при отягчающих обстоятельствах	5 лет Пожизненное лишение свободы или смертная казнь	
<u>Ст.190.</u> Невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РФ и зарубежных стран	До 8 лет	<u>Ст. 325.</u> Сбыт или дарение иностранцу редких культурных ценностей, запрещенных к экспорту	До 5 лет	
<u>Ст. 243.</u> Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)	Ч. 1 – до 3 лет Ч. 2 – до 6 лет	<u>Ст. 324.</u> Умышленное разрушение охраняемых государством культурных ценностей	От 3 до 10 лет	
<u>Ст. 243.1.</u> Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры)	До 2 лет	Неосторожное разрушение охраняемых государством культурных ценностей	До 3 лет	
Нормы нет		<u>Ст. 326.</u> Перепродажа запрещенных государством к продаже культурных ценностей	При отягчающих обстоятельствах до 5 лет; при особо отягчающих – от 5 до 10 лет	Внести соответствующий квалифицирующий признак в ст. 174, 174 ¹ УК РФ
Специальной нормы нет		<u>Ст. 327.</u> Сбыт или самовольная передача негосударственным организациям или частным лицам охраняемых государством культурных ценностей	Для специальных субъектов – до 3 лет	Ответственность должна наступать по ст. 201 или 285 УК РФ

Ст. 243.2. Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест захоронения	Ч. 1 – до 2 лет Ч. 2 – до 4 лет Ч. 3 – до 6 лет	Ст. 328. Тайные раскопки памятников древней культуры... при особо отягчающих обстоятельствах	От 3 до 10 лет Пожизненное лишение свободы или смертная казнь	
---	---	---	--	--

Литература

1. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. М., 2000.
2. Кулыгин В. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М., 2006. С. 187-189.
3. Мишина Е. «Черным» археологам грозят реальные сроки // Российская газета. 2013. 25 июля.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»
5. Ямщиков С.В. Россия и бесы. Когда не стало Родины моей. М., 2011.

УДК 343.2/7

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ СИНЕРГЕТИКИ В УГОЛОВНОЕ ПРАВО (статья первая)

Максим Анатольевич Тулиглович, заместитель начальника
Дальневосточного юридического института МВД России (по научной работе)
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tu-m-an@yandex.ru

Настоящая статья открывает цикл статей, посвященных имплементации методологии синергетики в уголовное право. В ней проводится анализ применения синергетического подхода в уголовном праве. Предпринята попытка показать, что нового может привнести синергетическая методология в уголовно-правовое исследование, каковы возможности и пределы ее применимости при анализе системы уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: синергетика; синергетическая методология; уголовное право; имплементация.

IMPLEMENTATION OF METHODOLOGY OF SYNERGETICS IN CRIMINAL LAW (the first article)

Maksim Anatolievich Tuliglovich, deputy head, scientific
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article opens the cycle of articles devoted to implementation of methodology of synergetics in criminal law. In analyzes of application of synergetic approach in criminal law. Attempts to show that the new may bring synergetic methodology in criminal investigation, what are the possibilities and limits of its applicability in the analysis of the system of criminal-legal regulation.

Keywords: synergy; synergetic methodology; criminal law; implementation.

Современное состояние науки уголовного права характеризуется все усиливающимся интересом к исследованию теоретических и практических аспектов уголовно-правового регулирования, поиску путей и закономерностей его гармонизации, анализу содержания, структуры и достигаемых результатов. Вместе с тем познание глубинных процессов воздействия на преступность уголовно-правовыми средствами невозможно при поверхностном анализе отдельных элементов уголовно-правового регулирования. Уяснение сущности регулирования в сфере уголовно-правовых отношений предполагает прежде всего понимание того, что положено в его основу, какие закономерности определяют его существование, какие внешние изменения в социальной, политической, экономической сферах жизнедеятельности общества способны привести к его внутренним преобразованиям, осознание уголовно-правового регулирования как сложного системного явления, структурные составляющие которого не только взаимосвязаны, но и взаимообусловлены, а также осмысление достигаемых им результатов.

Последовательное решение обозначенных вопросов, их детальная проработка становятся возможными только после выбора соответствующей методологической основы, включающей в себя набор определенных «способов и форм научного познания» [16, с. 50]. Важность поиска адекватной методологии обуславливается «все возрастающими требованиями к точности, строгости, логической последовательности научного мышления, без которого невозможно не только овладеть той огромной массой знаний, которые уже накоплены человечеством, но и осуществлять дальнейшее, более всестороннее и углубленное проникновение в тайны исследуемых объектов, явлений и процессов» [12, с. 5].

В настоящее время методология уголовно-правовой науки стремительно развивается, при этом «в ней самым причудливым образом переплетаются принципы, правила и приемы прошлой, настоящей и будущей научной деятельности» [23]. Подтверждением тому являются попытки уяснить и правильно оценить ее состояние и перспективы развития [9, с. 11; 21, с. 23; 8, с. 69-75; 17, с. 95-97; 15].

Актуальность решения методологических вопросов приобретает особое значение в условиях социальных преобразований, изменения идеологических основ уголовного права, когда следует «по-новому оценивать и даже переоценивать многие традиционные методологические постулаты» [21, с. 23]. Поиск путей повышения эффективности системы уголовно-правового регулирования приводит нас к мысли о том, что описать природу правового регулирования общественных отношений, возникающих вследствие совершения преступления, как сложного и комплексного явления не по силам методологии одной лишь правовой науки.

Сложность происходящих в обществе социальных процессов не позволяет в рамках действующих методологических подходов в полной мере моделировать возможные пути их влияния на право, поскольку используемая сегодня методологическая основа не учитывает или, по крайней мере, недооценивает элементы причинности, случайности и значимость хаотического начала в становлении правового порядка. Интегративные тенденции наук криминального цикла (уголовного права, криминологии) активизируются также появлением новых глобальных проблем и угроз, оказывающих значительное влияние на преступность в целом, «на этой почве стала постепенно формироваться новая область исследований, объединенная общей задачей системного изучения окружающей действительности и самоорганизации сложных систем, дающая общие ориентиры для научного поиска, прогнозирования и моделирования процессов, в том числе в сложных социальных системах» [11, с. 33-39].

Процессы самоорганизации, происходящие в сложных открытых нелинейных системах, присущи не только химическим, физическим, биологическим, но и социальным структурам. Вопросы самоорганизации стали активно исследоваться, начиная с 70-х гг. XX столетия, в рамках междисциплинарной методологии, зародившейся в недрах нового научного направления, именуемого синергетикой, и выступающей связующим зве-

ном между дисциплинами естественного и гуманитарного циклов. Синергетика сегодня представляется интенсивно развивающимся научным направлением и рассматривается в качестве теоретической платформы, в рамках которой формируются теории сложности, катастроф, диссипативной структуры, хаоса, фракталов и самоорганизующейся критичности и др.

Сама синергетика (или наука о сложном), во-первых, анализирует целый комплекс ситуаций, связанных с процессами самоорганизации, в том числе обстоятельства, при которых в результате самоорганизации происходит возникновение новой, ранее не существовавшей организованной структуры [22, с. 23-24, 29]. Во-вторых, создает математический аппарат, разрабатывает систему принципов и методологических установок, направленных на управление процессами самоорганизации безотносительно к природе исследуемых систем (подсистем), позволяя с их помощью прогнозировать возможные альтернативные варианты ее дальнейшего развития. В-третьих, исследует логику наиболее характерных переходов от хаоса к порядку и наоборот в системах любой природы (молекулы, клетки, вещества, животные, люди и т.д.) [14, с. 196].

Синергетика, по представлению Г. Хакена, который и ввел в научный оборот данный термин, – это научное направление, где ключевую роль в рамках единой системы играет постоянное взаимодействие множества элементов [25, с. 141]. Именно согласованное взаимодействие элементов системы в периоды, когда она находится в неравновесном или неустойчивом состоянии, приводит в будущем к формированию новой упорядоченной структуры. Описание такого кооперативного (согласованного) действия элементов при образовании новых структур с помощью нелинейных уравнений и составляет основное ядро синергетической методологии.

Сегодня синергетическая методология все больше проникает в недра исследовательской составляющей социально-гуманитарных дисциплин [4; 26; 10; 20; 7, с. 55-69]. Вместе с тем данный процесс не следует отождествлять только с переносом категориального аппарата синергетики в гуманитарное знание. Простой механический перенос терминологии из одной сферы научного знания в другую или исключительно метафорическое использование синергетической терминологии приводит, по справедливому замечанию В.Г. Буданова, «к "зашумлению" пространства междисциплинарных коммуникаций псевдосинергетическими ассоциациями и метафорами» [5, с. 50]. Другими словами, «если назвать альтернативную ситуацию – бифуркацией, нестабильность общества – увеличением энтропии, стихийность во взаимодействии социальных групп – хаосом, прогресс – неэнтропией, выход из кризиса – самоорганизацией системы, мы не станем вследствие этого лучше понимать и объяснять историческое прошлое» [3, с. 15].

Значительные исследовательские результаты применения междисциплинарной методологии достигаются там, где синергетические концепции и категории находят конструктивное приложение путем применения универсальных математических моделей, получивших свое развитие в рамках теорий нелинейных динамических систем, динамического хаоса, диссипативных структур. Показательны в связи с этим исследования истории культуры, проведенные Ю.М. Лотманом с использованием синергетической методологии [1]; исследование исторических процессов начала XX в. [19, с. 207-222]; синергетические приложения в психологии и политологии [20; 7, с. 55-69] и др. Вместе с тем следует отметить, что и полемика о возможности «строгого» применения концепций синергетики в исследованиях социальных и правовых процессов сегодня выражена достаточно ярко [18; 6]. Однако попыток обосновать использование синергетической методологии в рамках междисциплинарных исследований меньше не становится. Чем же так притягивает синергетика ученых разных школ и направлений? «Главной отличительной чертой синергетики, – пишет Е. Князева, – является претворение в жизнь нового типа научного познания – познания через сопоставление с дисциплинарно иным. В этой связи синергетика не только расширяет дисциплинарные, отраслевые области знания, но и делает другой шаг – приходит к взаимообогащающему синтезу разных

наук» [13, с. 12]. Это происходит прежде всего за счет имплементации методологии синергетики в исследовательские программы других научных дисциплин. Имплементация (от англ. to implement – претворять в жизнь) рассматривается нами как процесс реализации в определенной исследовательской программе соответствующих методологических подходов.

Внедряя в исследовательскую программу новую методологию, тем более когда речь идет об имплементации методов, созданных изначально для изучения исключительно физических и химических (естественных), а не социальных процессов, необходимо прежде всего решить вопрос о целесообразности и перспективности использования положений синергетики при исследовании системы уголовно-правового регулирования. Предпосылками для решения данного вопроса могут служить следующие положения*.

Во-первых, методология синергетики может позволить по-новому взглянуть на сущность уголовно-правового регулирования, создать концептуальную теоретическую модель оптимального его развития. Система уголовно-правового регулирования всегда выступала в роли соответствующего индикатора, чутко улавливающего малейшие социальные, политические и экономические флуктуации, происходящие в системе государственного жизнеустройства. Темпы ее изменения и развития находятся в прямой корреляционной зависимости от процессов, непосредственно происходящих в обществе. В большинстве случаев эти изменения носят непредсказуемый характер, приводят к неожиданным результатам.

Динамика системы уголовно-правового регулирования содержит все большую долю неопределенности, включает периоды хаотического нормотворчества и правоприменения, показывает характерные варианты фрактальных свойств (например, рост преступности). В связи с этим в рамках синергетического подхода, убеждены М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, в частности, «может быть исследовано состояние неопределенности правового регулирования, вызванное многочисленными новациями, не совпадающими с устоями отрасли, при котором любое воздействие на отрасль, в том числе внешнее и чисто политическое, может привести к ее переформатированию на основе новых правил, объявленных устоями» [2, с. 18].

Во-вторых, множество элементов в системе уголовно-правового регулирования характеризуется динамическими нелинейными соотношениями. Взаимодействие этих элементов является очень сложным по своей структуре, что в конечном счете указывает на имеющийся потенциал к динамичному развитию в сложных формах, включая хаотические режимы и самоорганизацию.

Процессы самоорганизации присущи всем стадиям системы уголовно-правового регулирования, причем на некоторых из них детерминанты возникновения и характер воздействия микро- и макрофлуктуаций на систему в целом отличны. Так, при отсутствии четких, логически непротиворечивых указаний со стороны основного регулятора (в лице законодателя) начинают проявляться ярко выраженные попытки различных субъектов уголовно-правовых отношений самостоятельно урегулировать в рамках имеющихся полномочий наиболее слабые, проблемные вопросы реализации правовых предписаний. Возникновение процессов самоорганизации в системе уголовно-правового регулирования – естественный путь стабилизации энтропии, упорядочивания существующих отношений через выработку единообразной практики применения и толкования соответствующих законоположений, а в определенных случаях – ее конкретизации в решениях вышестоящих судебных органов. Их исследование и описание позволит определить пути развития основных уголовно-правовых институтов [24, с. 374-379].

* Логика представленных аргументов дополняет тезисы о перспективности использования теории хаоса в исследовании социальных процессов [27].

В-третьих, неудовлетворительные результаты отдельных криминологических исследований, основанные на стандартных статистических методах (как правило, линейных), объясняются тем, что измерения были проведены неточно, «грубо», случайные факторы («шум») превысили допустимый уровень. Можно затратить много усилий на решение указанных проблем, однако это вовсе не гарантирует получение приемлемого результата. Вместо этого следовало бы, возможно, использовать другой подход, введя в анализ нелинейные обратные связи, применив методы, развивающиеся в рамках синергетики.

В свете изложенного обращение к методологическому инструментарию иных гуманитарных наук видится вполне перспективным направлением. Вместе с тем следует отметить, что исследование проблемных аспектов уголовного права через призму синергетического методологического подхода несколько не означает отказ от использования иных методов научного познания. Так, повышению качества получаемых результатов может способствовать интеграция принципов диалектической логики, таких как всесторонность, полнота познания и объективность.

При разработке проблем уголовной политики, нормотворчества, уголовно-правовых отношений и реализации норм уголовного права постулаты материалистической диалектики о всеобщей закономерной связи явлений окружающей действительности, единстве и борьбе противоположностей можно конкретизировать пониманием развития как череды событий, явившихся результатом случайно возникающей самоорганизации открытой системы, приводящей в определенный период к установлению порядка или хаоса. Кроме того, не следует забывать, что «методология – это не только система методов, но и учение о них, не только определенная мировоззренческая позиция исследования, но и всеобщие теоретические принципы, не только общенаучные, но и частнонаучные методы познания» [12, с. 47-48]. Поэтому анализировать систему уголовно-правового регулирования следует с использованием как общенаучных методов (историко-правового, системного и функционального подходов, системно-структурного, сравнительно-правового, факторного, структурного синтеза, логико-структурного, логико-семантического, функционального), так и частнонаучных, в частности, криминологического [8, с. 69-72], уголовно-статистического и др.

Считаем, что только при совместном использовании все рассмотренные компоненты исследовательской методологии, связанные между собой, способны дополнить и обогатить полученное знание. Именно такой методологический подход может выступить эффективным руководством в научном познании прошлых, настоящих и будущих процессов, происходящих в системе уголовно-правового регулирования.

Литература

1. Андреев А.Ю. «Клио на распутье»: развитие новых методологических подходов к изучению исторических процессов в трудах Ю.М. Лотмана // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1997. № 20.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Традиции и новации в уголовном праве: единство и борьба противоположностей // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сб. мат-лов науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Бриллиантова и Ю.Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2015.
3. Бочаров А.В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002.
4. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М., 2009.
5. Буданов В.Г. Синергетика: мировоззрение, методология, наука // Экономические стратегии. 2010. № 5.
6. Бутов В.Н. О некоторых проблемах синергетического анализа // Вестник Запорожского национального университета. 2008. № 2.

7. Венгеров А. Синергетика и политика // *Общественные науки и современность*. 1993. № 4.
8. Голик Ю.В. Метод уголовного права // *Журнал российского права*. 2000. № 1.
9. Горбуза А.Д., Козаченко И.Я., Сухарев Е.А. Понятие методологии уголовно-правовой науки // *Уголовно-правовые меры борьбы с преступностью в условиях перестройки*. Свердловск, 1990.
10. Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
11. Добрынин Н.М. Синергетика и федерализм: оценка состояния, соотношение, новая методология // *Государство и право*. 2007. № 7.
12. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2001.
13. Князева Е., Туробов А. Единая наука о единой природе // *Новый мир*. 2000. № 3.
14. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб., 2002.
15. Кошелева А.Ю. Основы детерминистической методологии в уголовном праве. URL: <https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view>
16. Кузьмин В. П. Принцип системности в методологии диалектического и исторического материализма // *Вопросы философии*. 1980. № 2.
17. Лапунина Н.Н., Киселева Д.А. Методология уголовного права // *Бизнес в законе*. 2009. № 1.
18. Мальцева Н.Н. Становление и методологические проблемы синергетического подхода // *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право*. 2009. № 7.
19. Методы синергетики в изучении динамики курсов акций на петербургской бирже в 1990-х гг. / А.Ю. Андреев [и др.] // *Круг идей: историческая информатика в информационном обществе*. М., 2001.
20. Митина О.В., Петренко В.П. Синергетика и психология. Вып.1. Методологические вопросы; Вып. 2. Социальные процессы. М., 1999.
21. Наумов А.В. Обновление методологии науки уголовного права // *Сов. государство и право*. 1991. № 12.
22. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного: введение. М., 1990.
23. Решетов Ю.С. Методологические проблемы отечественного права. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-204153.html>.
24. Тулиглович М.А. Процессы самоорганизации в применении института множественности преступлений: законодательные и судебные компромиссы // *Библиотека криминалиста*. 2015. № 5 (22).
25. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.-Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2003.
26. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
27. Mathews K.M., White M.C., Long R.G. Why study the complexity sciences in the social sciences // *Human relations*. 1999. 52 (4).

УДК 343.2/.7

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ И ПЕНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Иван Михайлович Антонов, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: antonov-im@yandex.ru

В настоящей статье исследуются определения понятий основных элементов уголовно-правовой политики – криминализации, пенализации, депенализации. Анализируются высказанные в доктрине отечественного уголовного права подходы и точки зрения относительно указанных понятий. Автор доказывает, что пенализация общественно опасных деяний не охватывается процессом криминализации, а обладает собственной сферой применения. В статье формулируется авторское понятие «изменение интенсивности пенализации».

Ключевые слова: уголовно-правовая политика; криминализация; декриминализация; пенализация; депенализация; изменение интенсивности пенализации; наказание.

THE CRIMINALIZATION AND PENALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS: CORRELATION OF CONCEPTS

Ivan Mikhailovich Antonov, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article explores the definitions of the basic elements of the criminal law policy – criminalization, penalization, depenalization. Analyzes expressed in the doctrine of national criminal law approaches and points of view on these concepts. The author argues that the penalization of socially dangerous acts not covered by the process of criminalization, and has its own sphere of application. In the article the author formulated the concept of «change in the intensity of penalization».

Keywords: criminal policy; criminalization; decriminalization; penalization; decriminalization; changes in the intensity of penalization; punishment.

Уголовно-правовая политика вырабатывает основные задачи, принципы, направления и цели уголовно-правового воздействия на преступность, а также средства их достижения и выражается в директивных документах, нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения [19, с. 59]. Учитывая тесную связь уголовно-правовой политики и уголовного законодательства, содержание которого составляют четыре основных института: «уголовный закон», «преступление», «наказание», «освобождение от уголовной ответственности и наказания», следует признать, что основой такой политики должна являться теория криминализации и пенализации общественно опасных деяний.

Научная разработка проблем криминализации (декриминализации) и пенализации (депенализации) имеет своей целью формулирование рациональных основ законодательства в сфере уголовного права и предполагает необходимость уяснения сущности этих понятий. В современной теории российского уголовного права термины «криминализация» и «пенализация» не имеют однозначного толкования.

Некоторые ученые-криминалисты полагают, что криминализация и пенализация, так же, как и противоположные им процессы – декриминализация и депенализация, охватываются более общим понятием – «криминализация в широком смысле» [16, с. 18].

Так, Р.Р. Галиакбаров понимает под криминализацией конструирование новых, ранее не существовавших составов преступлений, повышение верхних пределов санкций в рамках имеющихся составов, отдельные ограничения в применении институтов освобождения от наказания, конструирование норм общего характера, вызывающих более широкий спектр нежелательных для субъекта правовых последствий [2, с. 40-41].

Приведенное определение, на наш взгляд, значительно расширяет понятие криминализации за счет необоснованного включения в него элементов пенализации. Терминология в данном случае имеет принципиальное значение. В юридической литературе имеются и более традиционные определения рассматриваемого понятия. Например, криминализация есть процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых [17, с. 100]. Различное толкование одного и того же термина приводит к спорам в теории и ничего не дает практике, поэтому вряд ли оправдано введение в научный оборот понятия «криминализация в широком смысле».

Сторонники широкого понимания криминализации считают, что «элементом криминализации является пенализация, представляющая собой установление уголовного наказания за деяния, признанные преступными. Поскольку это признание уже предопределяет необходимость установления уголовно-правовой санкции, проблема пенализации, по существу, сводится к определению ее вида, размера, а также условий назначения, исполнения и освобождения от наказания лиц, виновных в совершении преступлений» [16, с. 17].

Безусловно, криминализация общественно опасного деяния означает вместе с тем и придание ему уголовной наказуемости. Однако очевидно и то, что наказуемость деяний, признанных преступлениями, может носить различный характер. При установлении границ и характера наказуемости законодатель исходит из «средних» показателей вредности деяний. В соответствии с ними устанавливаются такие виды наказаний, которые зависят от тяжести преступлений и рассчитаны на то, чтобы нейтрализовать или разрушить механизм преступного поведения [6, с. 49-55]. С указанных позиций «пенализация не есть лишь составная часть криминализации и не поглощается полностью последней» [8, с. 137].

Кроме того, если рассматривать пенализацию в динамике, можно заключить, что этот процесс не завершается в момент установления в уголовном законе санкции за совершение криминализованного деяния. Нередки случаи, когда законодатель ужесточает или смягчает санкции за отдельные преступления, сохраняя диспозиции без изменений.

Обратившись к истории развития уголовного законодательства, нетрудно убедиться в том, что уголовно-правовые санкции, равно как и система наказаний в целом, постоянно меняются. Изменения уголовного законодательства, в том числе изменения уголовно-правовых санкций и системы наказаний, вызываются в первую очередь тенденциями уголовно-правовой политики. Такая политика неизбежно отражает господствующую государственную идеологию, основополагающие принципы государственной деятельности, так как она тесно связана с государственной политикой в целом и ею обусловлена, является ее частью. Поэтому уголовно-правовая политика подчас резко меняется в ходе исторического развития. Кроме того, она зависит от многих других факторов: состояния и динамики преступности в данном обществе; общей оценки места уголовного законодательства в правовой системе; представлений об эффективности уголовной репрессии в преодолении преступности; степени развития профилактических мер в стране; прогноза развития социальной и политической ситуации и т.д. [10, с. 19].

Сказанное дает основание считать, что изменение тенденций уголовно-правовой политики всегда будет приводить к корректировке уголовного законодательства в целом и уголовно-правовых санкций, в частности. Следовательно, процесс пенализации

общественно опасных деяний является постоянным, в отличие от процесса криминализации, который заканчивается на стадии формулирования новой уголовно-правовой нормы. Значит, пенализация обладает самостоятельной сферой, а процесс изменения (ужесточения или смягчения) санкций за уже криминализованные деяния правильнее именовать изменением интенсивности пенализации. Н.А. Лопашенко совершенно правильно отмечает, что пенализация может заключаться в ужесточении (смягчении) или расширении (сужении) условий применения видов и размеров уголовного наказания вообще и за конкретные преступления в частности [13, с. 145-146].

В доктрине отечественного уголовного права высказано и несколько иное мнение. Так, Т.И. Минаева считает, что изменение видов и размеров наказаний выражает «интенсивность криминализации». Она полагает, что интенсивность криминализации может усиливаться путем установления за данное преступление более тяжкого вида наказания; повышения максимального или минимального предела наказания; включения дополнительных наказаний в санкцию; расширения сферы применения наказаний (в зависимости от возраста уголовной ответственности, повторности совершения преступления и т.д.); ограничения оснований и условий освобождения от наказания. В свою очередь, снижение интенсивности криминализации, по ее мнению, возможно путем установления за данное преступление менее тяжкого вида наказания; снижения максимального или минимального предела наказания и т.д. Кроме того, уровень интенсивности криминализации меняется в зависимости от широты применения институтов освобождения от наказания, от оснований и условий их применения, предусмотренных законодателем [15, с. 155-164].

Изложенная позиция, на наш взгляд, в основном правильна, но вывод следует сделать другой. В указанных случаях речь идет исключительно о наказуемости общественно опасных деяний, поэтому логично именовать данные процессы изменением интенсивности именно пенализации, а не криминализации.

Способы изменения интенсивности пенализации могут быть различными. Изменение интенсивности пенализации зависит не только от смягчения или ужесточения санкций статей Особенной части уголовного законодательства. На нее оказывает влияние и корректировка отдельных положений норм Общей части. Например, норм о назначении наказания, об освобождении от уголовной ответственности и от наказания, об уголовной ответственности несовершеннолетних и некоторых других.

Рассматривая вопросы криминализации и пенализации деяний, следует обратить внимание на еще один важный момент. Отнесение какого-либо деяния к числу преступлений может быть осуществлено только законодателем, поэтому представляется верным утверждение П.С. Дагеля о том, что «криминализация (как и декриминализация) деяний – исключительная прерогатива законодателя» [5, с. 57].

Правда, в уголовно-правовой литературе можно встретить и иные подходы к данному вопросу. Так, по мнению И.Э. Звечаровского, «... в УК РФ введена норма, позволяющая правоприменителю самостоятельно решать вопрос о фактической криминализации (декриминализации) содеянного в зависимости от состояния психического развития личности (ч. 3 ст. 20). В данном случае речь идет о криминализации (декриминализации) не на законодательном, а на правоприменительном уровне, поскольку формально уголовно-противоправное деяние перестает быть таковым в результате усмотрения органа, применяющего уголовный закон» [22, с. 58-59].

С такой позицией сложно согласиться. Действительно, руководствуясь положениями ч. 3 ст. 20 УК РФ, правоприменитель решает, способно или неспособно лицо нести уголовную ответственность за совершенное деяние. Но можно ли утверждать, что правоприменитель решает этот вопрос самостоятельно? Ведь в данной норме содержится прямое указание законодателя на то, в каких случаях несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности. Кроме того, об отсутствии признаков субъекта, а значит и состава преступления, можно говорить лишь применительно к конкретному случаю.

Само же деяние остается криминализированным, то есть запрещенным уголовным законом до тех пор, пока законодатель не исключит его из УК РФ.

Сфера применения пенализации, в отличие от криминализации, не исчерпывается законодательством. Наиболее широкой областью применения понятия пенализации является судебная практика. Причем фактическая наказуемость (иначе практическая пенализация) нередко расходится с законодательной.

Следует отметить чрезвычайно важную роль практической пенализации. Во-первых, она является наиболее гибким инструментом уголовно-правовой политики, позволяющим осуществлять и корректировать карательную практику по определенным категориям преступлений в зависимости от изменений социальной действительности, динамики преступности, оперативной обстановки и других причин. Во-вторых, фактическая наказуемость – это индикатор обоснованности и целесообразности придания преступлению определенного вида и размера наказания. В-третьих, практическая пенализация – один из самых мощных рычагов воздействия на общественное правосознание, поскольку реально население ощущает пенализацию по тем конкретным приговорам, которые выносятся судами по конкретным уголовным делам [8, с. 138-139].

Понятие депенализации, так же, как и пенализации, не имеет единого определения в современной теории российского уголовного права. Существует множество различных точек зрения по этому поводу.

Например, высказано мнение (А.В. Загорный, В.П. Ревин), что депенализация противоположна пенализации и заключается в снижении или отмене наказания за деяние, признававшееся преступным. Такая трактовка депенализации, на наш взгляд, не отражает сущности данного элемента уголовно-правовой политики и является не совсем верной. Во-первых, «снижение наказания» означает изменение интенсивности пенализации и, следовательно, относится, скорее, к сфере пенализации, чем к депенализации. Во-вторых, непонятно, что понимается под «деянием, признававшимся преступным». Если речь идет о деянии, исключенном из Уголовного кодекса, то это означает его декриминализацию, а не депенализацию.

Иначе определял депенализацию И.М. Гальперин, считавший, что ее «следует понимать лишь как предусмотренную законом возможность освобождения от наказания при установлении компетентным государственным органом соответствующих обстоятельств, характеризующих деяние и личностные особенности субъекта, совершившего преступление». По его мнению, депенализация «развивается, когда, с одной стороны, еще не созрели социальные условия для декриминализации, а с другой стороны – налицо эти условия для сравнительно широкого освобождения от наказания за преступления определенной степени общественной опасности» [3, с. 167, 172]. Такое определение понятия пенализации представляется более правильным, но и с ним нельзя согласиться полностью. Область применения депенализации намного шире. Она охватывает не только освобождение от наказания, но включает в себя также и освобождение от уголовной ответственности.

А.И. Коробеев пишет, что «депенализация есть неприменение наказания за совершение уже криминализированных деяний, а также установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности или наказания» [8, с. 139]. Данное определение депенализации было подвергнуто справедливой, на наш взгляд, критике. По мнению Ю.В. Голика, В.И. Горобцова, С.А. Елисеева, неясно, охватывает ли оно латентные преступления; как вообще следует понимать в данном случае термин «неприменение», который может включать в себя и судебные ошибки, и судебный произвол [4, с. 109].

Более удачно другое предложенное А.И. Коробеевым понимание депенализации, которая «есть не что иное, как освобождение от уголовной ответственности и (или) от наказания. Видами депенализации являются различные формы: а) освобождения от

уголовной ответственности, б) освобождения от наказания, в) освобождения от отбывания наказания» [8, с. 141].

Аналогично рассматривал депенализацию и П.С. Дагель, считавший, что «под депенализацией преступлений следует понимать установление в законе и применение на практике различных видов освобождения от уголовной ответственности или освобождения от наказания лиц, совершивших преступления». Он особо подчеркивал, что «если декриминализация означает исключение деяний из числа преступлений, то депенализация – это устранение при определенных условиях наказуемости деяний, которые продолжают признаваться преступлениями» [5, с. 63-64]. При этом, по мнению П.С. Дагеля, следует различать депенализацию в законе, когда законодатель допускает возможность отказа от наказания, и депенализацию на практике, когда правоприменительные органы не применяют предусмотренные законом санкции [6, с. 49-55]. Такое понимание декриминализации и депенализации представляется абсолютно правильным.

Приведенные выше определения понятий пенализации и депенализации не исчерпывают всех точек зрения относительно понимания сущности рассматриваемых элементов уголовно-правовой политики. В некоторых источниках приводятся определения *пенализации и депенализации наказаний*. При этом под *пенализацией наказаний* понимается установление более строгих наказаний либо усиление суровости наказаний за отдельные преступления, а также отмена менее строгих видов наказаний. Депенализация же определяется как исключение отдельных видов наказаний из системы наказаний или смягчение строгости наказаний за отдельные виды преступлений, введение новых более мягких мер наказания, а также ограничение применения строгих видов наказания к отдельным категориям лиц [24, с. 30; 23, с. 14-15; 1, с. 96].

Думается, что такой подход неудачен. Во-первых, учитывая, что в ходе пенализации определенным характером наказуемости наделяются только криминализированным общественно опасным деяниям, правильнее говорить о *пенализации общественно опасных деяний* или *преступлений*, а не наказаний. Во-вторых, приведенное определение понятия пенализации не затрагивает такой важной ее сферы, как назначение уголовного наказания в судебной практике. В-третьих, такие процессы, как установление более строгих наказаний, усиление суровости наказаний, отмена менее строгих видов наказаний, а также исключение отдельных видов из системы наказаний, смягчение строгости наказаний, введение более мягких мер наказания, ограничение применения строгих видов наказания, безусловно, относятся не к депенализации, а к пенализации (точнее, к процессу изменения интенсивности пенализации).

О.В. Старковым высказана точка зрения, согласно которой пенализация – это «введение нового вида наказания уголовным законом или увеличение пределов и размеров действующего, или дополнение действующего другим видом», а депенализация – «исключение какого-либо вида уголовного наказания из перечня наказаний в УК РФ или снижение пределов действующего наказания» [21, с. 397, 429; 20, с. 421, 449].

Указанные определения обладают теми же недостатками, что и предыдущие. Они характеризуют процесс изменения интенсивности пенализации, не затрагивая практики назначения наказания и не раскрывая сущности понятия.

А.Л. Репецкая понимает пенализацию как определение мер уголовно-правового воздействия, применяемых к лицам, совершающим преступные деяния [18, с. 9]. По мнению Н.А. Лопашенко и Г.Ю. Лесникова, пенализация состоит в установлении принципов и критериев применения наиболее строгого государственного принуждения за деяния, признаваемые преступными: в формулировании целей уголовного наказания, в определении его видов и размеров, в предложении иных мер уголовно-правового характера, необходимых и достаточных для воздействия на лиц, совершивших общественно опасные деяния [25, с. 67]. Аналогичную позицию занимает М.А. Кауфман [26, с. 15].

Такие определения пенализации представляются излишне широкими, поскольку понятие мер уголовно-правового воздействия шире понятия уголовного наказания. На наш взгляд, принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера не имеют отношения к наказуемости преступных деяний и, следовательно, не относятся к сфере пенализации.

Т.А. Лесниевски-Костарева считает, что пенализация «представляет собой процесс определения конкретной меры ответственности за совершение конкретного преступления, а депенализация – это процесс освобождения конкретного лица от уголовной ответственности за совершение конкретного преступления» [11, с. 15].

Соглашаясь с Т.А. Лесниевски-Костаревой в целом, следует все же отметить, что предложенное ею определение охватывает только сферу практической пенализации, не уделяя должного внимания процессу определения характера наказуемости деяний законодателем, а также сужает область депенализации, не включая в ее содержание институт освобождения от наказания.

Более правильную, на наш взгляд, позицию занимал П.С. Дагель, который понимал пенализацию как «определение характера наказуемости общественно опасных деяний» [5, с. 60]. Еще более точно и полно раскрыл содержание понятия пенализации А.И. Коробеев, по мнению которого, «это процесс определения характера наказуемости деяний, а также их фактическая наказуемость, т.е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике» [8, с. 137]. Из этого определения видно, что пенализация включает в себя два взаимосвязанных процесса, каждый из которых, тем не менее, имеет самостоятельное значение.

От того, какой характер наказуемости придаст общественно опасному деянию законодатель, во многом зависит эффективность применения уголовно-правовой нормы. В то же время, в случае необоснованного придания определенному преступлению какого-либо вида или размера наказания, судебная практика может, в какой-то степени, нивелировать ошибки законотворческого процесса. Кроме того, усилия законодателя и вовсе могут быть сведены на нет неграмотными или ошибочными действиями правоприменителя.

Процесс определения характера наказуемости деяний законодателем и процесс назначения наказания в судебной практике можно рассматривать как этапы пенализации, следующие один за другим. В связи с этим С.И. Комарицкий правильно отмечает, что оценка преступного деяния происходит дважды. Сначала законодатель формулирует свое мнение о границах наказуемости деяния и закрепляет их в законе. Затем суд, решая вопрос о наказании лица, виновного в совершении преступления, назначает конкретную меру наказания в пределах, уже установленных законом [7, с. 99].

Аналогичное мнение высказывает и Т.А. Лесниевски-Костарева: «Вначале законодатель устанавливает уголовную ответственность и типовое наказание за тот или иной вид преступления, очерчивает общий контур наказуемости; затем он градуирует эту ответственность, предусматривая возможность как бы двигаться «по ступенькам», увеличивая или уменьшая ответственность, вплоть до полного от нее освобождения; наконец, правоприменитель избирает конкретную, индивидуальную меру ответственности в рамках, уже определенных законодателем на предыдущих этапах» [12, с. 35].

Можно заключить, что на первом (законотворческом) этапе пенализации законодатель устанавливает виды и размеры наказания за совершение определенных видов преступлений, руководствуясь при этом принципом дифференциации уголовной ответственности и наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния. В свою очередь, главным принципом второго (практического) этапа пенализации, т.е. процесса назначения уголовного наказания в судебной практике, является индивидуализация наказания в зависимости от особенностей конкретного преступного деяния и личности виновного.

Несмотря на различия между криминализацией и пенализацией общественно опасных деяний, важно подчеркнуть не относительную независимость этих категорий, а неразрывную связь криминализационных и пенализационных процессов. Такая связь очевидна, поскольку и криминализация, и пенализация деяний являются средствами решения охранительной задачи уголовного права, а характер наказуемости преступных деяний определяется в первую очередь характером и степенью их общественной опасности.

Решение проблем определения характера наказуемости общественно опасных деяний законодателем, а также их фактической наказуемости в ходе судебной практики возможно только в случае рассмотрения их в сочетании с особенностями конкретных составов преступлений. Поэтому следует согласиться с тем, что эти категории неразрывно связаны между собой и находятся в функциональной зависимости и взаимодействии, а объем, характер, способы и критерии криминализации влияют на пенализацию в такой же мере, в какой особенности пенализации оказывают обратное влияние на процесс установления уголовно-правового запрета [9, с. 7, 16].

Литература

1. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 1999.
2. Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980.
3. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983.
4. Голик Ю.В., Горобцов В.И., Елисеев С.А. Рецензия на кн.: Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987 // Правоведение. 1989. № 3.
5. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982.
6. Дагель П.С., Бушуева Т.А. Пенализация преступных посягательств на окружающую природную среду // Правоведение. 1981. № 6.
7. Комарицкий С.И. Социальная обусловленность санкций уголовно-правовых норм // Совершенствование уголовного законодательства и практики его применения. Красноярск, 1989.
8. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987.
9. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991.
10. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001.
11. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. М., 1998.
12. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
13. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009.
14. Лопашенко Н.А. Уголовно-правовая политика // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2003.
15. Минаева Т.И. Наказуемость деяний как показатель интенсивности криминализации (анализ изменений наказуемости убийства) // Проблемы правосудия и уголовного права. М., 1978.
16. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982.
17. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008.
18. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994.
19. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999.
20. Старков О.В. Криминопенология. М., 2004.
21. Старков О.В., Милюков С.Ф. Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ. СПб., 2001.
22. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2004.
23. Уголовное право Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. М., 1999.
24. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л.Д. Гаухмана и Л.М. Колодкина. М., 1997.
25. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права. СПб., 2005.
26. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. СПб., 2005.

УДК 343.85

УЧАСТКОВЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПОЛИЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Мария Сергеевна Семикина, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: semachka.07@mail.ru

Статья посвящена исследованию деятельности участковых уполномоченных полиции, реализуемой в процессе профилактики и предупреждения преступлений, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; несовершеннолетние; эксплуатация; меры профилактики и предупреждения.

THE DISTRICT COMMISSIONER OF POLICE AS THE SUBJECT OF THE PREVENTION OF CRIMES INVOLVING THE EXPLOITATION OF MINORS

Maria Sergeevna Semikina, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to research activity precinct police implemented in the process of prevention of crimes involving the exploitation of minors.

Keywords: the district Commissioner of police; minors; exploitation; prevention.

Проблема обеспечения безопасности несовершеннолетних, по существу, имеет межотраслевой характер, поскольку фактическое нарушение их прав и законных интересов позволяет усмотреть необходимость совершенствования нормативных положений, регламентирующих уголовную ответственность лиц, а также административную деятельность полиции в сфере профилактики и предупреждения преступлений в отношении детей. Определяющим аргументом выступает необходимость минимизации негативного влияния, которому подвержено подрастающее поколение. Многолетние негативные политические и социальные процессы породили крайне отрицательные явления, среди которых эксплуатация несовершеннолетних. Как справедливо отмечает К.А. Волков, более двадцати лет в нашей стране идет поиск оптимальной модели социальной и правовой защиты ребенка, которая позволила бы защитить его права и интересы от различных форм насилия и эксплуатации [1, с. 26].

При высокой степени общественной опасности преступлений, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних, очевидна необходимость совершенствования системы профилактики и предупреждения нарушения прав несовершеннолетних путем создания механизма, обеспечивающего снижение уровня преступных посягательств. Основное внимание предлагаем уделить деятельности участковых уполномоченных полиции, в чьи обязанности входит реализация профилактических мер, направленных на нейтрализацию и искоренение многочисленных криминогенных факторов, в том числе порождающих эксплуатацию несовершеннолетних.

Указанное подтверждается основополагающими законодательными актами. Так, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, главными направлениями государственной политики на долгосрочную перспективу определены усиление роли

государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью [9].

В связи с этим исключительные меры, направленные на защиту несовершеннолетних, обусловили необходимость формирования в Российской Федерации системы реагирования на нарушение прав каждого ребенка, без какой-либо дискриминации, включая диагностику ситуации, планирование и принятие необходимого комплекса мер по обеспечению соблюдения прав ребенка и восстановлению нарушенных его прав; правовое просвещение; предоставление реабилитационной помощи каждому ребенку, ставшему жертвой жестокого обращения или преступных посягательств [8].

Разумеется, функционирование оптимальной модели системы защиты детей обусловлено деятельностью правоохранительных органов. Социальные реалии, сложившиеся в России на данный момент, свидетельствуют о том, что важнейшим показателем деятельности полиции, как и других государственных органов по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, является надлежащее осуществление разносторонних полномочий и обязанностей, т.е. соблюдение установленных требований законности [4, с. 18].

Аналогичной позиции придерживается Л.В. Логинова, указавшая, что ведущая роль в профилактике преступлений против несовершеннолетних отводится правоохранительным органам. Повышение эффективности предполагает качественные изменения в системе форм и методов работы службы участковых уполномоченных полиции [6, с. 122].

Представленные позиции нашли свое отражение в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», где сокращение уровня криминализации подростковой среды, а равно обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, ставятся в прямую зависимость от обеспечения эффективной профилактической деятельности службы участковых уполномоченных полиции [7].

Очевидно, предупреждение преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, является важным направлением деятельности правоохранительных органов, в том числе участковых уполномоченных полиции [3, с. 86].

Действительно, о важности роли участковых уполномоченных полиции говорят достаточно давно. Именно они при несении службы выполняют задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, по противодействию преступности, по охране общественного порядка, собственности, по обеспечению общественной безопасности [5, с. 29].

Деятельность участковых уполномоченных полиции по предупреждению преступлений регламентируют несколько нормативных правовых актов.

Согласно приказу МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (ред. от 30.12.2011 № 1340) «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», участковые уполномоченные полиции, в части предупреждения преступлений в отношении несовершеннолетних, устанавливают организаторов либо содержателей притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, для занятия проституцией, а также лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, в занятие проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством, а также принимают меры превентивного характера в целях предупреждения тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

Детальная регламентация деятельности обозначенных субъектов предупреждения отражена в приказе МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации

деятельности участковых уполномоченных полиции», где среди основных направлений указаны: участие, в пределах компетенции, в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий, в том числе в систематическое употребление спиртных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, занятие проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством; выявление несовершеннолетних, проживающих в ненадлежащих условиях [2].

Проведенный анализ нормативных положений позволяет заключить, что деятельность участковых уполномоченных полиции достаточно ограничена в возможности предупреждения преступлений, сопряженных с нарушением прав несовершеннолетних. Отсутствие конкретных направлений деятельности в целом обеспечивается наличием достаточно обширных полномочий, что порождает низкую результативность деятельности в этом направлении и не позволяет в должной мере использовать весь спектр мер профилактики и предупреждения. Фактически, в законе закреплены обязанности, касающиеся предупреждения узконаправленных посягательств, а именно преступлений экстремистской и коррупционной направленности, что позволяет заявить о необходимости предусмотреть определенные полномочия данных субъектов в области предупреждения преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, обозначив тем самым наличие особого объекта предупреждения и создания целого комплекса целенаправленных мер.

Объективно, результативность работы участкового уполномоченного полиции по предупреждению преступлений, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних, зависит от реализации многочисленных мер, находящихся в арсенале правоприменителя. Считаем возможным остановиться лишь на нескольких из них, касающихся профилактического воздействия, осуществляемого в отношении конкретных категорий лиц.

Учитывая специфику и увеличившееся количество преступных посягательств, совершаемых родителями и иными лицами, в чьи обязанности входит воспитание несовершеннолетних, очевидна необходимость совершенствования воспитательных и разъяснительных мероприятий. Участковый уполномоченный полиции в отношении граждан, состоящих на профилактическом учете, в целях предупреждения совершения ими преступлений в сфере семейно-бытовых отношений реализует такие меры, как проведение профилактических бесед, наблюдение за поведением, образом жизни, кругом общения таких лиц [2]. Вместе с тем не предусмотрен обязательный порядок проведения разъяснительной работы с лицами, не состоящими на профилактическом учете, однако нуждающимися в корректировании социально-нравственных установок. По этому поводу ученые отмечают, что нейтрализация преступлений путем профилактического воздействия на ранней стадии – надежный путь предупреждения преступлений. Дело в том, что меры ответственности могут применяться только при наличии составов правонарушений, но если человек еще не совершил противоправное действие, которое может повлечь административную или уголовную ответственность, то и наказывать соответственно, нет оснований. В данном случае профилактическое воздействие заключается в убеждении, использовании профессионально-педагогических умений и навыков в целях недопущения правонарушений, а конечная цель профилактического воздействия – перестройка сознания личности [11, с. 36-37].

Таким образом, в соответствии с приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции» помимо обязанности выявлять лиц, склонных к совершению преступлений, и проводить с ними индивидуальную профилактическую работу, а также участия в пропаганде правовых знаний, во взаимодействии с общественными объединениями и гражданами в сфере предупреждения правонарушений, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности участковому уполномоченному полиции необходимо осуществлять профилактическое воздействие в отношении лиц, предрасположенных к

нарушению прав несовершеннолетних, при наличии информации о фактах незначительного нарушения прав детей из социально неблагополучных семей, мигрантов, лиц, характеризующихся по месту жительства крайне негативно. Профилактическая работа должна осуществляться в отношении несовершеннолетних, не только состоящих на учете, но и в отношении тех, кто в силу возраста, социальной незрелости, психофизиологических особенностей может стать жертвой преступлений.

Таким образом, деятельность участкового уполномоченного полиции может способствовать выявлению несовершеннолетних, нуждающихся в оперативной правовой помощи, а также законных представителей, оказывающих негативное влияние на ребенка. Следовательно, качество соответствующих профилактических мер во многом зависит от создания условий работы участковых уполномоченных полиции, от улучшения взаимодействия и обмена информацией между участковым и должностными лицами территориальных органов МВД России.

Действительно, рассматривая профилактическую работу, необходимо отметить, что противоправное действие легче предупредить, чем устранить его последствия [10, с. 89]. Предусмотрен достаточно обширный перечень административно-правовых способов, позволяющих обеспечить надлежащее поведение лица, представляющего опасность для нормального физического и психического развития несовершеннолетнего. Так, требование участкового уполномоченного полиции, обращенное к законным представителям о прекращении действий в отношении несовершеннолетнего подопечного, которые в последующем могут стать общественно опасными, позволит предотвратить преступление или пресечь его на начальной стадии. В том случае, если лицо игнорирует законные требования, продолжая нарушать права несовершеннолетнего, административное задержание виновного позволит обеспечить беспрепятственное оказание необходимой помощи нуждающемуся лицу, обратиться в компетентные органы, предпринять другие необходимые меры. На наш взгляд, уместна активизация совместной деятельности участкового уполномоченного полиции и уполномоченного по правам ребенка.

Проведенное исследование позволило обозначить несколько проблемных аспектов в деятельности участковых уполномоченных полиции, связанных с предупреждением преступлений, сопряженных с эксплуатацией несовершеннолетних. Меры профилактики и предупреждения, осуществляемые участковым уполномоченным полиции в настоящее время, не в полном объеме распространяются на лиц, в чьих действиях усматривается нарушение прав несовершеннолетних. Отсутствие профилактических мер, необходимость осуществления которых очевидна на ранней стадии, порождает совершение в отношении несовершеннолетнего преступлений, в том числе сопряженных с их эксплуатацией. Вместе с тем существующие меры профилактики и предупреждения необходимо оптимизировать относительно всех категорий лиц, беспрепятственно контактирующих с несовершеннолетними. В данном случае полезен опыт других специалистов в области обеспечения и защиты прав и интересов несовершеннолетних, а именно уполномоченных по правам ребенка. Совместное участие в защите прав несовершеннолетних, учет опыта работы каждого субъекта профилактики в отдельности позволит создать механизм реагирования и оказания помощи детям.

Литература

1. Волков К.А. Преступления против несовершеннолетних: проблемы теории и судебной практики // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступлениям против личности: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.С. Бахты, М.А. Тулигловича, К.А. Волкова. Хабаровск, 2014.
2. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 // Российская газета. 2013. 27 марта.

3. Катаева О.В., Никулин А.И. Современные проблемы профилактики семейно-бытовых конфликтов участковыми // Наука. Теория. Практика. 2013. № 2.
4. Киричѐк Е.В. Социально-экономические и культурные права и свободы – важнейший элемент конституционно-правового положения (статуса) человека и гражданина в Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1(19).
5. Киричѐк Е.В. Участковые уполномоченные полиции и институты гражданского общества в России: вопросы взаимодействия // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2013. № 1.
6. Логинова Л.В. Деятельность полиции в сфере профилактики преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2.
7. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 № 345 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18. Ст. 2188.
8. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.
9. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (в ред. Указа Президента РФ от 01.07.2014 № 483) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
10. Столяренко А.М. Юридическая педагогика: курс лекций. М., 2000.
11. Шелег О.А. Особенности профилактики участковыми уполномоченными полиции преступлений и административных правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (31).

УДК 343.918.1

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Анастасия Сергеевна Попова, аспирант Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права

E-mail: nastyapopova@inbox.ru

В статье раскрывается криминологическая характеристика лица, совершающего преступления в сфере здравоохранения. В результате анализа личностных характеристик лиц данной категории предлагается криминологический портрет преступника – медицинского работника, что имеет особое значение для разработки и применения профилактических мер.

Ключевые слова: криминологическая характеристика преступника – медицинского работника; криминологический портрет; профессиональная деградация; пациенты, обратившиеся за медицинской помощью на территории Тюменской области, – жертвы преступления.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF AN OFFENDER, OMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF PUBLIC HEALTH CARE

Anastasia Sergeevna Popova, post graduate of the Tyumen state Academy of world economy, management and law

The article reveals the criminological characteristics of perpetrators of crimes in the sphere of health. The analysis of the personal characteristics of individuals in this category are invited criminological portrait of the criminal – medical worker that has a special significance for the development and application of preventive measures.

Keywords: criminological characteristics of the offender – health care worker; criminological portrait; professional degradation; patients seeking medical assistance in the territory of the Tyumen region – the victim of a crime.

Изучение личности преступника в криминологической науке имеет давние традиции. Еще основатель криминалистики, австрийский ученый Ганс Гросс, в конце XIX в. говорил, что в расследовании преступлений «величайшее усилие следует прилагать именно к выяснению собственно личности обвиняемого» [2, с. 3]. В силу ряда социально-политических обстоятельств актуальность исследования личности преступника в отечественной криминалистике начала XX в. подвергалась сомнению. Однако объективная необходимость заставила криминалистическую науку в нашей стране, начиная с 60-х гг. прошлого столетия, серьезно заняться исследованием личности преступника [2, с. 3].

В криминологической литературе в связи с использованием термина «личность преступника» возникают две проблемы.

Во-первых, в научной и учебной литературе в отдельных случаях не только ставится под сомнение возможность дать общее определение понятия «личность преступника» и доказывается его практическая ненужность [7, с. 142], но и отмечается, что сохранение общего понятия «личность преступника» сдерживает развитие науки с позиции углубления наших знаний, связанных с изучением тех, кто совершал и совершает преступления [11, с.24].

Во-вторых, различные авторы, используя понятие личности преступника, толкуют его далеко не однозначно, в один и тот же научный термин вкладывают различный смысл [13, с. 9; 14, с. 87].

В наибольшей степени продуктивным, на наш взгляд, является определение, данное С.М. Иншаковым: «Личность преступника представляет собой совокупность отрицательных, криминогенных качеств личности, которые обусловили (или могли обусловить) совершение человеком преступления» [6, с. 40].

На сегодняшний день общепринятой в криминологии является структура личности преступника, состоящая из четырех подсистем: социально-демографической – пол, возраст, семейное положение, образование, род занятий (хобби), место постоянного жительства; социально-ролевой – проявление личности как члена различных общественных групп (семья, работа, досуговые объединения и т.д.); нравственно-психологической, где особую роль играют моральные, мировоззренческие и нравственные черты личности (взгляды, убеждения, ценностные ориентации, мотивационная сфера) и правовой – наличие судимости и рецидива преступлений, количество совершенных преступлений, их групповой или индивидуальный характер.

Преступления в сфере здравоохранения имеют свою специфику, связанную с особенностями субъекта преступления – медицинского работника государственных, муниципальных и частных медицинских учреждений.

Учитывая современные реалии российского общества, а также объем имеющихся изменений законодательства, нами предпринята попытка комплексного исследования отличительных особенностей личности медицинского работника, совершающего конкретные виды преступлений на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского автономного округа – Югре и Ямало-Ненецкого автономного округа, с учетом имеющихся изменений законодательства.

Прежде всего, криминологическую характеристику медицинского работника следует начинать с указания количества населения, зарегистрированного на территории Тюменского региона. Так, по имеющимся статистическим данным на 1 января 2014 г., численность населения на территории Тюменской области (с автономными округами)

составила 3 546 345 чел., из них 1 713 500 мужчин и 1 832 845 женщин*. Следовательно, разница между количеством указанных категорий составила 119 345 чел. Несмотря на то, что численность женщин намного превышает количество мужчин, доля женщин в контингенте лиц, совершающих различного рода преступления, значительно меньше, нежели доля мужчин. Разумеется, что по отдельным категориям и отраслям рабочих профессий, при осуществлении которых совершаются преступления, соотношение количества мужчин и женщин, занятых на этих работах, отражается и на половой структуре лиц, совершивших преступления в указанной сфере. Например, в ходе проведенного нами анализа удалось выявить закономерность совершения преступлений в сфере здравоохранения именно женщинами, т.к. численность женщин – медицинских работников, оказывающих медицинские услуги населению Тюменского региона, значительно больше, нежели мужчин-медиков.

В соответствии с постановлением Правительства Тюменской области от 15 декабря 2014 г. № 648-п «Об утверждении Государственной программы Тюменской области «Основные направления развития здравоохранения» до 2020 года»** в учреждениях здравоохранения Тюменской области в настоящее время трудится более 30 тыс. работников, в том числе 5113 врачей и более 12 тыс. средних медицинских работников. Среди них: 1400 врачей и 5000 средних медицинских работников имеют высшую квалификационную категорию, более 60 – звание «Заслуженный врач Российской Федерации», 71 – «Отличник здравоохранения», 10 – «Заслуженный работник здравоохранения», 5 врачам объявлена благодарность Президента Российской Федерации. На счету работников здравоохранения региона более 10 орденов и медалей.

Среди представителей научного медицинского сообщества Тюменской области – 1 член-корреспондент Российской Академии наук, 3 заслуженных деятеля науки РФ, 130 докторов и около 400 кандидатов медицинских и фармацевтических наук.

Для сравнения: по данным распоряжения Правительства Тюменской области от 4 февраля 2013 г. № 109-рп «Об утверждении региональной комплексной программы «Медицинские кадры здравоохранения Тюменской области на 2013-2015 годы» в 2011 г. численность врачей – физических лиц составляла 4502 чел., а численность средних медицинских работников – физических лиц – 11 044. Из них врачей-мужчин – 1268, врачей-женщин – 3234. Высшую квалификационную категорию имели 1 383 врача, I категорию имели 542 врача и II категорию – 198 врачей. Однако, несмотря на увеличение числа врачей, имеющих высшую квалификационную категорию, по состоянию на 2011 год, 50% от общего числа врачей категорию не имели. Среди средних медицинских работников 5278 чел. имели высшую квалификационную категорию, 884 – I категорию, 583 – II категорию. В 2012 г. количество врачей, имеющих сертификат специалиста, составило 4429, а количество средних медицинских работников, имеющих сертификат, – 10 752.

Таким образом, в указанной численности медицинских работников мужчин – 28,1%, женщин – 71,8%, т.е. большую занятость в сфере здравоохранения имеют медицинские работники женского пола.

Проведенное нами исследование показало, что за период с 2007 по 2014 г. количество женщин, совершивших преступление в сфере здравоохранения, составило 51,3%, количество мужчин – 48,6%.

Как следует из криминологической теории, одним из важнейших признаков характеристики личности конкретной категории преступников является возраст. Он

* Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области. URL: tumstat.gks.ru

** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2014).

определяет как физическое состояние лица, так и круг его интересов, жизненные установки и ценностные ориентации [2, с. 115].

Проведенное нами исследование показало, что наибольший процент медицинских работников, совершивших преступления в сфере здравоохранения (40,5%), приходится на возрастную группу от 40 до 45 лет, при этом основная масса преступлений среди указанной возрастной группы пришлась на медицинских работников в возрасте 44 лет. Также довольно велика доля преступников среди медицинского персонала, возрастная категория которых колеблется от 30 до 39 лет (18,9%) и 46-55 лет (18,9%). К менее криминогенной относится категория медицинских работников в возрасте от 56 лет и старше (8,1%). Медицинские работники, относящиеся к возрастной категории от 18 до 29 лет, совершившие преступления в рассматриваемой сфере, составили 13,5%, в основном это врачи старше 25 лет.

Медицинские работники в возрасте от 40 до 45 лет чаще всего совершают преступления против государственной власти, а именно преступления, предусмотренные ст. 292 УК РФ (14,8%) и ст. 285 УК РФ (6,3%), схожая ситуация наблюдается и с категорией медицинских работников возрастной группы от 46 до 55 лет. Так, служебный подлог (ст. 292 УК РФ) совершили 10,6%, а злоупотребили своими должностными полномочиями 4,2% медиков. Процент привлечения медицинского персонала к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 124 УК РФ во всех возрастных категориях очень низок – 2,1% от общего числа зарегистрированных преступлений. Также на территории Тюменского региона зарегистрированы случаи привлечения работников здравоохранения к уголовной ответственности за мошенничество в отношении своих пациентов (ст. 159 УК РФ) – 2,1%.

Следующее, на чем необходимо остановить свое внимание при характеристике личности преступника, – это его образовательный уровень, что имеет основное значение для выбора определенной профессии и занимаемой должности. Применительно к медицинским работникам их образовательный уровень характеризуется наличием либо высшего медицинского образования (характерно для врачей) либо среднего медицинского образования (для медицинских работников среднего звена). Анализируя следственно-судебную практику Тюменского региона, мы пришли к выводу, что наибольшее количество совершенных преступлений в сфере здравоохранения приходится на медицинских работников, имеющих диплом о высшем медицинском образовании, – 89,1%, доля совершенных преступлений медиками, имеющими среднее медицинское образование, составила 10,8%.

Полученные в результате проведенного в 2014 г. анкетирования пациентов, которым была оказана медицинская помощь в учреждениях здравоохранения Тюменской области, данные показали, что 69,7% граждан считают, что современные медицинские работники обладают низким уровнем квалификации и профессиональных знаний. Даже сами медицинские работники в ходе проведенного опроса отметили, что снижению качества медицинского обслуживания способствует в том числе и низкий уровень квалификации медицинского персонала (врачи – 26,6%; средний медицинский персонал – 36,6 %).

Особое место в криминологической характеристике преступника занимают уголовно-правовые признаки. К числу таких признаков относятся характер и тяжесть совершенного преступления, наличие рецидива, а также совершение преступления в группе.

По результатам проведенного исследования, 17,0% преступлений совершены медиками в соучастии со своими коллегами. Это такие деяния, как предусмотренные ст. 285, 292 УК РФ. Преступлений, совершенных в организованной группе с участием медицинских работников, в Тюменской области не зарегистрировано. Также следует отметить, что никто из осужденных медицинских работников ранее не привлекался к уголовной ответственности и не имел судимости за аналогичные преступления.

Немаловажную роль в криминологической характеристике преступника играют его нравственные качества и психологические особенности. В целом медицинские работники одинаково положительно характеризуются как по месту жительства, так и по месту работы.

Основная масса медицинских работников, совершивших преступления в сфере оказания медицинских услуг на территории Тюменской области (52,6%), постоянно проживают в поселке либо в сельских поселениях (Вагай, Упорово, Ярково, Сладково, Бердюжье, Сорокино и т.д.), остальные 47,3% медиков проживают и совершили преступление в Тюмени или Тобольске. Следовательно, доля преступлений, совершенных в сельской местности, превышает долю преступлений, совершенных в городах.

Переходя к исследованию профессионального становления личности медицинского работника, нельзя не затронуть стадии профессиональной деформации личности, к которой неизбежно приходит медицинский работник, совершивший преступление.

Исследователи С.П. Безносков, Р.М. Грановская, Л.Н. Корнеева, А.К. Маркова отмечают, что в наибольшей степени профессиональные деформации развиваются у представителей социономических профессий, постоянно взаимодействующих с людьми (врачи, педагоги, госслужащие и т.д.). Профессиональные деформации у представителей этих профессий проявляются на четырех уровнях: общепрофессиональные деформации, специальные профессиональные деформации, профессионально-типологические деформации, индивидуализированные деформации, обусловленные особенностями работников самых различных профессий [3, с. 55].

Мы отдадим предпочтение изучению второго уровня профессиональной деформации, т.к. именно этот уровень деформации имеет непосредственное отношение к трудовой деятельности. Медики разных специальностей обрастают своими деформациями: терапевты ставят угрожающие диагнозы, хирурги циничны, медсестры черствы и равнодушны.

В.Е. Рожков, говоря о стандартизации общения врача с больным, отмечает, что нередко все сводится к языку голых цифр, количественных показателей анализов, называются формулы, произносятся специфические, непонятные больному выражения о динамике диаграмм и электронно-, кардио-, энцефало-, гастро- и других графических исследований [16, с. 18].

О деградации личности врача писали многие авторы [8; 10; 12]. Некоторые из них особое внимание обращали на такой признак, как «приборный фетишизм», характеризующийся установкой на обезличивание пациента, недооценку анамнеза, клиники и особенностей личности [4, с. 54].

Р. Конечный и М. Боухал, изучавшие профессиональную деформацию врачей и сестер милосердия, пишут: «Профессиональной деформацией являются и поведение, и выражения медицинских работников, при которых под влиянием привычки проявляется черствость по отношению к больным в такой степени, что у немедиков создается впечатление бездушия и цинизма». Они считают, что профессиональная деформация проявляется также в своеобразном профессиональном жаргоне, который используется даже в присутствии больного [9, с. 256].

А.Н. Орлов обнаружил важную закономерность связи между характером деятельности профессионала и степенью квалификации: «Чем ниже квалификация врача, тем меньше он беседует с больным, обследует его физикальными методами, чаще назначает анализы, рентгеновские и другие исследования [15, с. 45].

Основными мотивами в выборе профессии в сфере медицины, по мнению большинства медицинских работников, явились влияние родителей и престижность профессии, доступность медикаментов, материальная заинтересованность. Данные мотивы, на наш взгляд, являются «негативными», т.к. они идут вразрез с реальными целями оказания медицинской помощи нуждающимся, а именно производства мероприятий по спасению жизни пострадавших, предупреждению развития возможных осложнений, об-

легчению течения травмы или заболевания. Именно такие «случайные» работники в сфере здравоохранения оказывают влияние на рост числа преступлений, совершаемых медицинскими работниками при осуществлении медицинской помощи.

Х. Хекхаузен предложил модель профессионально значимых черт медицинского персонала. Эта модель включает в себя 4 основных аспекта: 1) готовность к эмоциональному сопереживанию внутреннего состояния другого; 2) способность учитывать последствия своих действий для окружающих; 3) развитые морально-этические нормы, задающие эталоны оценки субъектом своего альтруистического поступка; 4) тенденция приписывать ответственность за совершение или несвершение альтруистического действия себе, а не другим людям и внешним обстоятельствам. Кроме того, у всякого работника здравоохранения должно быть осознанное стремление всемерно повышать свой профессиональный уровень.

Обратим внимание: многие психологи относят медицинскую деятельность к одной из напряженных видов социального взаимодействия, где наряду с желанием оказывать помощь людям еще немаловажно иметь именно психологическую готовность к этому.

В научных исследованиях установлен факт влияния особенностей профессиональной деятельности медицинского работника на личность, в частности, широко известен феномен «эмоционального выгорания» личности медицинского работника. По мнению В.В. Бойко, «эмоциональное выгорание» определяется как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на психотравмирующие воздействия [5, с. 4].

Профессиональная деформация отражается и на поведении медицинских работников. Под влиянием привычки у них появляется черствость по отношению к больным в такой степени, что у окружающих создается впечатление бездушности и даже цинизма. Профессионально деформированный лечащий врач вызывает у больного впечатление незаинтересованного и безразличного специалиста [1, с. 32].

Следует согласиться с мнением Е.В. Червонных, что при исследовании преступлений, совершаемых медицинскими работниками, мотивы, побуждающие медицинских работников к совершению преступлений, необходимо анализировать в каждом конкретном виде преступлений [17, с. 150].

Преступления коррупционного характера, а также преступления, совершаемые с использованием своего служебного положения, совершаются медицинскими работниками исключительно с корыстными мотивами для удовлетворения своих личных потребностей (получение дохода незаконным путем). Они чувствуют вседозволенность и безнаказанность в связи с занимаемой должностью (главврач, заведующий отделением и т.д.).

Преступления, причинившие вред здоровью либо смерть человека, совершались медицинскими работниками умышленно по мизантропическим мотивам (неприязнь к пациентам, к их жалобам и т.д.), а также вследствие халатного отношения к своим обязанностям, нежелания трудиться.

Категория преступлений, совершенных по неосторожности медицинскими работниками в результате оказания медицинских услуг, также имеет свои определенные мотивы, связанные с жизненными установками, влечениями, фрустрационными состояниями.

Проведенное нами анкетирование пациентов позволило выявить следующую негативную тенденцию: 52,0% респондентов считают, что при оказании медицинской помощи лечащий врач в большинстве своем относится к ним невнимательно; 41,6% характеризуют отношение медицинского работника как внимательное и 6,2% пациентов утверждают, что при обращении за медицинской помощью в учреждения здравоохранения они ощутили грубое отношение к ним.

На вопрос «Как Вы считаете, имеется ли у Вашего лечащего врача заинтересованность в Вашем здоровье?» 56,2% опрошенных затруднились ответить, 25,0% считают, что такая заинтересованность имеется и 18,7% утверждают, что медицинские работники совершенно равнодушны к состоянию здоровья своих пациентов.

Полученные данные, по нашему мнению, являются тревожными показателями. Ведь еще классики отечественной медицины (Д.С. Самойлович, М.Я. Мудров, Н.И. Пирогов, С.П. Боткин) считали, что терапевтическая эффективность лечения во многом зависит от умения врача устанавливать контакт с больным и способности заслужить его доверие. Однако современные медицинские работники пренебрегают этим правилом.

Отмеченное равнодушное отношение медицинского персонала к своим пациентам наблюдается не только у практикующих медиков, но и у бывших работников здравоохранения, привлеченных к уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении пациентов. В материалах уголовных дел четко прослеживается негативное отношение к пациентам, категоричное непризнание вины в содеянном, более того, перекладывание ответственности на пострадавшего. Так, лишь 4,2% медицинских работников полностью признали свою вину в инкриминируемых им деяниях, остальные 95,7% своей вины в совершенном преступлении не признали и обжаловали принятые судом первой инстанции решения в апелляционной и кассационной инстанциях. На вопрос «Что, на Ваш взгляд, послужило причиной совершения Вами преступления?» некоторые из медицинских работников, привлеченных к уголовной ответственности за коррупционные преступления, ответили, что в отношении их «была осуществлена провокация взятки», «вся ситуация специально подстроена правоохранительными органами».

Также следует отметить, что абсолютно все медицинские работники (100%), привлеченные к уголовной ответственности за совершенные преступления в сфере здравоохранения, на судебных заседаниях утверждали, что осведомлены о нормативно-правовых актах, направленных на охрану их прав и прав пациентов, что при оказании медицинских услуг пациентам они действовали в соответствии с действующим законодательством в сфере здравоохранения.

Таким образом, можно прийти к выводу, что при причинении вреда правам и законным интересам пациентов, а также обществу и государству в целом медицинские работники сознательно допускали нарушение законодательно установленных норм.

Проанализировав весь комплекс имеющейся информации, можно сделать следующие выводы.

1. Основная масса выявленных преступлений в сфере здравоохранения на территории Тюменской области совершена лицами женского пола. Указанное обстоятельство объясняется тем, что женщины более активно заняты в сфере оказания медицинских услуг, чем мужчины.

2. Образовательный уровень медицинских работников, совершивших преступления в сфере медицинских услуг, довольно высокий – процент медицинских работников с высшим медицинским образованием, совершивших преступления, составляет 82,0%, а работников среднего медицинского звена, имеющих среднее специальное образование, – 17,9%.

3. Принимая во внимание возраст медицинских работников, совершивших преступления в изучаемой нами сфере, наиболее активными являются возрастные группы 40-45 лет (40,5%), 30-39 и 46-55 лет (по 18,9%). Менее активными в совершении профессиональных и служебных преступлений является возрастная группа медицинских работников старше 55 лет.

4. Медицинские работники, совершившие преступления в сфере оказания медицинских услуг, как по месту жительства, так и по месту работы характеризуются положительно.

5. Обращает на себя внимание тот факт, что все медицинские работники, привлеченные к уголовной ответственности, совершили преступление впервые, следовательно, рецидив преступлений у них отсутствует.

Полученная нами в ходе исследования характеристика медицинских работников, совершивших преступление в сфере здравоохранения, позволила определить особенности, присущие именно данным субъектам, что является важным профилактическим ресурсом для правового воздействия на личность преступника – медицинского работника.

На наш взгляд, на основе полученных данных возможна разработка общей и индивидуальной профилактики преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения медицинскими работниками при оказании ими медицинских услуг населению.

Литература

1. Абрумова А.Г. Анализ состояний психологического кризиса и их динамика // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 6.
2. Ахмедшин Р.Л. Криминалистическая характеристика личности преступника. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
3. Баробанова М.В. Изучение психологического содержания синдрома «эмоционального сгорания» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1995. № 1.
4. Батрак Г. Е. Аспекты, средства и методы формирования личности врача. Днепропетровск, 1969.
5. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. СПб.: Сударыня, 1999.
6. Иншаков С.М. Криминология. М.: Юриспруденция, 2000.
7. Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит., 1985.
8. Кассирский Я. Л. О врачевании. Проблемы и раздумья. М.: Медицина, 1970.
9. Конечный Р., Боухал Я. Психология в медицине. М.: Прага, 1983.
10. Концевич И.А. Судебно-медицинские аспекты врачебной практики. Киев, 1974.
11. Криминология: учебник / под ред. И.И. Карпеца, В.Е. Эминова. М., 1992.
12. Курашешш Г.К. Изучение следователем личности обвиняемого. М.: Юрид. лит., 1982.
13. Лейкина Н.С. Криминология о преемнике. Л., 1978.
14. Лунеев В.В. Криминология. М., 1986.
15. Орлов А.Н. Исцеление словом. Красноярск: КГУ, 1969.
16. Рожнов В.Е. Медицинская деонтология, психология и психотерапия. М., 1975.
17. Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.951

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН ОТ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОКРУЖАЮЩЕГО ТАБАЧНОГО ДЫМА И ПОСЛЕДСТВИЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТАБАКА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Екатерина Алексеевна Желонкина, доцент кафедры Уральского
юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: gelonkinaea@yandex.ru

В статье рассмотрены организационно-правовые проблемы правоприменительной практики привлечения к административной ответственности за правонарушения, относящиеся к компетенции органов внутренних дел (полиции): нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах, в том числе на территории нестационарных торговых объектов; распространение табачной продукции или табачных изделий среди населения бесплатно, в том числе в виде подарков.

Ключевые слова: административная ответственность; антитабачное законодательство; потребление табака; помещение общественного питания; нестационарные торговые объекты.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR BREAKING LAW IN THE SPHERE OF CITIZENS' HEALTH PROTECTION FROM THE INFLUENCE OF INHALING SMOKE AND CONSEQUENCES OF SMOKING: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Ekaterina Alekseevna Zhelonkina, chair associate professor of the Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article considers legal and organizational problems of law enforcement practice of bringing to administrative responsibility for offences within the competence of internal Affairs bodies (police): violating Federal law prohibit Smoking tobacco in some territories, buildings and facilities, including on-site Parking non-stationary trading facilities; distribution of tobacco products or tobacco products to the public free of charge, including in the form of gifts.

Keywords: administrative responsibility; anti-Smoking legislation; tobacco use; the premises catering; non-stationary trade object.

В целях снижения распространенности потребления табака среди населения и связанных с этим процессом негативных медицинских, демографических и других социально-экономических последствий, с учетом положений Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака [5] была разработана Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010-2015 гг. [1], а также принят Федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака» (далее – Закон № 15-ФЗ) [2]. Между тем, несмотря на

правильно взятый государством курс в области охраны здоровья граждан и обеспечения благоприятной окружающей среды – этих основополагающих прав, закрепленных в ст. 41, 42 Конституции РФ, административная практика применения так называемого антитабачного закона не лишена недостатков и требует своевременного вмешательства.

Закон № 15-ФЗ полностью запретил рекламу табака. Введена административная ответственность за нарушение правил продажи табачных изделий, курение в общественных местах, рекламу и спонсорство табака, а также за вовлечение несовершеннолетних в процесс курения. С 1 июня 2014 г. полностью запрещено курение в помещениях, предназначенных для предоставления жилищных услуг, в местах общественного питания и торговли, а продавать табачные изделия можно только в магазинах и павильонах. Что касается способов реализации табачной продукции, то недопустима ее продажа путем развозной и разносной торговли, дистанционным способом (например, через Интернет), с использованием автоматов и иными способами (ч. 3 ст. 19 Закона № 15-ФЗ), а также с выкладкой и демонстрацией в торговом объекте (ч. 4 ст. 19 Закона № 15-ФЗ), за исключением предоставления покупателю информации о продаваемой табачной продукции, которая должна быть оформлена надлежащим образом (ч. 5 ст. 19 Закона № 15-ФЗ).

Полномочия по выявлению и составлению протоколов об административных правонарушениях и привлечению к административной ответственности за нарушение данных установленных правил оборота и потребления табака и табачных изделий возложены на должностных лиц органов Роспотребнадзора, органов внутренних дел (полицию), органов, осуществляющих федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, пожарный надзор.

К компетенции полиции Законом отнесены полномочия по пресечению правонарушений, связанных с курением табака в запрещенных местах, в том числе в кафе, ресторанах. Сотрудники полиции имеют право составлять протоколы об административных правонарушениях, а также налагать установленные штрафные санкции, предусмотренные ст. 6.24 КоАП РФ за нарушение запрета курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах. Обязанности по контролю за соблюдением посетителями и работниками предприятий общественного питания запрета на курение в данных местах возложены Законом № 15-ФЗ на администрацию таких предприятий.

Вместе с тем сотрудники органов внутренних дел (полиции) не наделены правом проверки предприятий общественного питания для выявления правонарушений данного вида. Поскольку сотрудники полиции не осуществляют на постоянной основе служебную деятельность по охране порядка внутри помещений общественного питания, то такие правонарушения могут пресекаться только на основании обращения граждан или администраций заведений.

В законодательстве Российской Федерации понятие «общественное место» по-прежнему остается не сформулированным, а лишь дополняется новыми объектами. На практике для привлечения к административной ответственности за правонарушения, совершенные в общественных местах, часто возникает вопрос об определении территориальных границ тех или иных мест, предполагаемых в качестве мест общего пользования (общественных мест). Сотрудники полиции при отнесении того или иного места к категории «общественное место» руководствуются следующими основными принципами: общественное место предполагает собой территорию или помещение (в том числе объекты транспорта), открытые для доступа и предполагающие возможность нахождения в них неопределенного круга лиц, а также специально выделенные для общественного пользования. При этом возникают проблемы с определением границ тех или иных объектов, курение на территории которых запрещено (например, границы детских площадок, помещений общепита).

Министерство промышленности и торговли России в своем письме «О толковании положений законодательства Российской Федерации в части определения летних

веранд стационарных пунктов общественного питания» [7] рекомендует в ходе правоприменительной практики руководствоваться буквальным смыслом норм «антитабачного» закона в системном толковании с нормами специального законодательства, определяющими значение тех или иных определений и понятий. Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», под нестационарным торговым объектом понимается вид торгового объекта, представляющий собой временную конструкцию или временное сооружение, не связанное прочно с земельным участком, независимо от наличия или отсутствия подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения, в том числе передвижное сооружение.

Такие нестационарные объекты предназначены для осуществления торговли как вида предпринимательской деятельности, связанной с приобретением и реализацией товаров. При этом следует отметить, что деятельность по оказанию услуг общественного питания торговой деятельностью не является. Поэтому временные конструкции, сооружения, используемые в качестве объектов общественного питания, а также их частей, не могут быть признаны нестационарными торговыми объектами с точки зрения закона.

По причине неоднозначности толкования положений законодательства Российской Федерации в части определения понятия «летние веранды стационарных пунктов общественного питания» Министерство промышленности и торговли России дает следующее разъяснение: запрещается курение табака в помещениях, предназначенных для предоставления услуг торговли (в том числе помещениях рынков), общественного питания, бытовых услуг, в нестационарных торговых объектах.

Относительно пунктов общественного питания данный запрет коснулся не самих объектов (баров, ресторанов, кафе), а лишь их составляющих – помещений. Для уяснения термина «помещение» следует обратить внимание вот на что. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», помещением признается часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями. Здания и сооружения являются объектами капитального строительства (п. 10 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ). Исходя из этого, помещением в контексте действующего законодательства признается только часть объекта капитального строительства, а значит, объекта недвижимости.

К строительным конструкциям относятся элементы здания или сооружения, выполняющие несущие, ограждающие либо совмещенные (несущие и ограждающие) функции.

В связи с вышеизложенным веранды, легковозводимые временные террасы, выносные столики, расположенные на территории, непосредственно примыкающей к зданию или сооружению, в помещениях которого располагается пункт общественного питания, а также летние веранды предприятий общественного питания, расположенные на крышах зданий, иных открытых площадках зданий и сооружений, не огороженные строительными конструкциями, не могут расцениваться ни как нестационарные торговые объекты, ни как часть помещений организаций общественного питания. Соответственно, запрет на курение в таких объектах не распространяется.

В свою очередь, Роспотребнадзор в письме от 18 июня 2014 г. № 01/6906-14-25 «О применении норм Федерального закона об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма при организации общественного питания» [4] сообщает, что если оказание услуг общественного питания осуществляется вне здания и одновременно с этим место (площадка), предназначенное для оказания таких услуг, имеет надземную часть, представляющую собой какую-либо искусственно возведенную плоскость (пол, настил) и (или) навес, либо любой вид ограждения, включая декора-

тивное, то такое место оказания услуг общественного питания считается расположенным в помещении, предназначенном для предоставления услуг общественного питания (например, веранды, шатры, палатки, балконы), и на него установленный законодательством запрет на курение распространяется.

Учитывая, что при оказании услуг общественного питания реализуется товар, представляющий собой готовые блюда и напитки, нестационарные организации общественного питания будут относиться к нестационарным объектам торговли только при условии наличия внутри них оборудования, предназначенного и используемого для выкладки, демонстрации товаров, обслуживания покупателей и проведения денежных расчетов с покупателями при продаже товаров (витрины, барные стойки, стеллажи). В таком случае на нестационарные объекты общественного питания также будет распространяться запрет на курение, предусмотренный п. 6 ч. 1 ст. 12 Закона № 15-ФЗ» [6].

Таким образом, при решении вопроса о возбуждении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 6.24 КоАП РФ, следует исходить из буквального толкования норм Закона № 15-ФЗ и конкретных обстоятельств, установленных при осмотре помещений и иных мест, где оказываются услуги общественного питания, принимая во внимание вышеизложенные разъяснения.

Материалы судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.24, 6.25, 14.3.1 (ч. 1) и 14.53 КоАП РФ, необходимо для обобщения и анализа направлять в Правовое управление Роспотребнадзора немедленно после получения соответствующего решения суда [7].

Многочисленные меры по противодействию стимулированию приобретения табачной продукции предусмотрены ст. 16 Закона № 15-ФЗ. Так, частью 1 указанной статьи полностью запрещается реклама и спонсорство табака. Согласно части 1 ст. 2 Закона № 15-ФЗ, под спонсорством табака следует понимать любой вид вклада в любое событие, мероприятие или отдельное лицо, целью, результатом или вероятным результатом которого является стимулирование продажи табачного изделия или употребления табака прямо или косвенно.

Законом № 15-ФЗ декларируется запрет не только рекламы, но и стимулирования продажи табака, табачной продукции и (или) потребления табака. Стимулировать означает дать (давать) стимул к чему-либо, заинтересовать в чем-либо [3]. Таким образом, запрещено также и осуществление каких-либо действий, которые ведут за собой заинтересованность граждан в употреблении табачных изделий.

В статье 16 Закона № 15-ФЗ отдельно выделяется ряд возможных способов рекламы и стимулирования продажи табака, табачной продукции и (или) потребления табака, среди которых – подведомственное органам внутренних дел распространение табака, табачных изделий среди населения бесплатно, в том числе в виде подарков. До принятия данного ограничения популярными в нашей стране были различные акции, направленные на ознакомление населения с новыми видами табачной продукции. Как правило, в качестве подарка предлагалась пачка сигарет, зажигалка и т.д. Отныне такой способ реализации и заманивания потребителей табака запрещен. При анализе нормы возникает вопрос, могут ли работники табачных компаний или организаций, реализующих данную продукцию, получать в подарок, скажем, за хорошую работу блок сигарет, зажигалку и т.д. По смыслу комментируемой нормы, любые подарки в виде табачной продукции запрещены. Исключений из данного правила законом не предусмотрено.

Правонарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 14.3.1 КоАП РФ, наряду с органами внутренних дел, вправе рассматривать органы исполнительной власти, осуществляющие федеральный государственный надзор в области защиты прав потребителей (Роспотребнадзор).

Важно отметить, что законодатель не стоит на месте, разрабатывая дополнительные меры борьбы с курением, с одной стороны, и экономические меры, направленные

на поддержку малого бизнеса, – с другой. Соответствующие законопроекты внесены в Госдуму в январе (проект № 708778-6) и в июне (проект № 818428-6) 2015 г.

Так, предлагается распространить запрет курения на пятнадцатиметровую зону от входов в здания и на территории объектов, где курение запрещено. Кроме того, предусмотрен запрет курения на территории рекреационных зон (расширен перечень), в подземных и надземных пешеходных переходах, на остановочных пунктах общественного городского и пригородного транспорта.

Помимо этого, прямой запрет на торговлю табаком предлагается распространить:

- на остановочные пункты общественного городского и пригородного транспорта, зоны рекреационного назначения, надземные и подземные пешеходные переходы;

- стометровую зону не только от зданий, предназначенных для оказания образовательных услуг, но и от учреждений культуры, учреждений органов по делам молодежи, учреждений, оказывающих медицинские, реабилитационные и санаторно-курортные услуги, услуги в области физической культуры и спорта;

- пятидесятиметровую зону от детских площадок, железнодорожных вокзалов, автовокзалов, аэропортов, морских портов, речных портов, станций метрополитенов, надземных и подземных пешеходных переходов, объектов, предназначенных для предоставления жилищных услуг, гостиничных услуг, услуг по временному размещению или обеспечению временного проживания, бытовых услуг.

Также законопроектом предусмотрено увеличение (в целом в полтора раза) штрафных санкций за нарушение запретов курения и продажи табака. Одновременно планируется усовершенствовать механизмы информирования населения об установленных ограничениях и ответственности в указанной сфере, механизмы взаимодействия представителей органов власти с табачными организациями.

В свою очередь, гражданам и общественным объединениям могут предоставить право осуществлять общественный контроль за соблюдением Закона № 15-ФЗ.

Как отмечается в пояснительной записке к документу, его реализация приведет к дальнейшему уверенному снижению спроса на табачную продукцию, будет способствовать профилактике заболеваний, связанных с потреблением табака, усилению контроля за реализацией установленных ограничений и требований, что позволит сократить к 2016 г. количество курящих на 40-50% и в результате снизить смертность в РФ на 150-200 тыс. чел. в год.

Июньским законопроектом предлагается внести в ч. 1 ст. 19 Закона № 15-ФЗ установление о том, что розничная торговля табачной продукцией осуществляется не только в магазинах и павильонах, но также и в нестационарных торговых объектах по реализации периодических печатных изданий при условии, если доля продажи периодических печатных изданий в их товарообороте не менее 50%. Данный проект направлен на поддержку малого бизнеса, осуществляющего реализацию печатной продукции.

Представляется, что для дальнейшего совершенствования антитабачного законодательства и реализации государственной политики в этой сфере требуется поиск действенных инструментов, призванных усилить практическую составляющую принятого закона.

Основными направлениями повышения эффективности применения мер административно-правового воздействия, на наш взгляд, являются:

- воспитательная работа, направленная на профилактику потребления табака и информирование о вредном воздействии окружающего табачного дыма, осуществляемая в процессе воспитания и обучения в семьях, образовательных, медицинских организациях, а также работодателями на рабочих местах;

- обеспечение соблюдения запрета на рекламу, стимулирование продажи и спонсорство табака, который должен применяться к любым формам передачи коммерческой информации;

- применение современных технических средств документирования административных правонарушений в рассматриваемой области (средств фото- и видеофиксации, возможности аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» и мобильного приложения «здесь не курят» для смартфонов);

- выработка и утверждение уполномоченными органами планов совместных мероприятий по исполнению законодательства в сфере охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака;

- осуществление надлежащего контроля (надзора) за соблюдением требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области ограничения потребления табака.

Наряду с этим в настоящее время дополнительно необходимо осуществление следующих процедур по выработке научно обоснованных критериев отнесения того или иного места к категории «общественное место»:

- выделить отличительные признаки предмета, его содержание и границы, предложив следующую дефиницию: «Общественное место – это место общего пользования, публичного общения, пребывания людей вне зависимости от формы его собственности (государственная, муниципальная, частная, общественных объединений) в целях удовлетворения различных жизненных интересов и потребностей, постоянно, временно или эпизодически доступное для нахождения неопределенного круга лиц»;

- законодательно закрепить определение понятия «общественное место», а также перечень мест, отвечающих присущим ему признакам.

Решение данных вопросов имеет большое практическое значение, поскольку от правильной квалификации действий правонарушителя зависит законность его привлечения к административной ответственности.

Литература

1. Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010-2015 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 1563-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. Ст. 5118.

2. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.

4. О применении норм Федерального закона об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма при организации общественного питания: письмо Роспотребнадзора от 18 июня 2014 г. № 01/6906-14-25 // Тест письма официально опубликован не был.

5. О присоединении Российской Федерации к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака: федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 17. Ст. 1758.

6. Особенности применения антитабачного закона в организациях общественного питания. URL: <http://www.prokurat-so.ru/main.php?id=1011> (дата обращения: 20.04.2015).

7. Письмо Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 8 июля 2014 г. № ЕВ-10160/08 // Тест письма официально опубликован не был.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.98

В КАКИХ ГРАНИЦАХ БЫТЬ ПРЕДМЕТУ КРИМИНАЛИСТИКИ?

Сергей Никифорович Чурилов, профессор кафедры Московского городского педагогического университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: lav605@mail.ru

В статье рассматривается дискуссионный вопрос о пределах развития предмета науки криминалистики. На основе анализа разных подходов к определению предмета данной науки автором делается вывод о нецелесообразности расширения его границ в связи с криминалистическим обеспечением гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Ключевые слова: криминалистика; предмет науки; тенденции развития криминалистики.

IN WHAT LIMITS TO BE THE SUBJECT OF CRIMINALISTICS?

Sergey Nikiforovich Churilov, chair professor of the Moscow city pedagogical university Doctor of Law, professor, honored lawyer Russian Federation

The article considers the controversial question of the limits of development of the subject of criminalistics. Based on the analysis of different approaches to the definition of the subject of this science the author makes a conclusion on the inadvisability to expand its limits in connection with the criminalistical support of the civil, arbitration or administrative proceedings.

Keywords: criminalistics; subject of science; tendencies of development of criminalistics.

Криминалистика, по общему признанию, – динамично развивающаяся наука. Со времен Ганса Гросса криминалистика проделала более чем вековой путь развития, неизменно оставаясь на переднем крае борьбы с преступностью. Она призвана обеспечивать своими методами и средствами деятельность по расследованию и предотвращению преступлений, а также экспертную и судебную деятельность по уголовным делам.

В последние годы отдельными учеными-криминалистами ставится вопрос о распространении достижений криминалистической науки и на другие сферы юридической деятельности – гражданский, арбитражный и административный процессы [3, с. 13; 8]. Но следует ли расширять предмет криминалистики, выходить за рамки уголовно-правовой сферы в целях криминалистического обеспечения указанных цивилистических процессов?

Н.П. Яблоков полагает, что криминалистический арсенал технического, тактического и методического характера и накопленный опыт его применения в любой правоприменительной деятельности могут быть использованы без какой-либо перестройки системы криминалистики и создания в ней каких-либо особых подсистем. Например, в процессуальных действиях гражданского и арбитражного судопроизводства данные криминалистики могут использоваться при отборе, осмотре и исследовании документов, получении объяснений сторон и третьих лиц, получении образцов почерка для

сравнительного исследования подписей и текстов документов, при назначении экспертиз, оценке заключения эксперта и т.п. В административном производстве много общего в собирании доказательств с производством по уголовным делам: получение объяснений, осмотр предметов и документов, досмотр транспортных средств, личный допрос, осмотр участков местности и помещений и т.п. Tактический арсенал криминалистики может быть использован в любой указанной выше гражданско-правовой деятельности в конфликтных правовых ситуациях в целях правильного разрешения споров, исков [12, с. 16-25].

И действительно, следует ли расширять пределы предмета криминалистики за счет криминалистического обеспечения доказывания по гражданским, арбитражным и административным делам, или пусть цивилисты сами решают задачу по использованию достижений криминалистики в этих видах юридической деятельности?

В.Ю. Шепитько полагает: «Расширение пределов криминалистики является объективным процессом» [10, с. 34]. Аналогичного мнения придерживается и А.М. Кустов, который пишет: «Перед учеными-криминалистами встает исторический вопрос расширения предмета науки и сферы использования ее достижений – познание закономерностей механизмов правонарушений (преступлений и гражданско-правовых и административных проступков), закономерностей возникновения информации о самих правонарушениях и их участниках, закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств в гражданском, арбитражном и административном производстве, обеспечения криминалистическими разработками (на основе познания этих закономерностей) вышеуказанных судебных процессов». Исходя из этого, им делается вывод: «Криминалистическая наука стоит на пороге существенного расширения границ предмета науки и количества объектов научного познания» [7, с. 63].

М.В. Жужина и Е.П. Ищенко также ратуют за перестройку предмета и системы криминалистики, чтобы поднять ее на уровень междисциплинарной теории, повысить ее статус среди дисциплин гражданского профиля. Новое перспективное направление развития криминалистической науки им видится в научном обеспечении доказывания в другом (не уголовном) судопроизводстве [5, с. 23]. Их взгляды на данную проблему, от правильного разрешения которой зависит (без всякого преувеличения) судьба криминалистики, в основном сводятся к следующему:

1. Доказывание в судопроизводстве неуголовной сферы нуждается в криминалистическом обеспечении.

2. Положения и рекомендации криминалистики могут и должны получить интегрированный характер и быть подняты на надотраслевой уровень. Например, учения о версиях и планировании должны стать более обобщенными. Особенности же построения и проверки версий в неуголовном судопроизводстве должны содержаться в соответствующих разделах криминалистики с учетом специфики осуществляемого судопроизводства.

3. В пересмотре и развитии в данном направлении будут нуждаться все разделы криминалистики.

4. Тенденция к расширению предмета и системы криминалистики внутри ее разделов подтверждается разработкой новых теорий, касающихся тактики профессиональной защиты, тактики деятельности суда в гражданских и арбитражных процессах, тактики и методики выступлений государственного обвинителя в суде.

5. Криминалистику следует определить как «науку, изучающую закономерности возникновения следовой информации, средства, приемы и методы ее преобразования в судебные доказательства» [5, с. 24-25].

Оценивая указанные выше положения, следует отметить, что действительно в криминалистической науке, по мере ее развития, менялось представление о сфере применения ее положений и рекомендаций. Первоначально ее служебной функцией считалось обеспечение средствами, приемами и методами только досудебной деятельности.

В дальнейшем, учитывая потребности судебной практики, криминалистика была призвана разрабатывать тактику судебного следствия, а в нынешнее время – и частные судебные криминалистические методики, адресатом которых являются государственный обвинитель, защитник и суд [9, с. 66-71]. Эта тенденция развития криминалистики обоснованно нашла закрепление в ее предмете, сформулированном Р.С. Белкиным. В определении криминалистики фигурирует указание на разрабатываемые на основе познания определенных видов закономерностей специальные средства и методы *судебного исследования преступлений* [2, с. 112]. При этом под судебным исследованием он понимал совокупную деятельность органов дознания, следствия, суда, экспертных учреждений по установлению истины по делу [2, с. 84].

Такой статус криминалистики вполне оправдан, т.к. криминалистического обеспечения требует как стадия предварительного расследования, так и стадия судебного разбирательства уголовного дела с учетом особенностей данных видов уголовно-процессуальной деятельности.

Отвечая на вопрос, нуждается ли в применении криминалистических достижений неуголовное судопроизводство, следует исходить из потребностей цивилистической судебной практики и признать, что такая потребность стала реальностью. Источником происхождения средств и методов, используемых в доказывании по гражданским, арбитражным и административным делам, должны стать достижения именно криминалистической науки. Однако, на наш взгляд, средства и методы криминалистики должны быть адаптированы к указанным видам судебного процесса самими цивилистами в рамках соответствующих наук.

Так, источником происхождения самих криминалистических средств и методов, используемых в доказывании по уголовным делам, являются как собственные научные изыскания, так и достижения общественных, естественных, технических и других наук, которые активно, творчески приспосабливаются для решения задач, стоящих перед криминалистикой. И никому из авторов положений, разрабатываемых в пределах этих наук, не пришло в голову рассмотреть вопросы использования их достижений в непреобразованном или преобразованном виде в криминалистических целях (!). Эти вопросы всегда решались и решаются в самой криминалистике с учетом потребностей практики борьбы с преступностью и ее внутренних потребностей.

В связи с этим А.А. Эксархопуло замечает: «Известно, что физико-химические методы являются наиболее эффективными средствами и методами технико-криминалистического исследования документов, следов выстрела и взрывчатых веществ, не говоря уже о методах криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий. Но от этого предметная область естественных и технических наук, из которых эти методы были заимствованы криминалистикой, не распространялась на уголовное судопроизводство. А сами естественные и технические науки не претендуют на вторжение в криминалистическую сферу. Взаимопроникновение наук нельзя путать с взаимопоглощением» [11, с. 38]. По убеждению этого ученого, взаимопроникновение достижений разных наук ведет не только к более эффективному решению собственных проблем конкретной науки, но и к появлению пограничных наук – биохимии, математической физики, юридической психологии и других. «Так почему бы при тех же аргументах, – вопрошает А.А. Эксархопуло, – не начать создавать ту же криминалистическую цивилистику в рамках, например, «прикладной криминалистики», не вторгаясь в предметную область познания сформировавшейся науки?» [11, с. 39].

Разумеется, в этих рассуждениях ученого имеется рациональное зерно. Указанные выше его выводы сформированы не на пустом месте. Так, развитие психологической науки вызвало интерес криминалистов к вопросам психологии личности преступника, психологии отдельных участников уголовного судопроизводства. На стыке между криминалистикой, уголовным процессом, другими правовыми науками и психологией возникла специальная отрасль психологической науки – судебная (юридическая) психоло-

гия. Данные судебной психологии используются криминалистикой при разработке, в частности, тактики следственных и судебных действий как средства решения практических задач по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств. Сферой применения данных судебной психологии стали криминалистическая техника (например, используются ее данные для судебного почерковедения) и методика расследования отдельных видов убийства – при превышении пределов необходимой обороны, в состоянии сильного душевного волнения, матерью новорожденного ребенка.

Взаимодействие криминалистики с судебной психологией, а также с судебной медициной, судебной психиатрией, судебной бухгалтерией, судебной химией и некоторыми другими науками не означает поглощения этих специальных наук криминалистикой либо поглощения ими криминалистики. Такое взаимодействие в криминалистике с указанными специальными науками не привело к расширению границ предмета их «материнских» наук – психологии, медицины, психиатрии, бухгалтерии и т.д.

Такое решение вопроса о взаимодействии криминалистики с общей психологией, общей медициной, общей химией и другими науками, в котором посредником являются их специальные отрасли знания, призванные обслуживать своими данными практику борьбы с преступностью, является, на наш взгляд, вполне приемлемым при решении вопроса о взаимодействии криминалистики с цивилистическими науками.

Следует признать, что использование данных криминалистики в гражданском, арбитражном либо в административном судопроизводстве не лишает ее самостоятельности как науки и не ведет к расширению ее предмета. Данные криминалистики именно учитываются в указанных сферах судебной деятельности без их преобразования, а в необходимых случаях преобразуются с учетом специфики решаемых задач самими цивилистами. У криминалистов в неизменном виде должно остаться, по выражению О.Я. Баева, одно поле, которое называется уголовное судопроизводство.

Против расширения предмета криминалистики «путем отнесения к нему закономерностей любой правоприменительной деятельности, в ходе которой используются криминалистические приемы, методы и средства», выступает В.Н. Карагодин. По его мнению, «применение криминалистических знаний в административном, арбитражном и гражданском процессах не касается сущности предмета криминалистики» [6, с. 56-57].

Принципиальную позицию по этой проблеме, которую мы полностью разделяем, занимает О.Я. Баев. Он пишет: «Изучение возможностей использования достижений криминалистики в других, помимо уголовного, видах судопроизводства есть прерогатива соответствующих отраслей юридических наук (наук гражданского процесса, процессов административных и арбитражных) – существенная часть предметов исследований этих наук... поле игры у этих наук иное – неуголовное судопроизводство, выступающее полем для криминалистов, и, соответственно, «правила игры» на этом поле (по исследованию деликтов и споров) в этих видах процессов иные, чем на поле уголовно-процессуальном. И поэтому изучать возможность рационализации деятельности сторон в этих видах процесса должны не криминалисты, а профессионалы, ученые, специализирующиеся на изучении этих видов судопроизводства» [1, с. 322-323].

В аналогичном духе высказался по этой проблеме Л.Я. Драпкин: «Криминалистические методы и средства могут быть адаптированы и использованы в судебном производстве по уголовным и гражданским делам, в арбитражных судах, оперативно-розыскной деятельности, исторических, археологических и других научных исследованиях и соответствующей практической деятельности. Однако криминалистика, разрабатывая тактические и методические технологии, технико-криминалистический инструментарий, базируется главным образом на материалах уголовных дел и доследственных проверок, выполняя социальные запросы по защите прав и интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также и защите лиц от незаконного и необоснованного обвинения. Сфера применения различных криминалистических разра-

боток будет расширяться, но это ни в коей мере не свидетельствует о том, что криминалистика специально создает методы и средства для различных видов и направлений теоретической и практической деятельности» [4, с. 327].

Таким образом, повышение статуса криминалистики среди наук цивилистического профиля должно обеспечиваться не путем нацеливания ее на обслуживание гражданского, арбитражного или административного судопроизводства и перестройку в связи с этим ее предмета и системы, а за счет популяризации значения ее достижений для данных видов юридической деятельности и внедрения криминалистической составляющей в указанные цивилистические процессы. Решение этой задачи должно быть обеспечено прежде всего усилиями самих цивилистов. Изучение закономерностей собирания, исследования, оценки и использования доказательств в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве и обеспечение на основе познания этих закономерностей криминалистическими методами и средствами этих видов судебных процессов – прерогатива соответствующих цивилистических наук. По этой причине перед наукой криминалистикой не стоит и не должен стоять «исторический» вопрос о расширении объектов научного исследования и пределов ее предмета в связи с необходимостью использования методов и средств криминалистики в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве. Она была и должна остаться в границах только уголовно-процессуальной сферы деятельности.

В связи с обсуждаемой проблемой следует заметить, что оперативно-розыскная деятельность не входит в перечень объектов изучения криминалистикой. Этот специфический вид деятельности изучается теорией оперативно-розыскной деятельности, а не криминалистикой, несмотря на то, что ОРД зародилась в недрах криминалистической науки. В ОРД используются методы и средства криминалистики в своих специфических целях. И криминалистика в своих целях использует наработки теории оперативно-розыскной деятельности. Такое взаимопроникновение этих наук – процесс естественный, отмечает О.Я. Баев [1, с. 314]. И мы с ним в этом солидарны.

Литература

1. Баев О.Я. Самоидентификация современной криминалистики (объект, предмет и субъективная система современной науки криминалистики) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т.1. М.: Юристъ, 1997.
3. Волчецкая Т.С. Перспективы и пути развития современной криминалистики // Современное состояние и развитие криминалистики: сб. науч. тр. Харьков: Апостиль, 2012.
4. Драпкин Л.Я. Развитие криминалистики и трансформация определения ее предмета // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5).
5. Жижина М.В., Ищенко Е.П. История и современные представления об объекте и предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
6. Карагодин В.Н. Формирование и развитие современных представлений об объекте и о предмете криминалистики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
7. Кустов А.М. Научный взгляд на предмет и объект российской криминалистики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
8. Рожков А.Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003.
9. Чурилов С.Н., Никифоров В.Г. Основания построения частных судебных криминалистических методик // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2 (39).
10. Шепитько В.Ю. Криминалистика в системе научного знания: задачи и некоторые тенденции в современных условиях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
11. Эксархопуло А.А. Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 3 (4).
12. Яблоков Н.П. Теоретические и практические аспекты применения данных криминалистики в правоприменительной и иной юридической деятельности // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 3 (31).

УДК 343.61

ЗНАЧЕНИЕ МЕТОДА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анджела Леонидовна Оболкина, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: Obolkinand@mail.ru

В соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следователю предоставлено право самостоятельно определять направление в расследовании уголовного дела. Автор считает, что применение метода моделирования в ходе исследования обстоятельств дорожно-транспортного происшествия позволяет более полно восстанавливать картину случившегося.

Ключевые слова: моделирование; расследование; дорожно-транспортное происшествие.

THE VALUE OF THE METHOD OF SIMULATION IN THE ORGANIZATION OF INVESTIGATION ROAD TRAFFIC OFFENCES

Angela Leonidovna Obolkina, chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In accordance with the requirements of the criminal procedural code of the Russian Federation – the investigator has the right to independently determine the direction in investigation of the criminal case. In our opinion, the application of modeling method in the study of the circumstances of a traffic accident allows us to more fully reconstruct the incident.

Keywords: modeling; investigation; traffic accident.

Каждое преступление представляет собой событие, происходящее в определенном месте, в определенное время и в определенной обстановке, и ему обычно сопутствуют те или иные подготовительные действия и побочные явления, связанные, в том числе, и с сокрытием преступниками следов преступления. Все эти обстоятельства должны быть установлены и проверены в ходе предварительного расследования, целью которого является формирование системы доказательств, в том числе для последующего судебного установления истины по уголовному делу. (Здесь мы позволим себе не вступать в дискуссию о том, какая истина подлежит установлению в ходе уголовного судопроизводства и возможно ли установить истину, поскольку отказ от законодательного закрепления категории «истина» позволяет оперировать иными понятиями, выражающими разные степени соответствия доказательства действительности.)

Дорожно-транспортное происшествие является сугубо индивидуальным как по характеру, так и по совокупности фактических обстоятельств, комплексу причин, вызвавших его, поэтому раскрытие и расследование преступлений, связанных с данными событиями, относится к категории наиболее сложных. Необходимо отметить, что любое преступление как событие, лежащее в прошлом, требует исследования всей картины случившегося; установления и доказывания всех обстоятельств, имеющих значение при расследовании уголовного дела.

Рассматриваемую категорию преступлений не представляется возможным в полном объеме познать, если не рассматривать ее как определенную систему, состоящую из разнообразных свойств, связанных между собой специфически взаимосвязанными и вза-

имозависимыми элементами, подчиненными в ходе его совершения своеобразным закономерностям, проявляющимся в определенной последовательности с течением времени, в рамках которого происходят изучаемые явления [4, с. 166].

Несмотря на небольшое снижение количества серьезных ДТП в России в 2014 г. (на 2,1%), количество преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств (ст. 264 УК РФ), уголовные дела о которых находились в производстве на начало отчетного периода или зарегистрированы в отчетном периоде на территории России, составило 34 626*. Учитывая тот факт, что большинство ДТП в ходе расследования считаются раскрытыми, часто сроки предварительного расследования превышают два месяца. В качестве основных причин, которые не позволяют завершить следствие в разумные сроки, можно выделить: гибель обоих водителей (например, при столкновении), невозможность производства следственного эксперимента (изменение погодных условий), отсутствие очевидцев ДТП и т.д. В то же время, чтобы картина совершенного преступления в целом была ясна, требуется выяснить все детали дорожно-транспортного происшествия. Решение перечисленных задач дает возможность следователю представить точную картину события, а иногда – выявить преступника и мотивы преступления.

Затруднение в начале расследования часто вызывает определение мотива совершения преступления. Однако как бы ни была ясна картина дорожно-транспортного происшествия, нельзя руководствоваться только одной, самой правильной, как представляется следователю, версией, поскольку увлечение единственной версией не позволит выявить того, что ей противоречит.

В связи с этим необходимо прежде всего проанализировать первоначальный этап расследования данной категории преступлений, выявить типичные следственные ошибки. Так, возбуждение уголовного дела и расследование дорожно-транспортного происшествия начинается, как правило, при наличии данных о лице, его совершившем (благоприятная следственная ситуация). В то же время для установления факта и причин дорожно-транспортного происшествия, выявления лица (лиц), причастного(ных) к его совершению, большое значение имеет такое первоначальное следственное действие, как осмотр места происшествия. Построение, а точнее, восстановление картины дорожно-транспортного происшествия происходит при осмотре места происшествия постепенно, по мере обнаружения и накопления данных. Правильное восприятие обстановки при осмотре позволяет «представить картину события, дает необходимую эмпирическую базу для выдвижения версий, проведения других следственных действий» [8, с. 51]. Большое значение имеют оставленные в ходе дорожно-транспортного происшествия следы, полученные в ходе осмотра места происшествия, к которым следует отнести: следы рук, ног, транспортных средств, запаховые следы, микрообъекты и другие данные о событии преступления (особенно в случае, когда водитель, предполагаемый виновник, скрылся с места ДТП). Даже в случае, когда на месте происшествия не обнаружено следов преступника, тем не менее, неоценимый вклад в раскрытие преступления вносят результаты анализа обстановки места происшествия. Поскольку у преступника множество дорог, о которых ничего не известно правоохранительным органам, вместе с тем именно место происшествия является тем местом, где преступник побывал хотя бы непродолжительное время [9, с. 55].

Анализ материалов судебно-следственной практики показывает, что в ходе расследования дорожно-транспортных происшествий данное следственное действие часто проводится несвоевременно, поверхностно (формально). Объясняется это не только уровнем подготовки должных лиц, уполномоченных производить осмотр, но и особенностями уголовно-правового регулирования общественных отношений, возникающих в ходе дорожно-транспортного происшествия. Напомним, что уголовная ответственность

* URL: http://www.gazeta.ru/auto/2015/04/07_a_6629941.shtml

по ст. 264 УК РФ наступает при наличии последствий, предусмотренных диспозициями данной нормы (тяжкий вред здоровью, смерть одного, двух и более лиц). В связи с этим, в случае отсутствия на момент ДТП хотя бы одного из указанных последствий, следственно-оперативная группа на место происшествия не выезжает и, соответственно, осмотр места происшествия в тот момент не производится. Впоследствии проведенное данное следственное действие не приносит должных результатов.

На наш взгляд, основная проблема заключается в том, что следователю в ходе расследования постоянно приходится сталкиваться с различного рода ситуациями, которые требуется правильно воспринимать, профессионально анализировать, как можно быстрее создавать полное представление о случившемся, тем самым правильно их решать, однако это не всегда представляется возможным. Для этой цели субъект расследования должен использовать весь арсенал имеющихся методов и способов, которые бы позволили познать происшедшее событие. По нашему мнению, наиболее оптимальным способом исследования дорожно-транспортного происшествия является метод моделирования, который в комплексе с другими методами познания (наблюдение, эксперимент и т.д.) позволит максимально решить задачи предварительного расследования.

Впервые рекомендации по применению метода моделирования в расследовании преступлений были отражены в работах основателя криминалистики Г. Гросса; использование исследуемого метода упоминались и в трудах российских криминалистов В.И. Громова и И.Н. Якимова. При этом данные ученые не применяли термина «моделирование», а рекомендовали в целях поиска виновного воссоздавать картину происшедшего события.

Необходимо отметить, что спектр дискуссионных вопросов применения метода моделирования в криминалистике достаточно широк – от оправданных сомнений в возможности его реализации при раскрытии и расследования преступлений до обоснованного его применения [5, с. 48].

По мнению В.С. Бедрина, именно моделирование является эффективным методом творческой деятельности и способно обеспечить создание четкого и высокоэффективного алгоритма действий участников уголовного процесса, охватывающего все стороны их деятельности в процессе расследования ДТП [1, с. 43].

Рассмотрим основное понятие и сущность этого метода, а также специфику его применения при расследовании дорожно-транспортных происшествий.

Так, материалистическая диалектика рассматривает моделирование как одно из средств отображения и познания действительности. По своему изначальному предназначению оно призвано оказывать содействие в раскрытии закономерностей природы и общества [6, с. 78]. Существующие в науке определения моделирования в своей основе неоднозначны. Детальный анализ основных имеющихся определений позволяет заключить, что моделирование необходимо рассматривать прежде всего как метод познания явления или события.

По мнению С.В. Экишевой, метод моделирования целесообразно применять лишь в определенных случаях, в частности:

- когда объект существовал в прошлом и его уже нет на момент расследования преступления (например, дорожное происшествие);
- когда объект познания только будет существовать в будущем (например, в ходе подготовке к предстоящему допросу происходит моделирование развития ситуации);
- когда познаваемый процесс протекал или слишком быстро, или слишком медленно [9, с. 36-37].

Моделированию должны подлежать следующие стороны процесса расследования ДТП:

- 1) реконструирование механизма дорожного события в целях установления обстоятельств, имеющих значение для расследования преступления;

2) деятельность органов предварительного расследования на отдельных этапах расследования.

Реконструирование события преступления рассматривают как ретроспективное моделирование (обращение в прошлое), которое направлено на воссоздание в настоящем некоего информационного макета, позволяющего познать условия, содержание и результат доказательственной деятельности, протекающей в определенных процессуальных рамках [7, с. 303-306].

Другим направлением мысленного моделирования в расследовании преступления является перспективное моделирование (обращение к исследованию событий будущего), которое может быть представлено в дальнейшем плане расследования уголовного дела, плане производства отдельного следственного действия (в том числе в выборе тактических приемов), в моделировании развития ситуации в ходе его производства.

Как отмечал в своих исследованиях И.М. Лузгин, ретроспективное и перспективное моделирование основаны на информации по уголовному делу, специальных знаниях и опыте следователя [2, с. 4]. Несмотря на единый информационный источник (материалы уголовного дела) содержание и направление у них различны.

Создание модели расследуемого события может (условно) включать в себя следующее:

- выделение на основе имеющихся фактических данных криминалистической характеристики дорожно-транспортного происшествия; обобщение практики и личного опыта субъекта моделирования общего представления о ДТП в подобных ситуациях;
- заполнение типовой структуры модели полученной следователем информации об отдельных элементах преступления;
- фиксация построенной модели различными способами, в том числе в протоколах следственных действий.

Несмотря на индивидуальность каждого отдельно взятого дорожного происшествия, есть необходимость установить общие для всех ДТП элементы, такие как время, способ, обстановка и др. Например, среди основных причин ДТП можно выделить превышение скоростного режима, нарушение правил обгона и т.д.

Таким образом, следователь в ходе расследования дорожного происшествия сталкивается с однотипными обстоятельствами, что позволяет в конечном итоге построить типовой «скелет» мысленной модели, куда войдут как вышеперечисленные, так и иные составляющие. Кроме того, на наш взгляд, мысленная модель преступного события должна включать анализ предкриминального, криминального и посткриминального поведения личности.

Моделирование предкриминальной ситуации (например, в ходе возникновения опасной ситуации; перехода управляемой ситуации для водителя в неуправляемую) позволяет получать новые данные, дополнительную информацию о ДТП.

В ходе построения мысленной модели предкриминальной ситуации ДТП следователь устанавливает ее типовой образец, куда входят следующие данные: время, место и обстановка происшествия, дорожная обстановка, сведения о транспортном средстве, о личности водителя, личности потерпевшего и т.д.

Выстроив мысленную модель предкриминальной ситуации расследуемого дорожного происшествия, следователь сможет уяснить сущность случившегося, грамотно разработать и выстроить дальнейший план расследования, а также построить модели собственно криминальной и посткриминальной ситуации ДТП.

На момент расследования дорожно-транспортное происшествие уже произошло и не существует в реальной действительности, а для воссоздания события преступления следователь выстраивает информационную модель.

Для построения модели криминального события конкретного дорожного происшествия следователю необходимо определить круг вопросов, подлежащих выяснению,

полученные ответы на которые в совокупности позволят восстановить картину случившегося. Прежде всего к ним можно отнести:

- личность нарушителя правил дорожного движения (информация, включающая сведения о профессиональной подготовке, стаж вождения, состояние здоровья и т.п.);
- личность потерпевшего (особенности его поведения в момент совершения преступления, независимо от того, кем он был до аварии – пассажиром, водителем или пешеходом);
- техническое состояние транспортного средства;
- обстановка совершения дорожного происшествия (сюда можно отнести не только дорожные и климатические условия, но и психологическое состояние участников дорожного движения).

Определившись с основными элементами «скелета» модели непосредственного дорожного происшествия, следователь анализирует имеющуюся информацию и определяет компоненты, необходимые для наполнения мысленной модели.

Любое дорожно-транспортное происшествие, как и иное преступное явление, имея ситуационную основу, развивается в пространстве и во времени, поэтому для успешной мысленной реконструкции всех деталей ДТП необходимо шаг за шагом воссоздать все его компоненты. Начать выстраивать модель события преступления рассматриваемого вида нужно с анализа имеющейся у органов предварительного расследования информации. Поиск дополнительной информации происходит не только путем выдвижения версий и их проверки, но и путем применения криминалистической характеристики исследуемого преступления, систематизации уже имеющейся информации, анализа созданной модели криминального события.

После непосредственного совершения дорожно-транспортного происшествия наступает этап посткриминального поведения преступника, являющийся заключительным в триаде поведения лица при совершении ДТП. Содержание данного этапа включает в себя: анализ поведения лица после происшедшего (оказание необходимой помощи самостоятельно или с участием третьих лиц; покидание места аварии, в том числе на транспортном средстве; изменение обстановки места происшествия и т.д.). Таким образом, качественная сторона посткриминального поведения лица может указывать на содействие раскрытию преступления и установлению всех обстоятельств и, наоборот, свидетельствовать о противодействии лица органам предварительного расследования.

Изучение всей цепочки преступного поведения лица (заполнение «скелета» модели) обуславливает успешность деятельности по расследованию любого преступления, в том числе и дорожно-транспортного.

Исследуя процесс применения метода моделирования, можно представить, что, анализируя полученную информацию о совершенном дорожно-транспортном происшествии, мыслительная деятельность следователя первоначально обращается к фактам настоящего, а именно к явлениям (событиям), которые он непосредственно воспринимает (обстановка происшествия, показания его участников), после чего он «обращается» к прошлому, тем самым реконструирует событие преступления. Получив необходимую информационную базу, следователь прогнозирует дальнейшую деятельность по расследованию происшествия. Одной из особенностей моделирования предварительного производства по уголовному делу является соединение разновременных элементов, так или иначе связанных с ДТП, относящихся не только к прошлому и будущему, но и к настоящему. Такая последовательность познания выступает закономерностью процесса моделирования [2].

При определении сфер применения моделирования в криминалистике С.В. Экишева обращает внимание:

- на практическую деятельность следователя при расследовании конкретного преступления;

- научно-исследовательскую деятельность по изучению судебно-следственной и экспертной практики;
- учебно-педагогическую деятельность, включающую как подготовку экспертов, так и следователей [9, с. 39].

Так, например, В.В. Мальханов, анализируя предметное макетное моделирование в деятельности по выявлению и расследованию преступлений как разновидность моделирования, делает вывод о более широком его применении в профессиональной и вузовской подготовке специалистов. Использование данного метода позволит, по мнению автора, развивать практические навыки применения методических рекомендаций криминалистики, накапливать профессиональный опыт и совершенствовать профессиональные качества следователя [3, с. 11].

Заметим, что моделирование – не панацея от всех бед, это лишь вспомогательный инструмент для познания совершенного дорожно-транспортного происшествия и прогнозирования дальнейшего расследования, а также совершенствования теории и практики при подготовке специалистов для органов предварительного расследования.

Литература

1. Бедрин В.С. Моделирование процесса расследования дорожно-транспортного происшествия на первоначальном этапе в ситуации, когда лицо, его совершившее, скрылось с места преступления // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2009. № 3 (10).
2. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981.
3. Мальханов В.В. Предметное макетное моделирование в деятельности по выявлению и расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
4. Мерецкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации. М., 2007.
5. Мухин Г.Н. Общенаучные методы криминалистики: метод моделирования // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 4 (44).
6. Оболкина А.Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам (сравнительно-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.
7. Хорошева А.Е. О роли моделирования в судебном заседании: криминалистическое исследование // Библиотека криминалиста. 2014. № 1.
8. Чуфаровский Ю.В. Психология осмотра места происшествия // Следователь. 1997. № 6.
9. Экишева С.В. Применение криминалистической реконструкции при расследовании преступлений // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 3 (47).

УДК 343.982

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НАВИГАЦИОННОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ПО НЕКОТОРЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Сергей Михайлович Колотушкин, профессор кафедры доктор юридических наук, профессор;

Анна Юрьевна Забавина, адъюнкт

(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: Kolotushkinsm@mail.ru

anna236809@yandex.ru

В статье представлены возможности применения навигационных систем как технико-криминалистического средства при раскрытии и расследовании преступлений. Авторы обращают внимание на внесение нормативно-правовых изменений в Правила охоты, Лесной кодекс РФ, Красную книгу РФ.

Ключевые слова: спутниковые навигационные системы; чипирование; навигаторы; навигационная информация; раскрытие и расследование преступлений.

USING THE NAVIGATION POSITION OBJECTS IN SOME AREAS OF SECTORAL LEGISLATION FOR THE PURPOSES OF DISCLOSING AND INVESTIGATION OF CRIMES

Sergei Mikhailovich Kolotushkin, chair professor Doctor of Law, professor;

Anna Yurevna Zabavina, post graduate

(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article presents the possibility of using navigation systems as a forensic tool in the detection and investigation of crimes. The authors draw attention to the introduction of regulatory changes to the Rules of hunting, the Forest code of the Russian Federation, the Red Book of the Russian Federation.

Keywords: satellite navigation systems; chipping; navigation; navigational information; disclosure and investigation of crimes.

Использование спутниковых навигационных систем (далее – СНС) успешно может применяться правоохранительными органами при расследовании многих видов преступлений, например, при расследовании незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и соответственно при проведении ОРМ по подозрению в совершении данных преступлений. Так, среди опрошенных сотрудников ОВД актуальность расследования данного вида преступлений с помощью СНС было названо в 3,6% случаев (из максимальных 7,7%).

Возможности СНС при расследовании незаконной охоты состоят в следующем.

Одно из «нововведений» охотников – это использование чипов на ошейниках собак, собачьих жилетах или чипов, непосредственно имплантированных собаке под кожу. Если собака взяла след на охоте, то навигатор покажет направление ее движения и охотник сможет его найти. Система позволяет отслеживать след собаки на расстоянии 8 км на открытой местности.

Garmin – одна из многих компаний, которая расширила возможности потребительского рынка в данной области. Датчик (подкожный или на ошейнике) рассчитывает точное местоположение собаки с добычей, принимая сигналы от спутников, а затем отправляет всю информацию на устройство охотника, которое при этом сохранит все по-

следние записанные координаты. В результате собаки с такими ошейниками (чипами) гонят животное, а охотники, видя перемещение собак, выстраиваются в нужном направлении для забоя животного. Некоторые навигационные системы способны отсылать отчеты о местоположении животного непосредственно на мобильный телефон, но собака не всегда находится вне зоны покрытия сети, и в результате снятие информации именно с навигатора способно дать правоохранительным органам неоспоримые доказательства совершения незаконной охоты. Более того, может помочь и сама информация о датчике на собаке, передающем сведения о ее местонахождении.

В России такие новшества ведения охоты пока не достаточно широко распространены, а вот в некоторых зарубежных странах (Швеция) применяются весьма активно*. При вводе номера чипа в базу данных можно получить информацию о клинике, где вживили чип, и о хозяине собаки, что может стать неоспоримым доказательством, кому принадлежит собака, участвовавшая в незаконной охоте.

Здесь, однако, возможна следующая проблема: чип у собаки вживлен, и охотник будет использовать его при осуществлении незаконной охоты, однако собака при этом в базу данных не внесена, что затруднит выяснение информации о принадлежности животного и соответственно выявлению виновных в совершении деяния. Также в связи с некоторыми неудобствами для собаки, связанными со вживленным чипом, многие охотники, возможно, предпочтут использовать ошейники или жилеты с навигационными датчиками (особенно популярны жилеты, т.к. они защищают собаку от зубов животного).

Данная проблема с успехом могла бы быть решена путем внесения изменений в Правила охоты [2], в раздел VI, регулирующий особенности охоты с собаками охотничьих пород. Необходимо дополнить данный раздел п. 43.1 следующего содержания: «43.1 Собаки охотничьих пород должны быть чипированы и внесены в единую электронную базу охотничьих собак. Использование на охоте собак, не отвечающих данным требованиям, запрещено».

Такое чипирование собак могло бы разрешать проблемы и с расследованием уголовных дел, где фигурируют собаки, например, как источник причинения вреда здоровью или угрозы жизни человека.

Использование навигационных систем могло бы помочь и в расследовании нарушений правил охоты в случаях, когда охотники используют капканы, которые Правилами охоты (п. 52.1.1) запрещены. Поэтому в рамках ОРМ, проводимых по признакам подготавливаемых или совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, может осуществляться снятие информации с навигаторов охотников в целях выявления их маршрутов и последующего прохождения по данным тропам и выявления установленных капканов. Более того, охотники часто сами используют навигационные метки, устанавливая их на ловушки/капканы, для последующего обхода всех меток по своей охотничьей тропе и нахождения ловушки со зверем, в том числе в случае ее срыва. Снятие информации с навигатора подозреваемого лица позволит получить данные обо всех подобных ловушках. В таких случаях само обнаружение навигационных приборов с подобными введенными координатами уже может быть достаточным поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 258 УК РФ.

Актуально применение чипов для домашних животных. Имеется практика вживления чипа с информацией о питомце и о его владельце собакам-поводырям, а также высокопородным, клубным выставочным собакам, стоящим немало денег. Так, например клубный щенок породы померанский шпиц от выставочных родителей стоит 100 тыс. руб., а экзотическая кошка породы канадский сфинкс – 60 тыс. руб. В России с 2004 г. ведется регистрация в Единой национальной идентификационной базе животных, которая создана для идентификации при утере, похищении животного с целью

* URL: <http://www.wehunt.se/gps-tracker> (дата обращения: 03.09.2015).

его перепродажи или выкупа хозяином [1]. Так, 29 июля 2015 г. в Москве была похищена собака-поводырь. После поисков и оповещения в СМИ собаку нашли и опознали по сканированной информации с чипа, вживленного под кожу*. Однако данный вид чипирования не решает проблемы похищения домашних животных, поскольку с него возможно лишь считывание информации, но трекерных функций (навигационного слежения за маршрутом передвижения объекта) в нем нет.

СНС могут помочь и в предупреждении совершения рассматриваемого преступления, т.к. снятие информации с навигатора охотника поможет контролировать маршрут его передвижения, предотвращая нахождение на заповедной территории и охоту вне охотничьего сезона. С этой целью, как представляется, было бы эффективным обязать всех охотников иметь при себе навигаторы. Соответствующие изменения необходимо внести в п. 3.2 Правил охоты, дополнив его подпунктом «ж» с указанием на невозможность охоты без использования навигатора.

Еще один вид преступлений, при расследовании которых может быть эффективным применение СНС, – это незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ). Респондентами актуальность расследования данного вида преступлений с помощью СНС была названа в 4,7% случаев (из максимальных 7,7%).

Так, например, имея оперативную информацию о пути следования преступников, возможно установление навигационных меток, скрепленных друг с другом леской по периметру охраняемой территории с выводом координат на навигатор. По одному из подобных дел предположительно было три варианта дорожного пути следования преступников, и один из них сработал. Камаз, везущий незаконно срубленную древесину, задел леску с меткой.

С помощью навигатора может фиксироваться граница делянки, вычисляться ее площадь, затем параметры делянки сравниваются с технологической картой. В особых случаях информация о вырубленном древостое может быть восстановлена по пням.

Возможно чипирование стволов деревьев, когда в случае сруба дерева с чипом и соответственно его перемещения будет поступать сигнал в диспетчерскую, что поможет определить квадрат координат местоположения незаконной порубки. Если к этим данным добавить фотофиксацию со спутника, то может быть оформлена прочная доказательственная база в отношении того, что то или иное дерево с чипом, с которого пришел сигнал, было срублено именно в запрещенном для порубок месте. Более того, после поступления уже одного сигнала с чипа лесник, находящийся в данном уголке, вместе с правоохранительными органами в течение двух-трех часов сможет прибыть на место происшествия. Безусловно, за это время может быть срублено до пяти деревьев, однако в результате оперативного вмешательства дальнейшая порубка может быть пресечена.

Конечно, чипировать все 100% насаждений в наших лесах невозможно. Однако, полагаем, вполне реально произвести чипирование деревьев ценных пород, деревьев, расположенных в природоохранных зонах, пород деревьев, заготовка древесины которых не допускается, а также деревьев, занесенных в Красную книгу. Для этого необходимо внести изменения в ряд нормативных актов:

- часть 6 ст. 29 Лесного кодекса РФ, содержащую перечень видов (пород) деревьев и кустарников, заготовка древесины которых не допускается, следует дополнить следующим положением: «Виды (породы) деревьев, заготовка которых не допускается, подлежат чипированию средствами навигационных систем»;

- пункт 2 Постановления Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 158 «О Красной книге Российской Федерации» [4] дополнить абзацем следующего содержания: «Виды (породы) деревьев, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, подлежат чипированию средствами навигационных систем»;

* URL: <http://www.kp.ru/daily/26416.4/3289827> (дата обращения: 04.09.2015).

- особенности использования ценных лесов [3] дополнить п. 3.1 следующего содержания: «Деревья ценных древесных пород (дуб, бук, ясень, кедр, липа, граб, ильм, ольха черная, каштан посевной), произрастающие на границе их естественного ареала (в случаях, когда доля площади насаждений соответствующей древесной породы в составе лесов не превышает 1% от площади лесничества (лесопарка), а также деревья, расположенные на особо защитных участках лесов, подлежат чипированию средствами навигационных систем».

Следует отметить, что возможности СНС могут быть использованы не только для борьбы с незаконными рубками лесных насаждений, но и для противодействия незаконному обороту (хищениям) законно заготовленной древесины (распила), отслеживания каналов перемещения похищенного леса и мест сбыта древесины.

Оборот лесопромышленного комплекса составляет около 4 млрд дол. в год. Лесные ресурсы являются очень привлекательной сферой для криминальных структур, поскольку позволяют им получать быструю прибыль и при этом в большинстве случаев оставаться безнаказанными. По данным Фонда дикой природы (WWF), до 35% всей древесины, заготовленной в европейской части России, и более 50% древесины, заготовленной на Дальнем Востоке и Кавказе, имеют незаконное происхождение.

В декабре 2013 г. Лесной кодекс РФ был дополнен новыми главами (2.1–2.3), направленными на регулирование учета древесины и сделок с ней. Лесной кодекс РФ не перечисляет способы маркировки древесины, но, как показывает практика, маркировка чаще всего производится метками краской и гравировкой, ударными клеймами, этикетками, бирками, картами с магнитным кодом, смарт-картами; радиометками; идентификационными частицами microtaggant; химической краской-идентификатором; химическими и генетическими анализами и др. [5, с. 226]. Однако наиболее эффективными для расследования указанных преступлений могли бы быть именно навигационные метки, с помощью которых путь следования партии древесины можно было бы отслеживать с максимальной точностью. Подобные методы применяются в Финляндии и Швеции.

С 2004 г. ООО «Геонавигатор» разрабатывает и внедряет различные высокотехнологичные системные проекты, тесно связанные с анализом заготовки и транспортировки лесоматериалов и контролем над ними. Система записывает, воспроизводит и анализирует все перемещения лесозаготовительных и автотранспортных средств, а также параметры их состояния (показания датчиков), позволяет отображать их текущее местоположение на электронной карте, в том числе и в режиме реального времени.

Возможно также чипирование партий распила или бревен в целях отслеживания пути их следования. В результате этого становится возможным сверка и сопоставление разрешенных объемов заготовки древесины (по договорам купли-продажи и лесным декларациям); фактически заготовленной и вывезенной из леса древесины; сопоставление объемов поставки древесины потребителям; древесины, отгруженной на экспорт. При проведении ОРМ в данных случаях возможно установление контроля за так называемыми критическими контрольными точками. Это точки цепочки поставки, где несанкционированные материалы могут проникнуть в нее или быть изъяты из нее (например, куда может поступить нелегально заготовленная древесина или где может произойти смешение двух и более типов материалов, таких как древесина из сертифицированных и несертифицированных лесов). Критическими контрольными точками могут быть места лесозаготовок и складирования древесины, маршруты транспортировки древесины, пункты ее переработки и таможенного контроля [5, с. 228]. Для этого необходимо на подготовительном этапе, при осуществлении планирования данного ОРМ, предварительно произвести закладку датчика ГЛОНАСС в объект, подлежащий наблюдению. В то же время, в случае, если бы маркировка древесины навигационными датчиками была повсеместной, то для осуществления такого наблюдения достаточно было бы снятия информации с датчика-навигатора для определения пути его следования и дальнейшего за ним наблюдения. Если учесть то, что в настоящее время Лесной

кодекс РФ не устанавливает закрытого перечня способов маркировки древесины, то фактически ничто не мешает масштабному внедрению навигационных систем наблюдения для обеспечения законности оборота древесины, тем более, именно они наиболее эффективны при расследовании хищений в данной сфере.

Представляется, что внесение в отраслевое законодательство предложенных изменений и дополнений поможет существенно расширить возможности правоохранительных органов в использовании СНС для раскрытия и расследования преступлений.

Литература

1. Единая база данных животных. URL: <http://www.animal-id.ru> (дата обращения: 03.02.2015).
2. Об утверждении Правил охоты: приказ Минприроды России от 16 ноября 2010 г. № 512 (в ред. от 10.12.2013) // Российская газета. 2011. 24 февраля.
3. Об утверждении Особенности использования, охраны, защиты, воспроизводства лесов, расположенных в водоохраных зонах, лесов, выполняющих функции защиты природных и иных объектов, ценных лесов, а также лесов, расположенных на особо защитных участках лесов: приказ Рослесхоза от 14 декабря 2010 г. № 485 // Российская газета. 2011. 19 января.
4. О Красной книге Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 февраля 1996 г. № 158 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 9. Ст. 808.
5. Ракетов В.А. К вопросу о системе государственного учета заготовленной древесины как эффективном информационно-аналитическом средстве в деятельности подразделений БЭП по декриминализации лесного комплекса // Информационные технологии в оперативно-розыскной деятельности. 2011. № 10.

УДК 343.9

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Павел Александрович Жердев, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: pashkhv@yandex.ru

В статье анализируются процессуальные и криминалистические особенности изъятия электронных носителей информации по результатам следственных действий. Автором предложен алгоритм реализации тактических операций по уголовным делам о преступлениях, совершаемых с использованием компьютерных технологий.

Ключевые слова: специалист; компьютерная техника; электронные носители; криминалистически значимая информация.

TACTICAL FEATURES OF THE SEIZURES OF ELECTRONIC MEDIA

Pavel Aleksandrovich Zherdev, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article analyzes the criminalistic and procedural features of withdrawal of electronic media on the results of the investigation. In article, on the basis of the conducted research, the algorithm of realization of tactical operations on criminal cases about the crimes committed with use of computer technologies is offered.

Keywords: specialist; computer technician; electronic media; forensically important information.

Стремительное совершенствование компьютерных технологий, повсеместное распространение производства технических устройств и сферы их применения, широкая доступность средств электронно-вычислительной техники кроме упрощения различных технологических и бытовых процессов способствуют появлению новых видов преступных посягательств, объектами которых являются информационные данные, технические компоненты, а также денежные средства, находящиеся в обращении глобальных и локальных компьютерных сетей.

В настоящее время преступления в сфере компьютерной информации хотя и имеют незначительный удельный вес в общей структуре преступности (в сравнении с другими преступлениями), однако проявляют стойкую тенденцию к ежегодному росту. Количество преступлений экономической направленности, совершенных с использованием электронных средств, возрастает, а их способы становятся все более изощренными. Наиболее массовыми и прибыльными видами преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, являются мошенничества и кражи денежных средств со счетов граждан и организаций. Законодатель, стараясь адекватно реагировать на изменения в структуре преступности и ее рост в высокотехнологичной сфере, Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации и Федеральным законом от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

В содержательную сторону деятельности по изъятию электронных следов и носителей криминалистически значимой информации в сфере уголовного судопроизводства относят производство следственных осмотров, включая осмотр персональных компьютеров, серверов, сетей, обыск и выемку, а также производство оперативно-разыскных мероприятий.

Как показывает практика, выемка доказательственной информации связана со значительными трудностями, поэтому необходимо учитывать и применять комплекс мероприятий оперативно-тактического характера, который обеспечивает процессуальный порядок изъятия электронных следов в уголовном судопроизводстве [2, с. 325]. Для эффективной борьбы с данными посягательствами сотруднику органов внутренних дел необходимо владеть не только юридическими познаниями, но и иметь специальную подготовку в сфере компьютерных технологий и знать специфику обработки компьютерных данных.

Опрос специалистов в области безопасности компьютерной информации, проведенный В.Е. Козловым, показывает, что значительное большинство респондентов (90,48%) обращают внимание на ряд проблем, связанных с изъятием электронных носителей в процессе производства следственных действий [1, с. 179].

В процессе изъятия и осмотра средств электронно-вычислительной техники и информационных данных следователю следует быть готовым к возможности возникновения следующих неблагоприятных ситуаций:

- наличие компьютерных программ и специальных средств защиты от несанкционированного доступа, которые, получив от пользователя специальную команду, могут автоматически удалить всю информацию;
- попытки со стороны посторонних лиц или обслуживающего персонала повредить компьютерную технику в целях уничтожения информации и ценных данных;
- обнаружение на месте осмотра программно-технических средств, не знакомых следователю и специалисту.

Осмотр, обыск и выемка не заканчиваются обнаружением, изъятием ЭВМ и других периферийных устройств. Не следует забывать о возможном наличии доказательственной информации в памяти следующих электронных устройств: планшетного компьютера, телефона, смартфона, навигатора, «SMART»-устройств, подключенных к Интернету. Обращают на себя внимание устройства беспроводной сети, где в качестве ис-

точников подобного оборудования могут выступать «wi-fi»-роутеры. По своему назначению они являются своего рода мини-компьютерами, которые выполняют функцию распределения ресурсов интернет-канала.

Электронные носители могут содержать следующие виды данных:

- информацию в области государственной, служебной, коммерческой, банковской тайны, а также персональные данные граждан РФ;
- программы специального назначения (вредоносные программы, предназначенные для получения несанкционированного доступа к вычислительным ресурсам ЭВМ);
- информационные данные, запрещенные законодательством РФ к распространению (материалы по экстремистской деятельности, контент с признаками детской порнографии или жестоким насилием и др.);
- электронную переписку (корреспонденция лиц, осуществляющих преступную деятельность). При некоторых обстоятельствах электронные письма являются основным источником доказательств по уголовному делу либо дают органам дознания ориентирующие сведения. При помощи средств беспроводной связи и услуг электронной почты происходит сговор о совершении преступления: распространяются наркотические средства, совершается вымогательство, передаются существенные для дела сведения. В зависимости от складывающейся следственной ситуации и содержания задержанной электронной корреспонденции, она должна быть изъята путем копирования содержимого электронного почтового ящика абонента на электронный носитель компьютерной информации (жесткий диск, USB-флеш-накопитель и др.). Также следует сделать распечатку информации в бумажном варианте [5, с. 113].

Таким образом, сотруднику полиции необходимо обращать внимание на обнаружение тех следов и признаков, которые в дальнейшем могут выступать объектами экспертного исследования. С этой целью следует соблюдать правила обращения с изъятыми объектами, чтобы обеспечить их целостность, сохранность и доказательственную силу. Указанные мероприятия возможны только при непосредственном участии соответствующих специалистов.

На изъятых электронных носителях может оставаться интересующая следствие информация, которую преступник в целях сокрытия следов преступной деятельности заранее удалил с физических носителей – дисков или USB-флеш-накопителей. С использованием специального программного обеспечения исследуемые файлы могут быть восстановлены. В отделе компьютерно-технических экспертиз создаются и функционируют автоматизированные рабочие места для исследования электронных носителей информации. В частности, изделие «Поиск-И» предназначено для производства компьютерно-технической экспертизы машинных носителей информации и наиболее распространенных типов плат игровых автоматов, для исследования и анализа данных и разработки информационно-аналитических документов.

При обнаружении электронных носителей информации их осмотр на месте происшествия, как правило, затруднен [4, с. 35]. Кроме того, для исследования следов преступной деятельности может потребоваться продолжительное время.

Следует учитывать, что на электронных носителях наряду с криминалистически значимой информацией могут находиться важные сведения, которые необходимы для их владельцев. Данные сведения могут и не иметь отношения к уголовному делу. Невозможность их дальнейшего использования владельцами в связи с изъятием может нанести им неоправданный ущерб, так как владельцы изымаемых носителей информации могут быть не причастны к совершению преступления.

На обеспечение уточнения порядка изъятия электронных носителей информации направлены изменения ст. 81 УПК РФ, которая дополнена ч. 4, а именно: предметы и документы, изъятые в ходе досудебного производства, но не признанные вещественными доказательствами, включая электронные носители информации, подлежат возврату. Статья 82 УПК РФ, определяющая порядок хранения вещественных доказа-

тельств, дополнена положениями о том, что электронные носители информации хранятся в печатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления посторонних лиц с содержащейся в них информацией и обеспечивающих их сохранность. После производства необходимых следственных действий электронные носители информации возвращаются законным владельцам. В случаях, когда невозможно вернуть электронные носители информации законным владельцам, содержащаяся на этих носителях информация по ходатайству лиц может быть скопирована [3, с. 157].

Осмотр, обыск и выемка, применяемые в ходе расследования сетевых компьютерных преступлений, имеют выраженную специфику, по большей части связанную с особенностями информационных объектов и необходимостью применения для их обнаружения и фиксации специальных программных и аппаратных средств.

Многие исследователи имеют претензии к отсутствию уголовно-процессуальной регламентации возможности, порядка и особенностей использования таких средств.

Считаем, что выделение средств компьютерной техники как особого объекта следственного осмотра, сертификация программно-технических средств, обеспечивающих поиск, фиксацию и воспроизводимость обнаруженной компьютерной информации, и введение в УПК РФ нормы, регламентирующей выемку компьютерной информации из компьютерной сети, положительно скажется на расследовании рассматриваемых преступлений.

На практике используют возможности осмотра и судебной экспертизы, как минимум, в ситуации, когда требуется обнаружить, изъять и использовать в доказывании компьютерную информацию, находящуюся на электронном носителе. Причем, согласно наблюдениям, преимущественным способом обнаружения обозначенной информации является все-таки производство судебной компьютерной экспертизы.

В связи с этим актуальной видится проблема разграничения возможностей осмотра и судебной экспертизы, используемых для обнаружения и исследования компьютерной информации.

Решение этого вопроса, по нашему мнению, позволит правоприменителю в пограничной ситуации либо добиться экономии времени и затраченных усилий (при выборе осмотра как допустимого способа обнаружения и исследования компьютерной информации), либо избежать потерь и обнаружить важные сведения (при производстве судебной экспертизы в случае недопустимости проведения осмотра).

Отмеченные нами закономерности наглядно подтверждаются анализом практики раскрытия подобного рода преступлений.

Так, в период с 1 марта 2006 г. по 31 декабря 2007 г. С., являясь фактическим руководителем коммерческой организации, имея прямой умысел на уклонение от уплаты налогов в особо крупном размере, включил в налоговые декларации, предоставление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложные сведения относительно размера налога на добавленную стоимость. В результате государству был причинен ущерб на сумму свыше 23 млн руб. По данному факту правоохранительными органами г. Хабаровска было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ. В ходе расследования по месту нахождения коммерческой организации были изъяты системные блоки ЭВМ с находящимися в них жесткими дисками. Следователь назначил судебную компьютерную экспертизу. Перед экспертами был поставлен вопрос о наличии информации с определенными реквизитами на электронных носителях (например, реквизит «Наименование указанной выше коммерческой организации»). В результате были обнаружены файлы, содержащие требуемую информацию. Полу-

ченные сведения наряду с другими данными позволили следователю привлечь С. к уголовной ответственности*.

Уголовно-процессуальное законодательство не запрещает следователю назначить судебную экспертизу в целях обнаружения компьютерной информации и затем в рамках осмотра констатировать наличие этой же информации на электронном носителе. Но в этом случае, на наш взгляд, не соблюдается правило экономии процессуальных средств.

В заключение следует отметить, что повсеместное внедрение современных средств информационно-телекоммуникационных технологий в различные сферы деятельности государства привело к тому, что при производстве дознания и предварительного расследования все чаще возникает необходимость в применении специальных познаний и использовании результатов судебных экспертиз. Исходя из данной потребности, по уголовным делам, где в качестве предмета (орудий) совершения преступлений фигурирует компьютерная техника (информация), пристальное внимание следует уделять процессу обнаружения и изъятия информационных данных, которые после соответствующего процессуального закрепления получают статус доказательств. Здесь крайне важно обеспечить процессуальный порядок фиксации изъятых следов, их сохранение для исследования в целях дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу.

Литература

1. Козлов В.Е. Теория и практика борьбы с компьютерной преступностью. М.: Горячая линия-Телеком, 2002.
2. Мерецкий Н.Е. Источники исходной информации для выдвижения версий о совершении преступлений, связанных с несанкционированным доступом к компьютерной сети // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. М.-Милан, 2014.
3. Осипенко А.Л., Гайдин А.И. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1.
4. Шаров Ю.В., Жердев П.А. Методы и способы получения доказательственной информации с электронных носителей. Хабаровск, 2013.
5. Шурухнов Н.Г. Использование электронной почты (e-mail) в процессе организации и деятельности экстремистских сообществ: технология поиска и изъятия компьютерных сообщений при расследовании // Криминалистические чтения на Байкале–2015. Иркутск, 2015.

* Приговор Индустриального районного суда г. Хабаровска. Уголовное дело № 1-204/2011 // Архив Индустриального районного суда г. Хабаровска.

УДК 343.9

**СВОЙСТВА ХАРАКТЕРА ЛИЧНОСТИ ВЕРОЯТНОГО ПРЕСТУПНИКА
КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ**

Надежда Владимировна Прокопцева, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат педагогических наук;
Анастасия Александровна Карева, доцент кафедры Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук

E-mail: azp_prokoptsev@mail.ru
karevdok.27@mail.ru

В статье представлена классификация психофизиологических свойств личности вероятного преступника, проанализирована взаимосвязь этих свойств с умышленным причинением вреда здоровью, предложено подробное описание выделенных психотипов.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений об умышленном причинении вреда здоровью; психофизиологические свойства личности вероятного преступника; акцентуации характера человека; психотип.

**PROPERTIES OF THE PERSON CHARACTER OF THE LIKELY
CULPRIT AS AN ELEMENT OF CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC
OF INTENTIONAL INJURY HEALTH**

Nadezhda Vladimirovna Prokoptseva, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Pedagogy;
Anastasia Aleksandrovna Kareva, chair associate professor of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice *Kandidat nauk* degree in Law

The article presents a classification of psycho-physiological properties of the personality of the likely culprit, the relationship between these properties and the intentional injury health is analyzed, a detailed description of selected man types of the likely culprit is suggested.

Keywords: criminalistic characteristics of crimes of intentional causing damage to health; psycho-physiological properties of the personality of the likely culprit; character accentuation; man types of the likely culprit.

Вопрос криминалистической характеристики преступлений является актуальным для многих ученых. Данной проблеме посвящены труды А.Н. Колесниченко, В.Г. Танаевича, В.А. Образцова, И.А. Возгина, С.И. Винокурова, И.Ф. Герасимова, Р.С. Белкина, Л.Г. Горшенина. С учетом различных точек зрения на данный вопрос, под криминалистической характеристикой преступлений об умышленном причинении вреда здоровью (ст. 111-117 УК РФ) следует понимать совокупность научно обобщенных данных, отражающих наиболее типичные признаки этого вида преступлений, закономерные внутренние и внешние связи, обуславливающие оптимальное применение методических рекомендаций, тактических приемов и технических средств в процессе их раскрытия и расследования.

Отечественные криминалисты уделяют особое внимание изучению личности преступника как одному из важнейших элементов криминалистической характеристики

преступлений. В связи с этим имеется необходимость криминалистического рассмотрения свойств личности преступника в целях выделения у него черт, характерных именно для умышленного причинения вреда здоровью.

Г.Г. Зуйков рассматривал способ преступления как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, которые могут быть связаны с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий места и времени [9, с. 10].

Психофизиологические свойства преступника относятся к субъективным факторам и имеют большое значение для частной криминалистической методики по причине того, что лежат в основе выдвижения версии о личности преступника, позволяют ограничить круг лиц, среди которых может находиться преступник, установить цели и мотивы умышленного причинения вреда здоровью, способ преступления и в этом качестве влияют на определение направления расследования и решение других вопросов, связанных с расследованием преступления.

Недостаточный интерес к психофизиологическим свойствам личности вероятного преступника как составляющих элементов криминалистической характеристики рассматриваемого вида преступлений существенно снижает эффективность расследования преступлений. С нашей точки зрения, включение в криминалистическую характеристику описания типичной для данного вида преступлений личности вероятного преступника, с учетом его психофизиологических особенностей, обогатит ее содержание и будет иметь эффект значительной практической реализации.

Проанализируем криминальные проявления характера вероятного преступника, применительно к умышленному причинению вреда здоровью, во взаимосвязи с одним из направлений психофизиологии, изучающих акцентуации характера (крайние проявления его нормы) [5, с. 91-125; 10, с. 82-106] человека. Акцентуации включают в себя психологические, социально-психологические и физиологические качества, проявляющиеся непосредственно в свойствах характера, а также способные определенным образом проявить себя в преступной деятельности.

Существуют несколько типов людей, сформированных на основе совокупности специфических акцентуированных признаков. Это люди с астеническими, гипертимными, атлетоидными (эмоционально неустойчивыми, epileптоидными и истероидными) свойствами характера. Используемая нами классификация людей по их психофизиологическим особенностям достаточно условна, поэтому приведем ее общие научные критерии, необходимые при изучении взаимосвязей этих признаков с умышленным причинением вреда здоровью.

Астенический тип [1, с. 296-310; 3, с. 305-316] – физически слабый (греч.). В аспекте физиологического развития эти люди чаще всего узкоплечи: тело угловатое, удлиненное, мышцы конечностей развиты слабо, кости тонкие; длинная, плоская, узкая грудная клетка; отмечается истощенность. Лицо имеет угловатый профиль, кожа бледная. Овал лица удлинен книзу, подбородок небольшой, черты лица резкие и мелкие. Астенические женщины не только худощавы, но и малорослы. Астеникам присущи рационализм, склонность действовать по программе, ритуально, используя уже известный алгоритм либо подсказанный людьми из числа имеющих на них влияние. Астеники с трудом переключаются в сложных ситуациях, а попадая в них, стараются быстрее дистанцироваться. Длительное пребывание в экстремальных условиях приводит к эмоциональным взрывам, носящим оборонительный характер. В сложных ситуациях астеники предпочитают не выяснять отношений с обидчиками, а искать помощи у более сильных или имеющих высокое социальное положение, не найдя которой, будут терпеливо ожидать случайного разрешения конфликта. Для астеника дискомфортны значительное количество людей, шум, необходимость выступления перед аудиторией, самостоятельный выбор определенной цели, незнакомая обстановка, принятие ответствен-

ного решения, неизвестная деятельность, нередко вечернее время суток. Астеники комфортно себя чувствуют при общении с хорошо знакомыми людьми, любят монотонную работу, состоящую из одной-двух операций, утреннее время суток. Астеники склонны к уединению, их речь характеризуется точностью выражений, лаконизмом. Прежде чем сказать что-либо, они продумывают ответ, а при наличии сомнений лучше промолчат или постараются избежать разговора. На предложения соглашаются не сразу, а в сомнительной для себя ситуации обычно отвечают отказом. Астеникам свойственны нерешительность и пессимизм, они недоверчивы к людям. На обещания реагируют скептически, а оказавшись обманутыми, глубоко переживают. Люди этого типа способны к сильной концентрации внимания, которое у них небольшое по объему, но очень точное. Поэтому, воспроизводя увиденное, астеник не исказит информацию, однако ее объем будет невелик, хорошо запомнится, как правило, ее начало. Для астеников характерны тревожная мнительность и легкость возникновения навязчивых мыслей, страхов, опасений, переживание за будущее близкого человека сильнее, чем за свое. Нередко эти страхи толкают астеника на преступление. Слабое физическое развитие и отсутствие лидирующих наклонностей заставляют астеника всегда держаться в «тени», на периферии группы, а страх перед неопределенностью вынуждает искать ведущего, мнение которого практически непререкаемо и может стать мотивом преступления. Страх перед лидером у астеника пересиливает запреты уголовного закона.

Люди с гипертимными чертами [2] обладают объемной мускулатурой, широкими плечами, плотным телосложением, склонны к ожирению. Конечности у них, как правило, короткие, а лицо плоское, широкое с мягкими чертами. Гипертимам свойственны перепады настроения. Причем это в большей степени зависит от внутренних процессов (состояние здоровья, артериальное давление). К внешним факторам относятся мнение коллектива, а также погодные условия. В период повышенного настроения гипертим может много сделать. Преступник в таком состоянии может совершить серию деяний «на одном дыхании». Гипертимы обладают высокой потребностью в общении. К вечеру они находятся под впечатлением увиденного за день и тогда могут утомить собеседника разговорами. Речь гипертима отличается быстротой, импровизацией. Разговаривая, он часто смеется, склонен к выявлению противоречий в словах собеседника, хорошо управляет беседой. В депрессивном состоянии преобладает незавершенность фраз, односложность ответов, полных пессимизма. Гипертимам присуще многословие. Их характеризует усиление влечений и ослабление задержек, т.е. в фазе возбуждения границы между дозволенным и недозволенным стираются. Плохо воспринимают критику, самокритика слаба, а самомнение завышено. Среди гипертимов немало ленивых, поверхностных, необязательных и недобросовестных людей, отличающихся большой разбросанностью и неумением доводить дело до конца. Вместе с тем гипертимы не лишены творческих способностей, поскольку инициативны, энергичны, изобретательны, обладают стремлением к лидерству в группе. Предпочитают быть формальным лидером, что лишь упрочивает их неформальные позиции. Нередко стремление быть первым становится мотивом преступления. Они довольно деловиты, что в совокупности с энергичностью и инициативностью позволяет быстро адаптироваться к любой незнакомой для них деятельности, проявляя при этом максимум изобретательности, особенно вначале. Деловитость обычно бывает показной, с целью закамуфлировать отрицательные качества личности. Круг их знакомств весьма широк и включает, как правило, ровесников либо молодежь. Концентрация внимания невелика, однако объем запоминаемой информации значителен, но состоит из обрывочных, поверхностных знаний.

Следующую группу людей составляют атлетоиды [4, с. 183-191; 6, с. 103-116]. В отличие от предыдущих типов, они дифференцируются на три подгруппы – эмоционально неустойчивые, эпилептоидные и истероидно акцентуированные личности. Физическое состояние у них практически одинаковое. Тело и конечности пропорциональ-

ны, хорошо развита мускулатура, лицо имеет овальную форму и прямоугольный подбородок.

Эмоционально неустойчивые личности отличаются такими особенностями, как невыдержанность, нетерпеливость и, как следствие, недостаточная управляемость. Поэтому для них характерны крайние формы проявления как отрицательных, так и положительных эмоций. Реакция этих людей чаще всего импульсивна. Своих антипатий они не скрывают, компромиссов в конфликтах не приемлют, давая волю раздраженности. Их требования при этом часто беспочвенны и завышены, а если они не выполняются, то возможны эмоциональные вспышки. Конфликтуют, как правило, в незнакомой ситуации, причем с противником, который физически слабее. Если эмоционально неустойчивый тип не сможет взять верх в этом положении, то демонстративно уйдет, а если же возможна победа, то обязательно использует свой шанс и постарается нанести противнику сокрушительный удар. Агрессивность этих людей носит как бы превентивный характер, ибо они неправильно оценивают ситуацию, считая оппонента врагом, поэтому такая реакция служит средством подавления мнимой атаки. Однако они трусливы, боятся наказания, легко подчиняются силе, выбирая лишь те модели поведения, которые сулят немедленную радость или выгоду. Трусливость и примитивизм не позволяют занять ведущее положение. Обычно они становятся послушными орудиями лидеров преступных групп. Любят азартные игры и скоростную езду, могут вступать в ссору по незначительным поводам. Одна из особенностей эмоционально неустойчивых людей - безволие, чаще всего проявляющееся в явном нежелании учиться и работать. Они предпочитают праздный образ жизни, однако в поиске развлечений разнообразием не отличаются. В основном набор стандартный – алкоголь и дурманящие средства. Речь таких лиц не имеет логической последовательности, мышление ситуационно, лексический запас небогат, набор слов стандартен. Они не склонны к обмену мнениями, диалог для них неприятен. Даже если намечается компромисс или иное приемлемое решение, то любой пустяк может свести все на нет. Возможны проявления самоконтроля и исполнительской дисциплины, но лишь в перспективе получения значительной выгоды либо под жестким постоянным контролем. Эмоционально неустойчивые субъекты воспринимают ситуацию избирательно, т.е. под углом зрения своих симпатий и антипатий к объекту, но, воспроизводя увиденное, не фантазируют. Тем не менее, ответы из-за особенностей восприятия необъективны. Таких людей отличает нежелание подчиняться установленным нормам. Контакты их, как правило, поверхностны. Желание сиюминутной выгоды нередко становится мотивом преступления.

Главные черты эпилептоида [8, с. 52-59] – это инстинктивная напряженность, вязкость, тяжеловесность, инертность, накладывающие отпечаток на всю психику. Они склонны к агрессии и тесно связанной с ней аффективной взрывчатости. Агрессивное состояние может длиться днями и отличаться злобно-тоскливым, подавленным настроением, словно в ожидании чего-то плохого. Раздражение постепенно накапливается и при наличии объекта, на котором можно сорвать зло, выливается в аффектном выплеске. Поводом для него может быть что угодно. И это имеет свою логику, обусловленную определенными чертами характера. Раздражительность накапливается в сфере реализации суперидеи, точнее, невозможности ее осуществления. Взрыв же, как правило, происходит в сфере, далекой от нее, и может случиться в общественном транспорте, дома и т.д. Аффект отличается большой силой и продолжительностью, при этом эпилептоид обнаруживает склонность к садизму, сам ищет повод для конфликта. Аффект может возникнуть и вследствие властности, неуступчивости, жестокости и себялюбия. Поводом способно послужить даже незначительное ущемление его интересов (например, неисполнение указания). Аффект характеризуется безудержной яростью, циничной бранью, жестокими побоями, безразличием к слабому и беспомощному противнику, неспособностью учесть свою превосходящую силу. Эпилептоиды предпочитают крепкие спиртные напитки и крепкий табак, обнаруживают тягу к пиромании, обладают

изощренной мстительностью, отличаются коварством, любят наблюдать за мучениями противника. Обиды не забывают. В группе эпилептоид чувствует себя властелином, устанавливая свои правила поведения. Если же лидерство уже захватил другой, возможно угодничество, но в целях получения власти над определенной частью группы. В драке стараются схватить противника за горло, ударить его в живот или в промежность. Эпилептоиды склонны к сексуальным эксцессам, их половое влечение нередко сопряжено с садистскими устремлениями. Сексуальные влечения реализуются с большой силой, однако повышенная забота о своем здоровье заставляет отдать предпочтение постоянному партнеру. Эпилептоиды ревнивы, измен как действительных, так и мнимых не прощают. Очень азартны: играть могут запоем, нередко теряя контроль над собой и проигрываясь до нитки. Интересы эпилептоида нередко формируются в суперидею, которая становится доминантой, определяющей поведение. Ситуацию эпилептоиды воспринимают довольно точно. Однако точность восприятия объектов зависит от длительности наблюдения. В силу некоторой медлительности эпилептоиду нужен определенный промежуток времени для вживания в ситуацию. Точность воспроизведения и пунктуальность в деятельности нередко приводят эпилептоида к педантизму. Из-за него у эпилептоида возможны конфликты с людьми гипертимного типа и эмоционально неустойчивыми в силу несобранности первых и отношения к труду вторых. Агрессивность, однако, обычно проявляется как сдержанная раздражительность и чаще всего имеет место в случае противоречия чужих интересов его суперидее. Практицизм мешает им тратить время попусту. Алкоголь делает их болтливыми. Эпилептоиды бывают веселыми шутниками в чужой для себя компании, а в кругу близких они обычно сдержанны и немногословны. Речь эпилептоида характеризуют замедленный темп, обстоятельность и повышенное внимание к сказанному. Поэтому для акцентирования значимости сказанного эпилептоид делает паузы или повторяет фразу. Трудно переключается с одной темы на другую. Словарный запас, как правило, небогат, любит употреблять одно-два понравившихся слова. Основные черты эпилептоидов – целеустремленность, деловитость, стремление к лидерству, склонность к авторитарным (формальным и неформальным) методам управления. Круг их общения включает в себя профессионалов и людей, полезных в сфере суперидеи. При подборе людей для какой-либо деятельности эпилептоид считает, что если он что-либо может, то и другим это под силу. Отказ выполнять его поручения или просьбы приводит к желанию отомстить. Суперидея – это особая категория для эпилептоида, являющаяся двигателем его жизненных интересов и часто становящаяся мотивом преступной деятельности. Эти люди хорошо представляют цель, но плохо разбираются в средствах ее достижения.

К главной черте лиц истероидного [7, с. 248-262] типа относится стремление казаться значительнее, чем они есть на самом деле. Истероиды повсюду стремятся обратить на себя внимание, произвести эффект. Однако их достижения поверхностны, привязанности непрочны, а интересы неглубоки. Возможно обращение за помощью к другим. При этом истероид прибегает к лести либо обману с целью побудить к действиям. Жажда эффекта превращает деятельность истероида в «представление», сопровождающееся необычными, экстравагантными действиями. Как только желаемый эффект достигнут, истероид охладевает к делу. Общение истероидов избирательно. Для них важно, кому он нравится. Обычно этих людей привлекают яркие предметы, необычная информация, однако суть вещей до них доходит тяжело. Истероид не утруждает себя (свою память), обладая аномальной способностью к вытеснению (переставать помнить). Он может в определенный момент стирать из памяти знания о событиях, о которых ему невыгодно вспоминать. Поэтому, совершая преступление, истероид как бы говорит себе, что виноват не он, а случайное стечение обстоятельств. Еще одна характерная черта истероида – это необдуманность поступков, поскольку он в основном полагается на интуицию либо на исключительные качества, которые нравятся окружающим. Заметна также склонность к интригам и клевете. Воспроизведение ситуации у истерои-

да неадекватное, так как непонятные для себя элементы ситуации он нередко просто опускает, а взамен придумывает другие. Поэтому его речь цветиста, эмоциональна, но несодержательна. Много позы, жестов, явной лжи, причем истероид лжет с невинным выражением лица, поскольку неправда для него в этот момент занимает место истины. Среди истероидов нередко встречаются самонадеянные и кичливые, всегда демонстрирующие эти качества, чтобы выделиться среди других. Для того чтобы быть на виду, они могут совершить и преступление. Это происходит, когда истероид считает себя незаслуженно обиженным. Для большего эффекта он рассказывает о нечеловеческих усилиях, которые прилагал для преодоления рокового удара судьбы. Если же препятствие непреодолимо, то он может симулировать симптомы заболевания. В случае возникновения конфликта почти сразу бросается на противника в атаку. Однако последняя будет выражена в криках, ругани, а не в физическом насилии. Эти люди способны и к проявлению жалости, но и в ней они стремятся показать себя. Речь истероида образна, красива, изобилует характеристиками людей. Хорошо вживаясь в образ, он описывает поведение какого-либо человека от его лица, что мешает говорить логично. Истероид приспособляется к неожиданно изменившейся обстановке, чувствует малейшие колебания настроения собеседника. Нередко у него получается игра ради игры, а не для достижения конкретных результатов. Его отличает беспредельный эгоцентризм, жажда постоянного внимания к себе, восхищения, почитания, сочувствия. Он может предпочесть даже ненависть, но не безразличие. Лживость и фантазирование истероида целиком направлены на приукрашивание своей персоны. Ему присущи и суицидальные демонстрации. Способы суицида при этом избираются самые безопасные либо рассчитанные на пресечение окружающими. Нередки случаи суицидальной «сигнализации»: написание прощальных записок, «тайные» признания и т.д. Причиной может быть утрата внимания со стороны окружающих, потеря авторитета, необходимость избежать наказания. Анализ противоправного поведения истероидов показал, что им свойственны мошенничество, подделка ценных бумаг, обман и кражи у лиц, к которым вошли в доверие. Они избегают насилия, но перед сверстниками могут его совершить ради бравады, подражания. При этом за образец берутся люди действительно оригинальные, авторитетные и т.д. Истероиды обладают качествами ведущего, но предпочитают быть в числе приближенных к лидеру группы и пользоваться его расположением.

Рассмотренные свойства характеров определяют личность не в целом, а отдельные ее стороны. Это обусловлено тем, что они присутствуют у каждого человека не по отдельности, а в комплексе. Главная особенность сочетания признаков заключается в доминанте какого-либо одного из них.

Исследования криминалистов в области изучения особенностей свойств характера преступников показали, что преступная деятельность отличается не столько по видам деликтов, сколько по особенностям способа их совершения. В то же время некоторым типам характеров более присущи отделенные виды преступлений.

Так, умышленно причиняют вред здоровью чаще всего эмоционально неустойчивые и эпилептоиды. Хулиганские проявления, сопряженные с умышленным причинением вреда здоровью, также характерны для вышеназванных психотипов.

Анализ материалов уголовных дел и личности преступника показал, что хулиганские действия, совершаемые в парках, на улицах и других открытых людных местах, больше присущи эмоционально неустойчивым, а в помещениях, на транспорте и т.п. — эпилептоидам. Анализируя взаимосвязь особенностей свойств характера с контингентом осужденных за различные преступления, следует отметить, что в ИТУ всех видов содержатся: 36% эмоционально неустойчивых, 28% эпилептоидов, 16% гипертимов, 15% истероидов и только 5% астеников. Таким образом, эмоционально неустойчивые

лица, эпилептоиды, гипертимы и истероиды составляют 95% осужденных за преступления, что позволяет говорить о высокой криминогенности данных психотипов*.

Исследование преступлений, связанных с умышленным причинением вреда здоровью, показало, что астеники совершают их из страха, возникшего в результате неправильной оценки положения. Находясь в экстремальной ситуации, астеник может обычное поведение человека оценить как опасное для себя и предпринять превентивные насильственные действия к мнимому злоумышленнику. Совершая их, астеник редко наносит много ударов, как правило, один-два, но точно в жизненно важные органы. После совершения преступления у астеника может развиваться психоз, при котором приходит чувство безысходности, падает настроение, возникает чрезмерная подозрительность и стремление к самоизоляции.

При совершении умышленного причинения вреда здоровью гипертим причиняет глубокие, но немногочисленные раны в нежизненно важные органы. Перед насилием между преступником и жертвой возможен диалог.

Эмоционально неустойчивым типам при умышленном причинении вреда здоровью свойственно нанесение множества хаотичных ранений, количество которых всегда превышает разумные пределы. Нередко такие действия заканчиваются глумлением над трупом, потерпевшим или жилищем, если для этого есть достаточно времени; совершаются преступления в месте возникновения конфликтной ситуации. Посторонние в этом случае не смущают преступника, а иногда ускоряют развязку, жертвой насилия может оказаться случайный человек либо знакомый преступника. Однако практически всегда преступлению предшествует какая-либо конфликтная ситуация. Ее может создать замечание прохожего, дружеская шутка и т.п. Такая реакция характеризует неадекватность отношения эмоционально неустойчивого типа к ситуации, после совершения преступления он обычно скрывается с места происшествия, причем далеко, даже если в этом нет необходимости.

Эпилептоидам свойственно тщательное планирование своих действий при совершении преступлений данного вида, а не создание ситуации. Поэтому нередко действия преступника выглядят нелогично, хотя нужный результат достигнут. Подготовительный этап всегда включает целый комплекс действий: приискание оружия, изучение приемов рукопашного боя и т.д. Особенности механизма умышленного причинения вреда здоровью выражаются в нанесении несколько сильных и точных ударов в жизненно важные органы, место совершения преступления выбирается тщательно, изучается обстановка, причем более детально, чем поведение будущей жертвы, с которой возможны контакты, замаскированные под случайные встречи. Жертва, как правило, конкретная. Возможно, между ними был конфликт, причем между конфликтом и реализацией преступного умысла могут пройти даже годы. После совершения преступления тщательно скрывает следы на месте происшествия. Однако к следам на себе и своей одежде эпилептоид невнимателен. Возможно нахождение преступника на месте совершения преступления для наблюдения за действиями сотрудников полиции.

Изложенные выше сведения убедительно свидетельствуют, что разносторонняя информация, характеризующая личность вероятного преступника, включающая данные об особенностях свойств его характера – психофизиологических свойствах его личности, является важнейшим элементом криминалистической характеристики преступлений об умышленном причинении вреда здоровью и дает возможность оптимизировать процесс расследования преступлений данного вида.

* Отчеты Министерства юстиции РФ за 2010-2013 гг.

Литература

1. Введенский И.Н. Исключительные состояния // Судебная психиатрия: учебник. М., 1950.
2. Введенский И.Н. Проблема исключительных состояний в судебно-психиатрической практике // Проблемы судебной психиатрии. М., 1947. Вып.6.
3. Введенский И.Н. Судебная психиатрия: учебник. М., 1936.
4. Волков В.Н. Судебная психиатрия. Структурно-логические схемы: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2001.
5. Волков В.Н. Юридическая психология: учебник. М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2000.
6. Волков В.Н. Юридическая психология: учебник. М.: ЮНИТИ-Дана, Закон и право, 2002.
7. Дмитриев А.С., Клименко Т.В. Судебная психиатрия: учебник. М.: Юристь, 1998.
8. Доброгаева М.С. О систематизации так называемых исключительных состояний. Вопрос диагностики в судебно-психиатрической практике. М., 1990.
9. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970.
10. Романов В.В. Юридическая психология: учебник. М.: Юристь, 1998.

УДК 343.985

**ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КОМПЛЕКСНОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В СИСТЕМЕ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

Сергей Анатольевич Ярошенко, старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: yaroshenko-sergey@rambler.ru

В статье рассматривается комплексная характеристика преступлений экономической направленности, совершаемых в системе здравоохранения.

Ключевые слова: комплексная характеристика; экономическая безопасность и противодействие коррупции; преступления экономической направленности; структурные и технологические особенности.

**THE CONCEPT AND CONTENT OF THE ELEMENTS OF THE COMPLEX
CHARACTERISTICS OF ECONOMIC CRIMES IN THE HEALTH SYSTEM**

Sergey Anatolevich Yaroshenko, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article discusses the complex features economic crimes in the health system.

Keywords: comprehensive description; economic security and anti-corruption; economic crimes; structural and technological features.

Преступления, совершаемые в системе здравоохранения (далее – СЗ), неоднократно попадали в область юридических исследований [1; 17; 21], однако ввиду таких обстоятельств, как реализация программы реформирования СЗ до 2020 г., предполагающей значительные финансовые вложения [18]; появление новых способов соверше-

ния преступных действий в СЗ; устойчивость преступлений, совершаемых в СЗ, снова дают повод для новых научных исследований.

В настоящее время общепризнано, что одним из важных условий успешного раскрытия преступлений является их правильная характеристика. В науках так называемого криминального цикла [16, с. 39; 15, с. 28; 6, с. 7; 5, с. 37] изучаются понятие, сущность, структура, формы, виды и прочие характеристики преступления. При этом каждая наука исследует «свои», специфические стороны криминальных проявлений. Не является исключением и теория оперативно-розыскной деятельности. Соответственно данные вопросы рассматриваются в разделах уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и оперативно-розыскной характеристики преступления.

Мы согласны с позицией ученых, которые не исключают необходимость построения системного образования, комплексной характеристики отдельных видов преступлений [2, с. 7; 11, с. 20; 23]. Комплексные характеристики пока не получили широкого внедрения в практику, но в некоторых случаях подобные им применяются. Так, в работах В.Д. Ларичева рассматривается содержание характеристики отрасли хозяйственной деятельности и совершаемых в ней преступлений, в которую входят элементы, способные передать специфику деятельности конкретной отрасли, подвергающейся оперативному обслуживанию [12, с. 59; 13, с. 24].

Для формирования комплексной характеристики необходимо отобрать те элементы характеристик, которые в своем новом качестве будут полезно «работать» для практического решения задач уголовного судопроизводства. Комплексная характеристика отдельного вида преступлений должна представлять собой «сопряженную функцию лишь таких факторов, которые могут определить стратегию поиска истины в процессе раскрытия и расследования преступлений» [23].

Переходя к отбору значимых элементов для комплексной характеристики преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ, прежде всего следует определить категорию преступлений. Мы берем за основу указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ [19], на основании которого к данной категории преступлений следует относить перечень статей Уголовного кодекса Российской Федерации, которые в силу своей специфики, при определенных условиях и ситуациях, связанных с квалификацией выявленных преступлений, будут являться результатом служебной деятельности оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Преступления экономической направленности, совершаемые в СЗ, как показал анализ изученных уголовных дел и дел оперативного учета, выявлялись оперативным путем до возбуждения уголовного дела. Соответственно оперативному работнику необходимо было по результатам первичных оперативных данных изучить основные элементы уголовно-правовой характеристики прогнозируемых преступлений. Такими элементами в теории уголовного права выступают объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления. Если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава, то в действиях лица имеется состав преступления. «При расхождении хотя бы одного признака, – подчеркивает В.Н. Кудрявцев, – основание для уголовной ответственности отсутствует» [10, с. 75].

Выявление и раскрытие преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ, показало, что значительную массу из них составляют следующие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации:

- мошенничество (ч. 2-4 ст. 159 УК РФ);
- незаконное предпринимательство (ч. 2 ст. 171 УК РФ);
- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);
- нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285¹ УК РФ);
- нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285² УК РФ);

- получение взятки (ст. 290 УК РФ);
- служебный подлог (ст. 292 УК РФ);
- халатность (ст. 293 УК РФ).

В любой характеристике преступлений можно выделить ключевые элементы, например, способ совершения преступления, личность преступника, причины совершения преступления и условия, способствующие совершению преступления. Исследование данных элементов всегда привлекало внимание ученых в области криминологии, криминалистики, уголовного права, теории оперативно-розыскной деятельности [3, с. 179; 8, с. 278; 7; 14]. При этом чаще всего изучаются определенные варианты приготовительных действий и действий по сокрытию преступлений, даже если они не имеют уголовно-правового значения [4, с. 228].

Чтобы решать задачи борьбы с преступностью, деятельность оперативных работников должна обеспечить установление фактов, обстоятельств, причинных зависимостей, относящихся как к событиям настоящего, прошлого, так и будущего времени, при этом устанавливая и анализируя способы совершения преступлений. В этом отношении круг объектов познания оперативного работника значительно шире, чем, например, у следователя или судьи. Хотя представляется очевидным, что субъектами познания в ОРД являются и судья, санкционирующий в соответствии со ст. 9 ФЗ об ОРД проведение отдельных оперативно-розыскных мероприятий, например прослушивание телефонных переговоров, и прокурор, осуществляющий в соответствии со ст. 21 этого же закона надзор за ОРД, при этом данная деятельность является реконструкцией прошедшего события. Суд познает преступление и связанные с ним обстоятельства как элемент прошлого, того, что уже совершилось (включая приготовление и покушение на преступление). Для оперативно-розыскной деятельности преступление и сопутствующие ему обстоятельства как объект познания принадлежат не только к прошедшему.

Из анализа способов совершения преступлений вытекает такой элемент, как личность преступника, имеющая большое информационное значение в поисково-познавательной работе оперативных подразделений, непосредственно направленной на выявление объектов оперативного интереса и лиц, способных конфиденциально содействовать им в оперативной проверке и разработке изучаемой категории лиц. Например, одной из особенностей должностных преступлений, совершаемых при закупке дорогостоящего высокотехнологического оборудования (например, магнитно-резонансный томограф или спиральный компьютерный томограф), является участие в нем также иного заинтересованного лица, выигравшего тендер (фирма-поставщик технического оборудования). Данные лица (тендерообладатели), согласно проведенным исследованиям, имели тесные отношения с администрацией медицинских учреждений.

Для решения задач выявления, раскрытия и предупреждения преступлений экономической направленности сотрудники оперативных подразделений должны иметь представление о механизме функционирования конкретной сферы (комплекса, отрасли, объекта) оперативного обслуживания, так как способы совершения преступлений экономической направленности связаны с технологическим процессом функционирования сферы (комплекса, отрасли, объекта) либо с нарушением инструкций трудовой деятельности лиц, непосредственно работающих на этих объектах, в сфере (комплексе, отрасли) либо имеющих к ним отношение.

Как показывают исследования, 90% из числа опрошенных посчитали знания о хозяйственной деятельности, экономических и технологических процессах сферы (отрасли, объекта) оперативного обслуживания значимыми и активно способствующими выявлению и раскрытию замаскированных преступлений экономической направленности. Верно заметил В.Д. Ларичев, что помимо криминологической, криминалистической и оперативно-розыскной характеристик преступности для качественного решения задач оперативными и следственными работниками по выявлению и расследованию преступ-

лений необходимо раскрытие характеристики отрасли (сферы, вида) хозяйственной деятельности, в которой совершаются преступления [12, с. 59].

К организационной характеристике СЗ относятся объекты, которые, по мнению работников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, в обязательном порядке должны подвергаться оперативному обслуживанию. Их можно разделить на три группы:

1. Федеральные службы, фонды и агентства, находящиеся в подчинении Минздрава РФ.
2. Организации, подведомственные Минздраву РФ.
3. Иные организации, взаимодействующие с системой здравоохранения.

К первой группе относятся: Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения; Федеральное медико-биологическое агентство; Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Ко второй группе относятся: учреждения наук (медицинские университеты, академии); образовательные учреждения; учреждения здравоохранения (областные клинические больницы); учреждения социальной сферы; учреждения родовспоможения (перинатальные центры, родильные дома); иные учреждения (Российский центр судебно-медицинской экспертизы и другие).

К третьей группе относятся: коммерческие предприятия, специализирующиеся на изготовлении медицинского оборудования (технике), лекарственных препаратов; фирмы, магазины, занятые реализацией медицинского оборудования, лекарств; коммерческие лаборатории, предприятия, оказывающие медицинские услуги; страховые организации.

Другим, не менее значимым элементом, который, по нашему мнению, должен входить в комплексную характеристику преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ, является нормативно-правовое регулирование СЗ и отдельных ее объектов. Не ставя задачи полного раскрытия правовых источников СЗ, перечислим наиболее значимые на первоначальном этапе изучения СЗ:

- Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326 «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»;
- Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»;
- Постановление Правительства РФ от 4 октября 2012 г. № 1006 «Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»;
- Постановление Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1043 «Об утверждении Положения о федеральном государственном надзоре в сфере обращения лекарственных средств»;
- Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения».

Раскрытие данного элемента позволяет применить ряд положений, подробно изложенных В.Д. Ларичевым [12, с. 66]:

1. Дает возможность рассмотреть правовые основания проведения различных хозяйственных операций, сделок, их виды, где и как они фиксируются, какими нормативными документами регулируются, кто является участником данного хозяйственного процесса и т.п., что позволяет определить различные правонарушения в проведении этих операций и сделок.

2. Позволяет выявить пробелы и проблемы в нормативном регулировании, определить, как эти пробелы используются для совершения правонарушений, на основании чего можно разработать предложения по совершенствованию правового регулирования в интересующей системе.

3. Дает возможность показать регулирующие, контролирующие, надзорные и другие органы, причастные к системе здравоохранения и обладающие определенной информацией в отношении всех или отдельных хозяйствующих субъектов, формы и характер контроля за СЗ.

Следующими элементами, входящими в комплексную характеристику преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ, мы выделяем:

- территориальную распространенность преступлений и региональные особенности;
- состояние, особенности и тенденции преступности в указанной сфере.

Данные элементы используются чаще всего в оперативно-розыскных характеристиках экономических преступлений [9; 20, с. 47]. По мнению А.П. Пашенко, для правильного определения целей и выбора эффективных методов деятельности оперативные подразделения должны иметь информацию двух видов, а именно о внешних и внутренних условиях оперативного обслуживания. К информации о внешних условиях он относит сведения:

- о демографических и социальных тенденциях развития обслуживаемого региона;
- об экономических тенденциях развития объектов и отраслей народного хозяйства, расположенных в сфере деятельности оперативных подразделений;
- о состоянии (структуре, уровне, динамике) преступности [22].

Ключевой точкой территориального распространения преступлений, совершаемых в СЗ, служит географическое расположение субъектов Российской Федерации, оказывающее влияние на финансирование отдельных программ здравоохранения с учетом заболеваемости. Так, например смертность от болезней системы кровообращения (на 100 тыс. населения) в Ярославской области в 2014 г. составила 875 чел., а в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра – 287 чел. [18].

Помимо территориальной распространенности мы выделяем и экономическое развитие регионов, а также их отдаленность от центра. Например, отсутствие высококвалифицированных специалистов в отдаленных регионах рождает «авторитет» врачей либо администраций медицинских учреждений, тем самым создает почву для должностных либо имущественных преступлений.

Таким образом, на основе анализа теоретических положений о содержании характеристик наук криминального цикла считаем целесообразным включить в комплексную характеристику преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ, следующие элементы:

- уголовно-правовые признаки преступлений экономической направленности, совершаемых в СЗ;
- структурные и технологические особенности СЗ и отдельные ее объекты, которые в обязательном порядке должны подвергаться оперативному обслуживанию;
- нормативно-правовое регулирование СЗ и отдельных ее объектов;
- территориальную распространенность указанных преступлений и региональные особенности;
- состояние, особенности и тенденции преступности в СЗ;
- способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений экономической направленности в СЗ;
- характеристики лиц, совершающих преступления экономической направленности в СЗ;
- причины преступлений экономической направленности в СЗ и условия, способствующие их совершению.

Литература

1. Абдулаева Н.Д. Правовая ответственность медицинских работников: проблемы квалификации: учеб. пособие. М.: ВНИИ МВД РФ, 2012.

2. Абрамов А.М. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования мошенничества: монография. М.: ЮИ МВД России, 2002.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы: от теории – к практике. М.: Юрид. лит., 1988.
4. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М., 1979.
5. Волынский А.Ф. Социальные функции и задачи наук криминального цикла в условиях реформирования уголовного судопроизводства // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. мат-лов III Всерос. «круглого стола». Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2004.
6. Гармаев Ю.П. Проблемы адаптации учебных дисциплин криминального цикла к уголовно-процессуальной деятельности в условиях состязательности // Юридическое образование и наука. 2009. № 4.
7. Гребельский Д.В. О соотношении криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984.
8. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск: Амалфея, 2001.
9. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями в сфере агропромышленного комплекса: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
10. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.
11. Куркова Н.А. Проблемы расследования преступлений, связанных с контрафакцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2003.
12. Ларичев В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности): монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
13. Ларичев В.Д., Милякина Е.В., Орлова Е.А. Преступность в сфере внешнеэкономической деятельности. М.: Экзамен, 2002.
14. Луговик В.Ф. Проблемы формирования учения об оперативно-розыскной характеристике преступлений // Оперативник (сыщик). 2006. № 4 (9). С. 14.
15. Лунеев В.В. Науки криминального цикла и борьба с преступностью // Уголовное право. 2008. № 6.
16. Лунеев В.В. Проблемы юридических наук криминального цикла // Государство и право. 2007. № 5.
17. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
18. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 294 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 17. Ст. 2057.
19. О введении в действие перечня статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ № 744/11, МВД РФ № 3 от 31 декабря 2014 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: учебник / под ред. В.М. Аتماжитова. М., 1991.
21. Особенности уголовной ответственности медицинских работников за причинение вреда здоровью человека: учеб. пособие / под ред. М.И. Галюкова. Омск: Омская акад. МВД России, 2008.
22. Пашенко А.П. К вопросу об источниках и методах получения информации при изучении и оценке оперативной обстановки по линии БХСС // Правовые и общественно-экономические науки и борьба с хищениями государственного и общественного имущества. 1977. Вып. 8. С. 48.
23. Шиканов В.Н. О междисциплинарной характеристике отдельных видов преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М., 1984. С. 41.

УДК 343.97

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРЕСТУПНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Василий Николаевич Митьков, докторант ВНИИ МВД России
кандидат юридических наук

E-mail: opnk302@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов формирования и использования эффективных механизмов противодействия этнической организованной преступности в новых политических и социально-экономических условиях современной России.

Ключевые слова: этнические преступные группировки; преступность иностранных граждан; нормативная правовая база; социально-культурные факторы; национальная безопасность.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ETHNIC CRIME AND CRIME OF FOREIGN CITIZENS IN THE NEW POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Vasilii Nikolaevich Mitkov, doctoral candidate of the NRI of the Ministry of Interior of the Russian *Kandidat nauk* degree in Law

The article investigates the formation and use of effective mechanisms for combating ethnic organized crime in the new political and socio-economic conditions of modern Russia.

Key words: ethnic gangs crime; foreign citizens; legal and regulatory framework; socio-cultural factors; national security.

В современных условиях сложно переоценить огромное влияние социальных и этнокультурных факторов на криминогенную обстановку и уровень преступности. Наиболее рельефно это проявляется на примере крупных мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург, являющихся центрами притяжения как внутренних, так и внешних мигрантов, где активно развивается так называемая этническая преступность, о социально-правовой природе которой ведутся многочисленные споры.

Как справедливо отмечает И.В. Анжиров, специфика социокультурного и исторического развития отдельных этнических групп, их ценностные ориентации, поведенческие стереотипы, а также психологические особенности оказывают существенное влияние на состояние этнической преступности, ее качественные характеристики и количественные показатели.

Влияние этнических факторов на рост преступности в современном обществе особенно отчетливо проявляется в условиях глобализации, сопровождающейся массовыми миграционными потоками из менее развитых стран в более стабильные в политическом и экономическом отношении государства. Политика мультикультурализма, взятая на вооружение западными обществами, косвенно способствует росту этнической преступности, поскольку делает акцент на социокультурных различиях между разными этническими группами, что способствует как консервации ценностных и поведенческих установок мигрантов, так и провоцированию межэтнических противоречий между пришлым и коренным населением [1, с. 7-8].

Особая опасность этнической преступности и других форм этноделинквентного поведения заключается в том, что, во-первых, они сопряжены со значительными человеческими жертвами; во-вторых, имеют групповой характер; в-третьих, наносят значительный ущерб государственной безопасности [2].

Прогнозируя развитие этнической организованной преступности, следует отметить дальнейшую интенсивную консолидацию преступной среды, формирование разветвленных криминальных структур, в том числе межрегиональных, деятельность которых будет направлена на расширение контроля за наиболее доходными сферами легального и нелегального бизнеса.

Благоприятной почвой для дальнейшего распространения этнической преступности и преступности иностранных граждан (эти понятия тесно взаимосвязаны, но не тождественны) является практика создания целых «анклавов» в крупных городах, заселенных мигрантами. В таких «анклавах» активно развивается молодежная преступность, формируются группы, занимающиеся противоправной деятельностью, которые впоследствии могут трансформироваться в различные проявления организованной преступности с признаками этнической идентичности.

По словам заместителя начальника МУР М.С. Гусакова, за последние 15 лет (1999-2014 гг.) количество преступлений, совершенных в г. Москве этническими преступными группами, увеличилось вчетверо. Так, около 17% от всех расследованных преступлений приходится на долю так называемой «этники». Реальное же их количество, по мнению М.С. Гусакова, значительно выше [5].

Приведенные данные актуальны на начало 2014 г., в настоящее время ситуация несколько изменилась. С учетом последних событий во внешнеполитической сфере, детерминировавших падение курса национальной валюты, рост цен на товары и услуги, осложнение общей социально-экономической ситуации в России, с конца 2014 г. наблюдается значительный отток трудовых мигрантов – выходцев из Средней Азии, что не могло не сказаться на статистических показателях преступности иностранных граждан.

Так, по словам начальника ГУ МВД России по г. Москве А.И. Якунина, с начала 2014 г. анализ криминальной обстановки на территории Москвы свидетельствует о сокращении на 9,2% количества преступлений, совершенных иногородними гражданами. В свою очередь, С.С. Собянин на расширенном совещании по вопросам профилактики правонарушений в Москве 15 декабря 2014 г. сообщил, что число преступлений, совершенных мигрантами, в 2014 г. снизилось почти на 15% [4].

Однако, несмотря на указанные обстоятельства и предпринятые меры против нелегальной миграции в прошедшем году, говорить о том, что проблема преступности иностранцев в настоящее время теряет свою актуальность, как минимум, преждевременно. Более того, есть основания полагать, что это явление получит новый виток развития, но уже в несколько ином качестве.

В частности, это обусловлено уже неоднократно озвученным в СМИ прогнозом, согласно которому ужесточение миграционной политики и принимаемые в связи с этим меры приведут к постепенному замещению мигрантов – выходцев из Средней Азии – мигрантами из Украины и Молдовы. Кроме того, в настоящее время на территории РФ находятся более 800 тыс. украинских граждан, вынужденно покинувших юго-восток Украины. С начала года информационно-аналитическая система ФМС России ежедневно фиксирует въезд в нашу страну в среднем порядка 1,2 тыс. жителей юго-востока Украины. На сегодняшний день уже свыше 276 тыс. человек, прибывших из Украины, обратилось за получением статуса беженца и предоставлением временного убежища. Каждый день с заявлениями в ФМС России обращается порядка 500 человек*. Данные

* В настоящее время на территории Российской Федерации находятся более 800 тыс. украинских граждан, вынужденно покинувших юго-восток Украины. URL: <http://www.fms.gov.ru>

лица представляют собой особую категорию иностранных граждан, обладающих специфическим правовым статусом. Характерно, что среди беженцев немало молодых мужчин, по статистике являющихся наиболее криминально активной частью населения любой страны. В условиях начавшегося экономического кризиса и обусловленного им роста безработицы можно обоснованно ожидать, что многие из них пополняют ряды действующих криминальных структур либо, что еще хуже, начнут создавать новые преступные группы по земляческому признаку. Все эти вызовы требуют постоянного мониторинга складывающейся ситуации и создания гибкой системы противодействия преступности иностранцев, способной своевременно реагировать на периодические изменения ее динамики, а также качественных и количественных характеристик.

Большой общественный резонанс многих преступлений, совершаемых иностранными гражданами, говорит о растущем напряжении среди населения, нередко подогреваемом СМИ. Одним из последних показательных примеров является дело так называемой банды «ГТА» – организованной преступной группы выходцев из Средней Азии, совершивших серию убийств автомобилистов в Подмосковье в 2014 г. Изначально предположительным мотивом данных преступлений называлась террористическая деятельность на основании радикальных исламистских взглядов, однако в дальнейшем следствие установило, что при совершении убийств участники банды руководствовались корыстными мотивами, похищая деньги и ценные вещи своих жертв.

Оказываясь в новой, чужой для них социально-культурной среде, мигранты могут демонстрировать противоправное или преступное поведение, чего не проявлялось у них на родине. Этнические преступные группировки (далее – ЭПГ) имеют определенную специфику, существенно отличающую их от криминальных структур страны пребывания (России).

Существование организованной преступности с признаками этнической идентичности оказывает влияние на общественный порядок, что представляет собой колоссальную угрозу дестабилизации политической обстановки в виде провоцирования конфликтов между коренным и приезжим населением, роста ультранационалистических организаций.

Данная проблема имеет всероссийское значение. Ведь не только в Москве, но и во многих других крупных городах и даже в сельской местности вопрос этнической организованной преступности стоит очень остро. Так, например, в г. Минеральные Воды Ставропольского края широкий общественный резонанс получил факт нападения группировки из нескольких десятков человек на больницу, в ходе которого был до смерти избит один из местных жителей. По данному инциденту были приняты меры, но это произошло постфактум, предупредительно-профилактическая работа своевременно проведена не была.

Вообще общесоциальная профилактика этнической преступности в современной России в первую очередь подразумевает два основных направления деятельности: это, с одной стороны, повышение контроля над миграционными потоками, с другой – создание эффективной системы адаптации мигрантов. При этом особую важность для целей обеспечения национальной безопасности имеет контроль (в том числе с использованием негласных оперативно-розыскных методов, сил и средств) за деятельностью функционирующих в среде мигрантов религиозных и общественных организаций. Работа оперативных подразделений полиции должна быть направлена на активизацию данного направления деятельности, что требует создания соответствующей нормативной правовой базы.

Значительная роль в получении информации о преступной деятельности лидеров и иных участников этнической преступной структуры при оперативной разработке принадлежит негласному аппарату органов внутренних дел. По мнению некоторых исследователей, никакая другая методика расследования не дает таких отличных возможностей для сбора разведывательной информации и доказательств, как возможности

тайного сотрудника, которому удалось внедриться в преступное сообщество [3, с. 10-11].

Вместе с тем, в подобные формирования крайне затруднено внедрение негласных источников, так как большинство из них создается и функционирует по клановому принципу, и «людям со стороны» практически невозможно проникнуть в их ряды. Как правило, ЭПГ связаны с легальными предпринимательскими структурами, которые являются официальным прикрытием для реализации различного рода криминальных схем.

Полагаем, что уровень криминальной активности иностранных граждан на сегодняшний день ставит перед необходимостью внесения соответствующих дополнений в оперативно-розыскное законодательство с тем, чтобы расширить полномочия правоохранительных органов в части негласного контроля за поведением рассматриваемой категории лиц в период их пребывания на территории России. Для этих целей считаем целесообразным и оправданным дополнить ст. 7 ФЗ об ОРД (Основания для проведения ОРМ) нормой, предусматривающей возможность проведения ОРМ в отношении всех иностранцев, прибывающих в Российскую Федерацию. Представляется, что по этому основанию следует предусмотреть возможность проведения только тех ОРМ, которые не ограничивают конституционных прав и свобод в соответствии со ст. 8 ФЗ об ОРД. Для этого предлагаем ввести дополнительный пункт в ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД, изложив ее в следующей редакции:

Органы, осуществляющие ОРД, в пределах своих полномочий вправе также собирать данные, необходимые для принятия решений:

...

8. О соответствии целей прибытия и осуществляемой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства требованиям российского законодательства и интересам национальной безопасности Российской Федерации.

Думается, введение данной нормы положительно скажется на выполнении оперативными подразделениями МВД России задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, совершаемых иностранцами на территории РФ. Кроме того, это позволит на законных основаниях отслеживать перемещения и деятельность лидеров и участников этнических преступных формирований из числа иностранных граждан.

Литература

1. Анжиров И.В. Влияние этнических факторов на рост преступности в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Краснодар, 2010.
2. Кузьмина Н.В. Этнические деликты и преступность как вид правонарушающего поведения: к постановке проблемы // Вопросы управления. 2011. № 1(14).
3. Минин А.Я., Попов В.И., Кудин В.А. Практика и порядок проведения тайных действий и операций против организованной преступности в США. М., 1999.
4. Ситуация с мигрантами в Москве: снижение преступности, наведение порядка // Агентство городских новостей. URL: <http://www.mskagency.ru/materials/1912636>.
5. Таких гостей нам не надо. Этническая преступность в Москве выросла в четыре раза // Российская газета. 2014. 26 марта.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.1;349.2

ВНУТРЕННИЕ НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ПРИНЯТИЯ И ОСПАРИВАНИЯ

Владимир Анатольевич Болдырев, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, доцент

E-mail: vabold@mail.ru

С учетом необходимости создания унифицированного межотраслевого подхода к системе способов защиты субъективных прав и с принятием во внимание того, что положения подзаконных нормативных правовых актов могут быть признаны недействующими по правилам процессуального законодательства, делается вывод о необходимости закрепления в кодифицированном гражданском законе способа защиты – *признание внутреннего нормативного документа недействующим*, в кодифицированном трудовом законе – *признание локального нормативного акта недействующим*.

Ключевые слова: локальный нормативный акт; внутренний документ; коллективный договор; признание недействительным; признание недействующим; компетенция.

INTERNAL NORMATIVE DOCUMENTS OF THE LEGAL ENTITY: PROBLEMS OF ACCEPTANCE AND IMPUGNMENT

Vladimir Anatolevich Boldyrev, chair professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, associate professor

Taking into account necessity of creation of unified inter-sectoral approach to the system methods of protection of subjective rights, and when taking into account that provisions of other enactments can be deemed inoperative by the rules of procedural law, made conclusion about the necessity to include in Civil Code norm about protection method – *recognition of an internal regulation non-performing*, codified in the labour law – *the recognition of the local normative act non-performing*.

Keywords: local normative act; internal document; collective agreement; invalidation; impairment of non-performing; competence.

Действующее законодательство оперирует двумя терминами для обозначения правовых актов внедоговорной природы, содержащих нормы локального характера, то есть распространяющиеся на персонал и (или) органы управления одного юридического лица. Такими терминами являются «внутренние документы» и «локальные нормативные акты». Первый характерен преимущественно для законов, определяющих статус юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, второй – для трудового законодательства.

Исследователями корпоративных отношений уделяется серьезное внимание локальному нормотворчеству. Например, Г.В. Адамян в контексте рассуждений о формах корпоративного права определяет, что «...локальный нормативный правовой акт может рассматриваться как юридический документ, который содержит нормы права, прини-

маются соответствующими органами той или иной структуры для регулирования внутриорганизационных вопросов и относится к определенному кругу лиц. Дефиниция «локальный акт» является родовой. Локальные акты могут быть коллективными или индивидуальными» [1, с. 40]. Т.В. Маленко также замечает: «не во всех случаях внутренние документы носят нормативный характер» [5, с. 57].

*В правоприменительной практике наиболее остро стоит вопрос о порядке принятия и возможности оспаривания локальных **нормативных**, а не индивидуальных актов. Причина этого кроется в необходимости соблюдать введенные ими правила в течение долгого времени и для относительно широкого круга лиц.*

Специалисты в области административного права нередко подчеркивают, что локальное нормотворчество может иметь своим результатом источники административного права [17, с. 312].

Поскольку сам порядок принятия локальных норм определяется правилами различной отраслевой принадлежности, можно прийти к заключению, что в законодательстве желательно использование унифицированной терминологии, кроме того, требуется разработка и неуклонное соблюдение единой концепции регулирования соответствующих отношений. Однако на сегодняшний день о комплексном, учитывающем действие множества факторов подходе законодателя говорить не приходится.

Анализ практики экономического правосудия позволяет сделать вывод, что локальные нормативные акты являются той разновидностью внутренних документов, которая влияет на трудовые права и обязанности работника. Имеется в виду не столько определение круга функциональных обязанностей, сколько воздействие на общественные отношения, урегулированные (при повышении гарантий) или недостаточно урегулированные законом.

Проблема практического плана кроется в том, что *локальные нормативные акты* сегодня, как правило, утверждаются руководителем (если иное не установлено уставом юридического лица), а *иные внутренние документы* – как правило, коллегиальными органами.

Непростой вопрос о том, какой или какие органы юридического лица компетентны утверждать локальные нормативные акты, обычно ускользает от авторов, рассматривающих процедурные вопросы их разработки и принятия, а из предлагаемых специалистами примерных форм документов [29] или форм утверждающих записей («грифов») [30] будто ответ очевиден – это руководитель юридического лица. В действительности такой подход лукав, он представляет собой обход острейшей проблемы.

Согласно п. 5 ст. 52 ГК РФ, учредители (участники) юридического лица вправе утвердить регулирующие корпоративные отношения и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица. Во внутреннем регламенте и в иных внутренних документах юридического лица могут содержаться положения, не противоречащие учредительному документу юридического лица.

Внутренние документы нацелены на регулирование прежде всего отношений корпоративного плана, в связи с этим они предоставляются (при наличии) нотариусу лицом, обратившимся для удостоверения факта принятия решения органа управления юридического лица [19].

Степень подробности регулирования отношений, связанных с принятием внутренних документов, разнится в зависимости от организационно-правовых форм юридических лиц, а иногда и от видов их деятельности.

Когда законодатель связывает вопрос о внутренних документах с определенными видами экономической деятельности, ему остается диктовать обязательность существования конкретных актов, например, для *депозитария* – условий осуществления депозитарной деятельности центрального депозитария [20]; для *организатора торговли* – документа, определяющего порядок организации и осуществления внутреннего

контроля [9]; для *клиринговой организации* – документа, определяющего порядок организации и осуществления внутреннего аудита [10].

Отдельный список внутренних документов, куда входит, например, положение о раскрытии информации, устанавливающее порядок обеспечения информационной открытости деятельности саморегулируемой организации и деятельности ее членов, предусмотрен для *саморегулируемых организаций* [18]. Однако саморегулируемая организация – это и не вид экономической деятельности и не организационно-правовая форма юридического лица (некоммерческой организации).

Определяя статус юридических лиц конкретных организационно-правовых форм, законодатель редко касается видов или точных названий внутренних документов. Оно и понятно: здесь цель упоминания о них – фиксация органов, компетентных принимать такие акты.

Для обществ с ограниченной ответственностью принятие внутренних документов относится к компетенции общего собрания участников, однако на основании устава соотвествующим полномочием может быть наделен совет директоров (ст. 32, 33 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [8]).

В акционерном обществе вопросы компетенции, связанной с утверждением внутренних документов, решаются сложнее. Так, в соответствии со ст. 65 Федерального закона «Об акционерных обществах» [7] (далее – Закон об АО) к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) общества относится «утверждение внутренних документов общества, за исключением внутренних документов, утверждение которых отнесено ... законом к компетенции общего собрания акционеров, а также иных внутренних документов общества, утверждение которых отнесено уставом общества к компетенции исполнительных органов общества». Например, коллегиальный исполнительный орган акционерного общества (правление, дирекция) действует на основании устава общества, а также утверждаемого общим собранием акционеров внутреннего документа общества (положение, регламент или иной документ), в котором устанавливаются сроки и порядок созыва и проведения его заседаний, а также порядок принятия решений (ст. 70 Закона об АО). Порядок деятельности ревизионной комиссии (ревизора) акционерного общества определяется внутренним документом общества, утверждаемым общим собранием акционеров (с. 85 Закона об АО). Порядок принятия общим собранием акционеров решения по порядку ведения общего собрания акционеров устанавливается уставом общества или внутренними документами общества, утвержденными решением общего собрания акционеров (ст. 49 Закона об АО).

Понятно, что при наличии установленной законом процедуры принятия внутренних документов будут и нарушения соответствующих норм. Есть правила – есть попытки их обхода.

В практике судов общей юрисдикции наблюдается настороженное отношение к требованиям о признании недействительными (недействующими) «локальных нормативных актов» полностью или в части (термин «внутренние документы» редко встречается в формулировках соответствующих исковых заявлений).

Так, суд кассационной инстанции отменил решение суда первой инстанции о признании недействующими ряда пунктов должностной инструкции охотоведа общественной организации [3]. Судебный акт был мотивирован отсутствием противоречий между локальным нормативным актом и нормами законодательства. Примечательно, что в нем отсутствует вывод о принципиальной неприменимости соответствующего способа защиты. Подобная картина наблюдается во многих случаях отказа судами общей юрисдикции в удовлетворении требований, вытекающих из незаконности положений локальных нормативных актов.

Интересной, хотя и далеко не бесспорной, является позиция Пермского краевого суда об отнесении споров о признании локальных нормативных актов недействительными к числу коллективных трудовых, то есть споров, не подведомственных судам

общей юрисдикции и подлежащих рассмотрению примирительной комиссией, посредником или трудовым арбитражем [2]. Возможно, в основу такого подхода легла высказанная за несколько месяцев до этого правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации, касавшаяся, впрочем, иного вида локальных норм – отраженных в коллективном договоре [15].

Хотя в законе не закреплен такой способ защиты, как признание недействительным внутреннего документа полностью или в части, по-видимому, это не может рассматриваться как обстоятельство, категорически исключающее вынесение соответствующего решения. В нормативных правовых актах нет способа защиты «признание права отсутствующим», однако его применение соответствует акту официального толкования [11]; судебной практике известны и другие случаи применения способов защиты, прямо не закрепленных законом, в частности, признание договора незаключенным [12; 13].

Недавно Пленумом Верховного Суда Российской Федерации даны разъяснения: «Статьей 12 ГК РФ предусмотрен перечень способов защиты гражданских прав. Иные способы защиты гражданских прав могут быть установлены законом» [16]. Можно ли с учетом их содержания заключить, что вектор правоприменения изменится настолько, что способы защиты, прямо не зафиксированные федеральными законами, применяться не будут? Думается, на данный вопрос следует дать отрицательный ответ. Во-первых, как видится, в документе совершенно сознательно не использована формулировка «только законом». Во-вторых, не отменены ранее действовавшие постановления, допускаящие применение таких способов судами.

Однако наблюдаемый на практике отрицательный подход судов общей юрисдикции можно оправдать не только с позиции формальной (отсутствие способа защиты в законе), но и с позиции сущностной. Если, рассматривая материально-правовые требования истца, суд выявит противоречие между установлениями нормы закона и локальной нормы, он должен применить положение законодательного акта. Тем самым снимается необходимость давать оценку в резолютивной части решения локальной норме или всему акту, ее содержащему.

Тем не менее, более правильной, соответствующей духу закона и справедливой, нам кажется позиция, отраженная в решении Тигильского районного суда Камчатского края, которым удовлетворены требования прокурора, предъявленные в защиту неопределенного круга лиц о признании незаконным и не подлежащим применению положения Правил внутреннего трудового распорядка акционерного общества, которым установлена противоречащая нормам ТК РФ периодичность выплаты заработной платы. Мотивируя решение о признании *недействующим (!)* положения названного локального акта, суд указал: *«По общему правилу, если в правовом государстве существует иерархия источников права, то должен существовать и судебно-юрисдикционный механизм проверки соответствия источников права, имеющих меньшую юридическую силу, источникам права, имеющим большую юридическую силу»* [27].

Можно сделать два заключения: во-первых, практика рассмотрения требований, связанных с незаконностью положений «внутренних документов» и «локальных нормативных актов», должна быть унифицирована; во-вторых, необходимо принятие правовых норм о способах защиты, применимых в соответствующих случаях.

Далее перейдем к специфике тех внутренних документов, которые прямо касаются интересов работников.

«Локальное нормотворчество имеет характерную особенность: по своему содержанию распространяется лишь на определенные участки общественных отношений, – отмечает Т.В. Маленко, – обладая конкретизирующим свойством, оно не только компенсирует несовершенство законодательства, но и детализирует его» [5, с. 54]. Следует добавить, что дополнительным качеством норм локального характера, определяющих

статус типично слабой стороны – работника, является возможность расходиться по содержанию с подлежащим применению нормативным правовым актом.

Если локальная норма, во-первых, касается прав, обязанностей работника, а во-вторых, улучшает его положение по сравнению с тем, как оно определено законом, то подлежит применению соответствующее, принятое в децентрализованном порядке правило. Следовательно, можно говорить об особом месте в системе внутренних документов тех, которые касаются трудового статуса гражданина, то есть, по терминологии законодателя, «локальных нормативных актов». Вероятно, с этой позиции их терминологическое обособление все же имеет определенный резон.

Можно констатировать понимание высокой роли регулирования отношений с участием работников и работодателей локальными нормативными актами. Свидетельством этому являются интереснейшие решения, в том числе о понуждении к совершению действий неимущественного характера – принятию локальных актов, определяющих порядок индексации заработной платы [26] или порядок обработки персональных данных работников [25].

Судами выносятся и судебные акты о понуждении работодателя к ознакомлению работника с локальными актами, например, с положением по урегулированию конфликта интересов [28]. Иногда с подобными требованиями обращаются участники корпорации. Так, в споре о предоставлении акционеру документов юридическое лицо было обязано предоставить штатное расписание по мотиву того, что это внутренний документ общества [22].

Теперь о практике арбитражных судов.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации подходил к перераспределению трудового компетенции органов работодателя, как к явлению допустимому. В одном из своих определений он указал на противоправный характер действий руководителя организации, заключившего от имени юридического лица (работодателя) коллективный договор, утвердившего новое штатное расписание, принявшего решение об индексации заработной платы с выходом за пределы полномочий, очерченные уставом и положением о совете директоров [14].

Имеются выводы о недействительности таких внутренних документов, как положение об оплате труда и положение о премировании, сопровождаемые указанием на данное обстоятельство в результирующей части постановления арбитражного суда [21; 23; 24].

Таким образом, можно сделать вывод, что постепенно формируется практика признания арбитражными судами внутренних документов, в том числе и влияющих на права работников, недействительными.

Т.В. Мельникова отмечает: «...Внутренние документы юридического лица имеют отличную от учредительных документов и решений собраний природу, в связи с чем следует дополнить ст. 12 ГК РФ таким способом защиты, как признание недействительным внутреннего документа юридического лица» [6]. Логика в таком предложении есть.

Несмотря на то, что законодательство предусматривает возможность признания недействительными решений собраний и решений отдельных органов юридических лиц, на практике возникает необходимость в оспаривании не только акта утверждения соответствующего внутреннего документа в целом, но отдельных положений этого документа как противоречащих законодательству.

Как ранее мы упоминали, в решении суда общей юрисдикции сделан вывод о том, что локальный нормативный акт, противоречащий закону, должен быть признан *недействующим*. В этом есть логика.

Относительно ненормативных внутренних документов способ защиты изобретать не следует. Круг индивидуальных решений очень широк, и допускать их оспаривание – значит создавать лишние поводы для обращения в суд.

*Учитывая необходимость создания унифицированного межотраслевого подхода к системе способов защиты субъективных прав и принимая во внимание, что положения подзаконных нормативных правовых актов могут быть признаны недействующими в соответствии с процессуальным законодательством [4], думается, что возможность оспаривания локальных норм следует допустить с прямым закреплением в кодифицированном гражданском законе способа защиты – **признание внутреннего нормативного документа недействующим**, в кодифицированном трудовом законе – **признание локального нормативного акта недействующим**.*

Фактически речь идет об одном и том же способе защиты. Разница в наименованиях происходит исключительно из отраслевой традиции.

На требования, связанные с применением данного способа защиты, не должны распространяться сроки исковой давности. В противном случае мы будем иметь длящиеся нарушения прав.

Ограничиваться дополнением закона нормами, определяющими содержание охранительных отношений, не следует. Необходимо принятие регулятивных норм. Интересно, что уже сегодня принятие правил внутреннего трудового распорядка работников, в обязанности которых входят содержание и ремонт общего имущества в многоквартирном доме, для товариществ собственников недвижимости (жилья), равно как и внутренних документов, в силу прямого указания закона, осуществляется высшим органом управления – собранием членов товарищества (ст. 145 ЖК РФ). Похожий порядок должен быть введен и для иных организационно-правовых форм юридических лиц.

Принятие любых внутренних документов нормативного характера, в том числе определяющих трудовые права и обязанности работников (локальные нормативные акты), диспозитивными нормами законодательных актов об отдельных организационно-правовых формах юридических лиц и трудовым законодательством должно относиться к компетенции высшего органа управления. Слишком серьезны последствия их принятия. По своим негативным экономическим последствиям они могут быть гораздо тяжелее, чем совершаемые обществом невыгодные крупные сделки.

Литература

1. Адамян Г.В. К вопросу о понятии, признаках и классификации одной из форм корпоративного права // Право и современные государства. 2015. № 1.
2. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 29 августа 2012 г. по делу № 33-7463/2012. Доступ из СПС «Гарант».
3. Кассационное определение Вологодского областного суда от 8 февраля 2012 г. № 33-457/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Маленко Т.В. Локальный нормативный акт в системе объектов правового мониторинга // Журнал российского права. 2010. № 1 (157). С. 54-62.
6. Мельникова Т.В. К вопросу о правовой природе внутренних документов юридического лица // Юрист. 2014. № 16.
7. Об акционерных обществах: федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
8. Об обществах с ограниченной ответственностью: федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
9. Об организованных торгах: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 325-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.
10. О клиринге и клиринговой деятельности: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 7. Ст. 904.
11. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего арбитражного суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 7.

12. Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 г. № 4-КГ14-18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2015 г. № 305-ЭС15-7825 по делу № А40-117443/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Высшего арбитражного суда РФ от 15 апреля 2013 г. № ВАС-3954/13 по делу № А32 50074/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 мая 2010 г. № 1-В10-1. Доступ из СПС «Гарант».
16. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
17. Ордина О.Н. К вопросу о разграничении локальных нормативных административно-правовых актов и локальных нормативных корпоративно-правовых актов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 312-315.
18. О саморегулируемых организациях: федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
19. Основы законодательства РФ о нотариате: утверждены Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.
20. О центральном депозитарии: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7356.
21. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 1 октября 2012 г. по делу № А56-72647/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 9 февраля 2011 г. по делу № А56-14121/2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 января 2013 г. по делу № А56-72647/2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 апреля 2013 г. по делу № А56-32273/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
25. Решение Ловозерского районного суда Мурманской области. URL: <https://rospravosudie.com/court-lovozerskij-rajonnyj-sud-murmanskaya-oblast-s/act-106868820/> (дата обращения: 05.10.15).
26. Решение Печенгского районного суда Мурманской области от 7 августа 2012 г. по делу № 2-686/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-pechengskij-rajonnyj-sud-murmanskaya-oblast-s/act-106776459/?export=pdf> (дата обращения: 05.10.2015).
27. Решение Тигильского районного суда Камчатского края от 15 октября 2010 г. № 2-94-2010. Доступ из СПС «Гарант».
28. Решение Центрального районного суда г. Волгограда от 29 мая 2012 г. по делу № 2-3147/12. URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-volgogradavolgogradskaya-oblast-s/act-105140279/?export=pdf> (дата обращения: 05.10.2015).
29. Титова Ю. Утверждаем локальный нормативный акт // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2015. № 2. С. 26-34.
30. Шадрина Т.В. Нюансы разработки и утверждения локальных нормативных актов // Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 12. С.72-78.

УДК 347.6

ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Людмила Николаевна Древал, профессор кафедры Дальневосточного юридического института МВД России доктор юридических наук, профессор;
Мария Николаевна Гордиевская, специалист-эксперт Центра финансового обеспечения Управления Министерства внутренних дел России по Хабаровскому краю

E-mail: dreval.lyudmila@mail.ru
19kema@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые проблемы правоприменения, связанные с реализацией института усыновления. Авторы попытались исследовать вопросы, касающиеся тайны усыновления и осуществления контроля со стороны Российского государства в случаях, если усыновителями являются иностранные граждане.

Ключевые слова: усыновление; защита прав и интересов ребенка; семья; родители; право; суд.

THE INSTITUTE OF ADOPTION: SOME ISSUES OF LAW ENFORCEMENT

Lyudmila Nikolaevna Dreval, chair professor of the Far Eastern Law Institute of Internal Affairs of the Russia Doctor of Law, professor;
Maria Nikolaevna Gordievskaya, specialist-expert of the Center for financial Management the Ministry of Internal Affairs Russia in the Khabarovsk region

The article discusses some of the enforcement issues associated with the implementation of the institution of adoption. The authors tried to investigate the issues relating to the confidentiality of adoption and implementation of control by the Russian state in cases where the adoptive parents are foreign citizens.

Keywords: adoption; protection of rights and interests of the child; family; parents; law; court.

Обеспечение благополучного и защищенного детства – это одно из приоритетных направлений деятельности Российского государства.

Забота о детях, охрана их интересов реализуется путем установления государством системы гарантий, как правовых, социальных, экономических, так и политических, которые воплощаются в жизнь с помощью различных институтов, например такого, как Уполномоченный по правам ребенка, а также путем принятия различных документов на федеральном и региональном уровнях.

Среди самых важных можно выделить «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», «Концепцию демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [3], «Концепцию основных направлений развития системы защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае на период 2013-2017 годов» [2], Закон Приморского края «О материальной поддержке граждан Российской Федерации, проживающих на территории Приморского края, усыновивших (удочеривших) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5] и др.

Россия находится в состоянии финансово-экономического кризиса, это привело к изменению уровня жизни населения и, как следствие, к ухудшению положения в рассматриваемой сфере. Особенно это касается детей, которые остались без попечения ро-

дителей и пополняют ряды тех, чье девиантное поведение выражается в занятиях бродяжничеством и попрошайничеством, проживанием в неблагоприятных условиях.

Детская безнадзорность и беспризорность влечет за собой возрастание количества правонарушений и преступлений, совершаемых лицами, не достигшими 14-летнего возраста. К сожалению, в дальнейшем большинство из таких детей не находит «свою дорогу в жизни», не создает семей, не становится полноценными членами российского общества.

По данным официальной статистики, общее количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за последние годы остается неизменным. Так, в Хабаровском крае в 2013-2014 гг. такая категория детей составляла около 4% от всего детского населения*. Поэтому решение данной проблемы видится в обретении такими детьми семьи.

Однако, несмотря на стагнацию российской экономики и трудности с финансированием почти всех направлений деятельности нашего государства в настоящее время, в нем активизировалась работа по устройству детей, оставшихся без попечения родителей. Этому способствуют и средства массовой информации. На телевидении появились соответствующие проекты, направленные на популяризацию семейных отношений, «подыскивание» детям родителей и т.п.

Национальное семейное законодательство предусматривает различные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Большое внимание среди них уделяется усыновлению (удочерению), которое, как ни одна из других форм, призвано защищать права и интересы детей путем реализации права ребенка воспитываться в семье (ст. 53 СК РФ), «создать между усыновителем и усыновленным отношения, наиболее близкие к тем, которые возникают между родителями и родными детьми» [1, с. 180], а также «родственниками усыновителей по происхождению» [7, с. 214]. В дополнение к этому можно обратить внимание на то, что эта форма имеет бессрочный характер, поэтому статья 124 Семейного кодекса РФ закрепляет ее в качестве приоритетной.

На сегодняшний день можно констатировать, что уполномоченные органы эффективно воплощают в жизнь идеи социальной политики и семейное законодательство. Это подтверждают статистические данные. Так, на всей территории России в период с 2012 по 2014 г. количество усыновленных детей неизменно колеблется в пределах от 9361 до 10 771 чел.** . Согласно представленной информации органов опеки и попечительства, в последнее время в Хабаровском крае наметилась тенденция к росту количества усыновленных детей. В 2014 г. было усыновлено 78 детей, по сравнению с прошлым годом цифра возросла почти на 22%***.

Позитивность в деле защиты интересов детей институт усыновления сомнений не вызывает. Однако с помощью его решается не только эта проблема.

В соответствии со ст. 137 Семейного кодекса РФ усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам, а усыновители и их родственники по отношению к усыновленным детям и их потомству приравниваются в правах и обязанностях (как в личных неимущественных, так и в имущественных) к родственникам по происхождению. Усыновленные дети утрачивают такого рода права и освобождаются от обязанностей по отношению к кровным (биологическим) родителям и родственникам. Из этого следует, что с точки зрения юридического факта усыновление можно охарактеризовать одновременно и как правообразующий юридический факт, и как правопрекращающий.

* URL: <http://www.opeka.khabkrai.ru/contents/pages/112>

** URL: <http://www.usynovite.ru/statistics>

*** URL: <http://www.opeka.khabkrai.ru/contents/pages/112>

С помощью института усыновления, с одной стороны, обеспечиваются условия, необходимые для полноценного физического, психического и духовного развития ребенка, а с другой – благодаря ему лица, не имеющие своих детей, приобретают возможность удовлетворить свои потребности в материнстве и отцовстве.

Вместе с тем, при всей действенности правового регулирования отношений данного института, в применительной деятельности можно отметить некоторые проблемы реализации отдельных его норм. Коснемся только некоторых из них.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 10 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации суд должен предупредить лиц, участвующих в деле, и иных лиц, присутствующих при усыновлении, о неразглашении сведений, составляющих тайну усыновления (удочерения), поскольку за такое деяние установлена юридическая ответственность, вплоть до уголовной.

Первая проблема, на наш взгляд, заключается в том, что, закрепляя ответственность, законодатель не формулирует дефиницию «тайна усыновления (удочерения)», не раскрывает содержания этого понятия, не устанавливает перечня сведений, не подлежащих разглашению. В связи с этим в последнее время в научном сообществе ставится под сомнение целесообразность всего института тайны усыновления (удочерения). Однако говорить, что данный институт не действует, нельзя, а в правоприменении следует обращать внимание на следующие факторы.

Во-первых, это касается возраста ребенка. Если он является малолетним (от рождения до шести лет), то реализация обязывающих норм необходима. Вместе с тем, если усыновляемый ребенок более старшего возраста и осознает свое происхождение, помнит родителей, участвует в судебном процессе, то вряд ли соблюдение этих норм будет являться обязательным.

Во-вторых, необходимо учитывать желание усыновителей. Тайна усыновления имеет значение тогда, когда сами усыновители настаивают на этом.

В-третьих, при реализации норм рассматриваемого института должны учитываться особенности законодательства иностранных государств по усыновлению российских детей их гражданами, так как в законодательстве многих из них правила о соблюдении тайны усыновления отсутствуют.

Решение данной проблемы, по нашему мнению, видится в том, чтобы дополнить:

1) ст. 139 Семейного кодекса РФ, включив перечень сведений, составляющих тайну усыновления, к которым можно отнести информацию о личности усыновителя, усыновляемого ребенка, о времени и месте усыновления, о месте проживания ребенка в будущем и др., оставив его открытым, чтобы суд, применительно к конкретному случаю, мог указать и на другие данные;

2) ст. 125 Семейного кодекса РФ, установив в качестве обязательного обстоятельства – выяснение в судебном процессе воли усыновителей относительно тайны усыновления.

В рамках этой же статьи необходимо прописать порядок по форме получения согласия усыновляемого. Усыновляемый не должен приглашаться в судебное заседание, его мнение суд может узнать путем опрашивания в присутствии представителя органа опеки и попечительства до начала судебного заседания с последующим оглашением его мнения в процессе и внесением информации в протокол.

Предложенные изменения должны касаться и тех усыновителей, которые являются иностранными гражданами.

Вторая проблема, на которой бы хотелось сделать акцент, связана с осуществлением контроля со стороны государства за семьями, воспитывающими усыновленных российских детей за рубежом.

В мировой практике международное усыновление – это достаточно распространенное явление. С каждым годом оно набирает обороты, поскольку программы усы-

новления иностранных детей «работают» по всему миру. Российское государство не является исключением из этого правила.

Согласно п. 4 ст. 124 Семейного кодекса РФ, усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории РФ, либо передать на усыновление таких детей родственниками, независимо от их гражданства и места жительства.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что в целом процедура усыновления детей иностранными гражданами не особо отличается от стандартной, т.е. от усыновления детей российскими гражданами. Тем не менее, международное усыновление имеет ряд особенностей.

Иностранные граждане, желающие усыновить ребенка, должны обратиться к выбранному ими региональному или федеральному оператору банка данных о детях-сиротах и предоставить необходимые документы. Уже на этом, первоначальном, этапе законодателем определены права и обязанности компетентных органов, осуществляющих контроль за соблюдением процедур усыновления иностранными гражданами.

Во-первых, все документы кандидата-иностранца в усыновители должны быть в установленном порядке легализованы и переведены на русский язык. Перевод должен быть нотариально удостоверен. Документы представляются в двух экземплярах.

Одобренный кандидат в усыновители получает возможность ознакомиться с имеющимися в банке данных кандидатурами детей, а также посетить выбранного ребенка.

После посещения ребенка иностранный усыновитель должен оповестить оператора банка данных о результатах посещения и принятом им решении. Следовательно, иностранные граждане для целей усыновления обязаны приехать в Россию не меньше двух раз: первый - для знакомства с ребенком, второй - на судебное заседание.

Усыновленный ребенок остается российским гражданином. Однако по ходатайству иностранных усыновителей гражданство РФ у ребенка можно прекратить в соответствии с положениями Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [4] при условии, что ребенку будет предоставлено иное гражданство.

На предварительном этапе осуществления контроля проверяются личности усыновителей на предмет соответствия их предъявляемым требованиям, которые устанавливаются российским законодательством (в частности, ст. 127 СК РФ).

Так, не могут быть усыновителями лица, отстраненные от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на него законом обязанностей; лица, лишённые по суду родительских прав или ограниченные судом в родительских правах; бывшие усыновители, если усыновление отменено судом по их вине; лица, которые по состоянию здоровья не могут усыновить (удочерить) ребенка; лица, имеющие или имевшие судимость, подвергающиеся или подвергавшиеся уголовному преследованию (за некоторыми исключениями); лица, признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными и др.

Главное правило российского законодательства заключается в том, что усыновители, являющиеся иностранными гражданами, могут быть совершеннолетние лица разных полов, поскольку в некоторых иностранных государствах разрешено заключать брак лицами одного пола. Такой запрет отвечает как интересам усыновленного ребенка, так и интересам нашего государства.

Ребенок может быть усыновлен как супругами, так и одним лицом, состоящим или не состоящим в браке. Законодатель установил ограничения для иностранных граждан, которые не состоят между собой в браке. Они не могут совместно усыновить одного и того же ребенка – гражданина РФ.

Последующий контроль в целях защиты прав и законных интересов усыновленного ребенка из России гражданами иностранных государств сегодня осуществляется

на основании представленных отчетов в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Согласно действующему законодательству, они готовятся компетентными органами по результатам проведенных обследований условий жизни и воспитания ребенка (их должно быть четыре) на протяжении первых трех лет, начиная с даты вступления в силу решения суда об усыновлении. В отчетах ответственные лица обязаны отразить сведения о состоянии здоровья ребенка, его обучении, эмоциональном и поведенческом развитии, навыках самообслуживания, внешнем виде и взаимоотношениях в семье и другую информацию, касающуюся жизни и деятельности усыновленного ребенка, его быта, образования, увлечений. К отчетам могут прилагаться фотографии и копии документов.

Некоторые правила, связанные с контролем и защитой прав и интересов усыновленного ребенка, нашли отражение в международных соглашениях, которые в последние три года претерпели значительные изменения в связи с происшедшими страшными событиями (гибель российских детей по вине усыновителей – иностранных граждан, жестокое обращение с усыновленными детьми и т.п.), которые «заставили» Российское государство задуматься о цене детской жизни. Последовала реакция Российской Федерации: резко изменился ее подход к сотрудничеству в данной сфере с некоторыми иностранными государствами.

Россией был пересмотрен ряд законоположений. Например, относительно декларирования возможности возвращения детей, усыновленных гражданами США, в «страну происхождения», намерения прекратить выполнение обязательств в отношении США Россией в одностороннем порядке, а также был принят и введен в действие на территории РФ с 1 января 2013 г. так называемый «Закон Димы Яковлева» [6].

Вместе с тем, несмотря на перечисленные изменения, контроль за жизнью усыновленных российских детей за рубежом остается, на наш взгляд, все-таки малоэффективным. Российская сторона не всегда владеет данными о судьбе усыновленных детей, переданных на воспитание гражданам-иностранцам.

Поэтому необходимо в рамках международного правового поля закрепить определенные процедуры контроля, которые бы четко регламентировали порядок обращения российской стороны к иностранным государствам (в их специализированные органы или центры), которые обязаны будут предоставить информацию о месте жительства ребенка, об условиях его проживания и другие сведения, и не только в течение трех лет, установленных действующим законодательством, но и в последующие годы, до совершеннолетия ребенка. Кроме этого необходимо установить как обязательную процедуру сообщения в РФ от органов других государств через федеральные центры информации об изменении места жительства или условий жизни ребенка.

Таким образом, последующий контроль должен реализовываться не только посредством предоставления отчетов, но и ответов на запросы и обращения нашего государства. Имеется также необходимость в достижении договоренностей по установлению правовых основ проведения мониторинга жизни усыновленных российских детей. В обязательном порядке и в короткий срок, в случаях, когда речь идет о защите прав и законных интересов ребенка, необходимо закрепить право ребенка на возвращение в Россию, установив четкий порядок возвращения, условия, при которых может быть принято такое решение, а также орган, уполномоченный на его принятие. Заметим, что в настоящее время право на возвращение имеет декларативный характер.

Таким образом, сформулированные авторами дополнения в действующее семейное законодательство могли бы способствовать реализации гуманистических целей России, являющейся, согласно Конституции Российской Федерации, социальным и правовым государством.

Литература

1. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. М., 2013.
2. Об утверждении комплексного плана основных мероприятий по реализации концепции «Основные направления развития системы защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей, в Хабаровском крае на 2013 – 2017 годы»: распоряжение Правительства Хабаровского края от 28 сентября 2013 г. № 709-рп // Сборник законодательства Хабаровского края. 2013. № 9 (ч. 1).
3. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
4. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
5. О материальной поддержке граждан Российской Федерации, проживающих на территории Приморского края, усыновивших (удочеривших) детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: закон Приморского края от 29 апреля 2013 г. № 203-КЗ. URL: http://adoptlaw.ru/subjects-law7/zakon_primorskogo_kr1396428507.
6. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7597.
7. Пчелинцева Л.М. Семейное право: учебник. М., 2011.

УДК 341.1/8; 341.215.43; 331.91

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Александрович Рыбак, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: mmmasa@rambler.ru

В статье рассматривается роль международного права в регулировании миграции населения и место соответствующих норм в правовой системе Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция; миграционная политика; международное право; национальное право; правовой статус личности.

THE INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK OF MIGRATION AND MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Aleksei Alexandrovich Rybak, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This paper examines the role of international law in the regulation of migration and place of the relevant rules in the legal system of the Russian Federation.

Keywords: migration; migration policy; international law; national law; the legal status of the individual.

В настоящее время миграционные потоки в мире имеют все более интенсивные формы, порой принимающие чрезвычайный характер. Последние события, связанные с нескончаемым потоком беженцев из африканских и ближневосточных стран в Европу, тому пример. Среди основных причин перемещения населения из одних регионов в другие следует отметить вооруженные конфликты и политическую нестабильность, а также разницу в уровне жизни населения развитых и развивающихся стран. Все это объективные процессы, их невозможно остановить, но, безусловно, необходимо регулировать. Иначе негативные последствия могут наступить для мирового сообщества в целом.

Практика показывает, что интеграция мигрантов в общество принимающего государства – очень сложный процесс. Здесь задействовано множество факторов культурного, национального, религиозного характера. Наглядным является пример толерантной, мультикультурной политики западноевропейских государств по отношению к мигрантам. Она не дала положительных результатов и привела к росту антисоциального поведения, преступности и терроризма среди мигрантов. В связи с этим уже с конца XX в. развитые государства начали ужесточать свое миграционное законодательство.

В то же время, анализируя глобальные экологические, экономические, социальные и иные проблемы современного мира, можно предположить, что они не могут быть разрешены лишь на национальном уровне и требуют совместных активных скоординированных действий всего мирового сообщества. В связи с этим, бесспорно, возрастает

роль международного права в решении вопросов регламентации правового статуса мигрантов, регулирования внешней трудовой миграции, управления миграционными потоками и т.д.

Безусловно, для Российской Федерации, с ее высокими потребностями в трудовых ресурсах и стремительно трансформирующейся миграционной политикой, этот вопрос более чем актуален. Об этом свидетельствует положительная динамика прибытия мигрантов в Россию. Так, в 2010 г. на территорию Российской Федерации прибыло 191 656 чел., в 2011 – 356 535 чел., в 2012 – 417 681 чел., в 2013 – 482 241 чел.*

В настоящее время Россия стала участником большинства международных актов, затрагивающих сферу миграции населения, свободу передвижения и вопросы правового статуса личности. Так, к числу международных актов, ратифицированных Россией в этой области, можно отнести Всеобщую декларацию прав человека [1], Международный пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» [7], Международный пакт «О гражданских и политических правах» [8] и факультативные протоколы к нему.

Данные документы представляют собой международно-правовую основу для признания и соблюдения прав человека, обеспечивающих гуманное обращение с беженцами, вынужденными переселенцами и лицами, ищущими убежище.

В целях противодействия негативным тенденциям миграции в мировом масштабе в 2000 г. Российской Федерацией была подписана Конвенция против транснациональной организованной преступности (ратифицирована в 2004 г.) [12]. Однако, учитывая невысокую степень реализации положений данного документа на сегодняшний день, имеется необходимость выработки дополнительных законодательных мер по повышению эффективности его воплощения в жизнь на территории Российской Федерации [6, с. 56].

Как уже отмечалось, в большинстве случаев миграция вызвана разницей в уровне жизни населения развитых стран и населения стран развивающихся, при том, что экономические причины здесь являются преобладающими. Следует полагать, что этим обосновывается большой интерес к проблеме международно-правовых норм именно в сфере регулирования труда.

Принципы правового регулирования отношений в области труда, соответственно и труда мигрантов, в Российской Федерации основываются на нормах международного трудового права. Большинство из них содержатся в документах Международной организации труда (МОТ), членом которой является и Россия [2, с. 76]. Такими документами являются Декларация о целях и задачах Международной организации труда и Декларация об основополагающих принципах и правах в сфере труда и механизм ее реализации.

Вместе с тем, Российская Федерация, имея ряд международных соглашений в области регулирования экономической миграции, до сих пор не ратифицировала Конвенцию ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (далее – Конвенция). В данном документе главным образом провозглашены права всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. Экономические, социальные и культурные права мигрантов зависят от их конкретного положения. Установлено, что трудящимся-мигрантам должна предоставляться, как минимум, неотложная медицинская помощь, причем в той же мере, в какой она предоставлялась бы гражданину. В ней есть и дополнительные права трудящихся-мигрантов и членов их семей, имеющих документы, а также таких особых категорий трудящихся-мигрантов, как приграничные трудящиеся, сезонные трудящиеся, трудящиеся, работа которых связана с переездами. Основной целью этой Конвенции является защита мигрантов от дискриминации.

Ратификация данной Конвенции дала бы возможность России обеспечить четкую нормативную определенность в отношениях между государством и трудящимися-

* URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 14.09.2015).

мигрантами, могла бы стать еще одним шагом на пути совершенствования правовых основ миграционной политики Российского государства.

Также среди международно-правовых актов, не ратифицированных Российской Федерацией, следует отметить, например, Конвенцию о рабочих-мигрантах 1949 г. К числу ее основных достоинств можно отнести определение понятия «рабочий-мигрант». Им признается лицо, которое мигрирует из одной страны в другую с намерением получить работу (исключение составляет работа по найму) и которое допускается в соответствии с законом страны пребывания в качестве рабочего-мигранта. Данная конвенция накладывает обязательство на членов Международной организации труда предоставлять информацию о политике и ситуации в стране относительно общественных отношений в сфере трудовой миграции в Международное бюро труда. Это может быть информация об условиях труда и жизненных условиях рабочих-мигрантов. Членам МОТ, для которых данная Конвенция находится в силе, необходимо учреждать компетентную и безвозмездную службу оказания помощи рабочим-мигрантам. При возникновении необходимости эти государства должны принимать соответствующие меры для отъезда, переезда и приема рабочих-мигрантов в пределах своей юрисдикции.

Посредством данной Конвенции главным образом осуществляется регулирование взаимодействия между членами МОТ по вопросам миграции. Оно выражается в сотрудничестве по выявлению фактов незаконной миграции, в предоставлении информационной поддержки и консультативно-правовом сопровождении мигрантов. Каждому участнику Конвенции необходимо разрабатывать и реализовывать национальную политику, признающую и гарантирующую «равенство возможностей и обращения в отношении труда и занятий, социального обеспечения, профсоюзных и культурных прав и индивидуальных и коллективных свобод для лиц, находящихся на законных основаниях на его территории в качестве рабочих-мигрантов или членов их семей» [11, с. 65-66].

Существующие в настоящее время международно-правовые стандарты в области миграции имеют свои особенности и отличия от общих стандартов прав человека. В них уделено особое внимание трудовым и иным социально-экономическим правам. Во все стандарты прав мигрантов входит свобода передвижения и выбора места жительства, а также запрет на высылку физических лиц с территории государства (за некоторыми исключениями), запрет на воспрепятствование въезду и выезду, пересечению государственной границы. Стандарты в данной области имеют достаточно детализированный и подробный характер. Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенция о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении рабочим-мигрантам равенства возможностей и обращения 1977 г., Конвенция о рабочих-мигрантах 1949 г., Европейская конвенция о статусе трудящихся мигрантов 1983 г. – тому подтверждение.

Принципы всеобщего уважения прав человека, равенства и недопущения дискриминации являются основополагающими в международных стандартах правового регулирования миграции населения. Они также составляют основу международно-правовой политики регулирования миграции международных организаций. Прежде всего эта политика направлена на регулирование миграционных потоков, противодействие нарастающей нелегальной миграции, создание возможностей для доступа мигрантов к легальным рынкам труда и эффективную интеграцию мигрантов в общество государства пребывания.

Анализ международно-правовых норм в области миграции населения будет неполным без выяснения вопроса об их месте в правовой системе Российской Федерации.

Очевидно, что в России регулирование миграции населения должно осуществляться на основе общепризнанных принципов и норм международного права и ее международных договоров, не противоречащих Конституции РФ. Данное положение прямо

вытекает из содержания ч. 4 ст. 15 и ч. 6 ст. 125 Конституции РФ [4]. Поскольку речь идет обо всех возможных общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах как о составной части правовой системы Российской Федерации, данные положения относятся и к миграционной сфере в том числе.

Такой позиции придерживается и Верховный Суд Российской Федерации. Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (далее – Постановление) [10], ратифицированные законом РФ международные договоры обладают приоритетом перед российскими законами. Если они ратифицированы в форме федерального закона, то соответствующий договор имеет приоритет в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор [3, с. 75].

Особо необходимо рассмотреть вопрос о юридической силе общепризнанных принципов и норм международного права. В настоящее время в науке не сложилось единого определения общепризнанных норм [13].

В пункте 1 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержатся определения рассматриваемых понятий. В нем сказано, что «общепризнанными принципами и нормами международного права следует считать основополагающие императивные нормы международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом в целом. К ним относят принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения обязательств. Россия признает основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН, но существующие в силу обычая». Также к общепризнанным нормам международного права Постановление относит правила поведения, признаваемые международным сообществом в качестве юридически обязательных.

Можно предположить, что эти нормы существуют независимо от того, закреплены они в международных нормативно-правовых актах или нет. При этом на юридическую силу не влияет тот факт, что международные нормативно-правовые акты, в которых они содержатся, вступили в силу или утратили ее. К общепризнанным принципам международного права относятся принципы Устава ООН, имеющие императивный характер. Особенность этих принципов состоит в том, что они не могут быть произвольно изменены и несоответствие им любого международного договора является основанием для безусловного признания его недействительным независимо от того, существовал ли такой принцип и норма в момент заключения договора, или она возникла позднее, уже в процессе его действия.

В вопросе имплементации рассматриваемых норм в правовую систему государства существуют различные мнения. Приверженцы идеи об их невключении в национальную правовую систему обосновывают такое воззрение тем, что не все нормы международного права предназначены для урегулирования внутрисударственных отношений [5, с. 48]. С этим можно согласиться, но следует подчеркнуть, что все же некоторые из них необходимо включать во внутрисударственные отношения после определенных процедур (например, ратификации).

В правоприменительной практике имеет место неопределенность на предмет соответствия заключаемых межправительственных международных договоров и международных договоров межведомственного характера общепризнанным принципам и нормам международного права.

Учитывая вышеперечисленные проблемы международной и внутринациональной практики, следует обратить внимание на действующее российское законодательство. Так, например, в настоящее время существует необходимость внесения изменений и дополнений в Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [9]. Суть их должна состоять в законодательном раз-

граничении полномочий органов государственной власти при заключении международных договоров. Понятия «международный договор» и «межправительственное соглашение» в силу их разной сущности и правовых последствий необходимо разграничить, а межведомственные договоры исключить из состава международных договоров РФ. Далее, установить ответственность компетентных должностных лиц в случаях допущения подписания и (или) применения международных договоров, не соответствующих общепризнанным принципам и нормам международного права. Применение норм международного права на территории Российской Федерации становится возможным, так как, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, они являются составной частью ее правовой системы. Но в то же время можно сказать, что эти нормы не способны изменить своей природы и не становятся нормой российского права в полном смысле этого слова. Государство может устанавливать в своем законодательстве нормы, отсылающие к положениям международных договоров, но данные нормы так и остаются «чужими» для российского права.

Тем самым вопрос о месте норм международного права в правовой системе Российской Федерации остается открытым и дискуссионным. Но следует полагать, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры представляют собой отдельный блок норм и источников в правовой системе Российской Федерации. Источники национального права и международного права относятся к разным правовым системам. У источников российского права, так же, как и у источников международного права, своя система иерархии, поэтому в одну систему их объединить невозможно. В действительности место источников международного права в чужеродной для них правовой системе национального права сложно определить.

Таким образом, общепризнанные принципы и нормы международного права и нормы международных договоров относятся к применимому праву Российской Федерации, причем нормы ратифицированных международных договоров обладают приоритетом перед российскими законами.

Подытоживая, отметим, что значительное количество вопросов миграции населения в России регламентируется разного рода международными договорами и соглашениями. Регулирование миграционных процессов посредством данных форм достаточно эффективно, но вместе с тем государство должно вести рациональную национальную политику регулирования миграционных потоков в зависимости от демографических, экономических, социальных, культурных и прочих условий. В противном случае возможна угроза наступления миграционного кризиса, который сейчас происходит в Европе.

Международное право и национальное право России в области правового регулирования миграции населения в Российской Федерации находятся в плотном взаимодействии. Однако все существующие стандарты в этой области не характерны для российской правовой системы, поэтому ратификация некоторых международных документов в сфере миграции населения содействовала бы совершенствованию правового регулирования миграционной политики Российской Федерации.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. Демина Н.Н. Конституционно-правовое регулирование пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ как средство пресечения нелегальной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Елец, 2010.
3. Ершова Е.А. Международное и российское трудовое право // Трудовое право. 2006. № 12.
4. Конституция Российской Федерации 1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Лукашук И.И. Нормы международного права в правовой системе России: учеб.-практ. пособие. М., 1997.

6. Мишунина А.А. Система правового регулирования иммиграционных процессов в федеративном государстве: конституционно-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.
7. Об экономических, социальных и культурных правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
8. О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.
9. О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.
10. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. 2003. 2 декабря.
11. Пилюгина И. В. Конституционные основы правового регулирования статуса мигрантов в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
12. Против транснациональной организованной преступности: конвенция от 15 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
13. Талалаев А.Н. Два вопроса международного права в связи с Конституцией РФ // Государство и право. 1998. № 3. С. 64-70.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70%.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <http://dvui.ru/rid>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. **Плата за опубликование статей не взимается.**

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.